В.С. Бушин
Спасатели и гробовщики Владимира Путина

* * *

Вместо предисловия

Жизнь, которую прожил Владимир Сергеевич Бушин, величественна и вдохновенна. Он – сын красной эры, сын Победы, которая вела его сквозь кромешные битвы и позволила увидеть победный салют. Он – сын той восхитительной страны, что возвела удивительные города, великолепные университеты и научные центры, воздвигла атомные станции, умчалась в космос и создала нового человека – человека Победы. Этот человек был рожден, чтоб сказку сделать былью.

Да, Бушин – сын этой красной советской эпохи. Но когда она завершилась, и вероломные победители стянули с Кремлевского дворца красный стяг, Бушин из сына эпохи превратился в ее отца, ее хранителя, ее часового. Победители 1991 года устранили у Мавзолея пост № 1,

когда под звон курантов шествовали по брусчатке рослые воины, занимая место у бронзовых дверей Мавзолея, сверкая штыками. Теперь их нет. Но у этих дверей стоял Владимир Бушин. Он оберегал покой великого Ленина, охранял могилу Иосифа Сталина, берег покой тех, кто лежит в красной кремлевской стене. Горе тому, кто посягал на великие советские ценности, своим словом или неосторожным замечанием касался красных святынь. Бушин бил его на лету, как сокол бьет нелепую утку. Когтил, выклевывал глаза, и тот после налета Бушина оставался ощипанным, смешным, и все видели его голую кожу в мелких пупырышках.

Куда они делись, все бесчисленные вожди и учителя, которые научали нас жить по красным законам, любить красное Отечество и жертвовать ради него своей жизнью? Куда все они улетучились? Одни умолкли навек, не пережив крушения страны. Другие трусливо затаились, спрятались в кучу палой листвы и жили там, как сонные зимние ежики. Третьи, и их немало, переметнулись на сторону победителей, стали топтать и хулить то, что недавно воспевали и славили. Бушин одиноко и грозно оставался на своем священном посту. Он не изменил своей вере, не поменял своих взглядов.

Бушин был великолепным публицистом, непобедимым фехтовальщиком. От его рапиры отскакивали неловкие и дурные дуэлянты. Он был удивительным писателем с безупречным вкусом той великолепной литературной школы, к которой принадлежали Шолохов и Твардовский. Он был государственным мыслителем, проникающим в суть явлений. И если власть преподносила нам эти явления как наливное яблоко, Бушин всегда мог разглядеть скрывшегося там червя.

Бушин – это человек-эталон. Среди множества хаотических, наполненных переменами явлений должны существовать эталоны. Должен быть эталонный метр, чтобы этим метром можно было измерить расстояние от Земли до Луны, чтобы космические корабли вводили в свои программы эту эталонную меру длины. Должен существовать эталонный килограмм, с помощью которого точно измерят вес Земли на тот случай, если найдется архимедов рычаг, и нашу Землю удастся приподнять. Бушин – человек-эталон. И тому, кто стремится к совершенству человеческих поступков, стремится к этическому совершенству, безупречному литературному стилю, чистоте и возвышенности помыслов, – тому Бушин может служить эталоном.

Александр Проханов

Угомонитесь, бесстыдник!

К кому обратиться?

Я не знаю, к кому с этим обратиться – к министру обороны? к секретарю Совета безопасности? к министру иностранных дел?

Как известно, ряд весьма эффективных видов оружия, сыгравших в ходе Великой Отечественной войны очень важную роль, был создан советскими учеными, оружейниками, конструкторами еще до войны. Никто не шумел, не хвастался новым оружием по радио или в газетах. Это была государственная военная тайна. Понятное дело! И это оружие явилось страшной неожиданностью для немцев, и до конца войны они так и не смогли ничего перенять у нас или создать что-то подобное

И вот можно ли вообразить, чтобы тогда Сталин обратился бы к Гитлеру: «Милостивый государь, не хотите ли вы приобрести у нас отменный минометик «Катюша», или редкостный самолетик «Ил-2», а еще и небывалый танк «Т-34»? Зачем вам тратить средства и силы на создание такого оружия, когда оно уже создано? Какая разница, кем создано… Вы очень многое сэкономите!».

Ну конечно, предположение о таком обращении Сталина к Гитлеру целиком из области черного юмора. Забота СССР о сбережении сил и средств вероятного противника, о модернизации его оружия могла родиться только в свихнувшейся голове. И таких голов в стране не было и не могло быть, а если все-таки появлялись, их тотчас отвинчивали. Однако в нынешние замечательные времена с их безграничной свободой и прозрачностью такие головы появились. Мы видели это раньше и видим сейчас.

Многие уже забыли, а те, кто помоложе, и не слышали об одном поразительном событии в самом начале этой антинародной заварухи. Жил-был некий Вадим Бакатин. Хорошо жил, был секретарем обкома, а когда Горбачев то ли свалился с Луны в Кремль, толи пролез туда, как крот, он сделал его министром внутренних дел. И первое, чем занялся Бакатин, была ликвидация КГБ. Зачем он, коли теперь кругом только партнеры, коллеги и побратимы? И книгу об этом написал – «Избавление от КГБ». Он из тех, что в должности министра образования написал бы и книгу «Избавление от медицины» Его сочинение мадам Солженицына потом выдвинула на премию им. Солженицына. Не знаю, получил ли.

Одна из акций этого избавления тогда вызвала в США землетрясение от смеха, охватившего американцев. Дело в том, что когда янки строили новое здание для своего посольства в Москве, наши гениальные умельцы изловчились еще в те мраморные глыбы, которые везли из Финляндии в Москву для посольства, насовать множество великолепных подслушивающих устройств. Конечно, подслушивать нехорошо, разумеется, это не комильфо. Но что делать! Большевики понимали: таков мир, в котором мы живем. А ныне в Кремле никто не понимает, каков мир. А как показал Эдвард Сноуден, сами американцы подслушивают весь мир, в том числе своих лучших друзей. В Кремле едва ли этому верят.

И вот Бакатин, вдохновленный идеей всемирного братства полудурков, получив согласие Горбачева и Ельцина, выдал американцам схему наших подслушивающих устройств. Те онемели от изумления, не могли поверить, что в стране социализма водятся такие монстры палеолита. Но когда стали проверять, когда увидели, что все так и есть, как в схеме, тогда и раздался громоподобный хохот, вызвавший землетрясение. А едва хохот стал затухать, они узнали, что Бакатин твердо уверен и ждет от них какого-то адекватного полоумного жеста – и снова хохот!

А Бакатин опять: «Я же сберег им огромные средства, которые потребовались бы для обнаружения нашей хитрости. Я избавил американских налогоплательщиков от лишних трат!». Советский министр заботился об американских налогоплательщиках, а то, что наша операция тоже стоила больших средств, он не знал и знать не хотел… Однако справедливости ради заметим: Бакатин все-таки, видимо, понял, что после такого деяния ему просто нельзя появляться на людях, и давно залег на дно, хотя место ему, конечно, в психушке.

Но представьте себе, дело Бакатина живет! Причем на гораздо более высоком уровне. Не министр, а президент не делает никакой тайны из нового оружия, как мы когда-то из «Катюши». Наоборот, он то и дело говорит о нем, называет тактико-технические данные, показывает на экране, как оно может поражать неприятеля. Глядите, братушки! Все открыто, все прозрачно! Товарищ Шойгу, вы это прозрачное хвастовство одобряете? Николай Платонович, как секретарь Совета безопасности, вы не находите эти спектакли излишними? Товарищ Лавров, что вы молчите?..

Но вот что еще поведал нам президент 5 сентября 2019 года из Владивостока о разговоре с американским президентом: «Ну, я сказал Дональду: хочешь, мы тебе продадим наше новое оружие? И таким образом сразу все уравновесим». Он ночей не спит, ему досадно, что американские партнеры тут приотстали, он заботится о равновесии, о равенстве с американскими коллегами…

А что же Трамп? Он ответил: «Мы сами скоро создадим».

А Путин? «Да зачем деньги тратить, когда мы уже потратили?» Ну, совершенно как Бакатин! И словно он не знает, что его родина объявлена в США врагом, и словно нам с американцами предстоит совместная борьба против инопланетян.

Мы помним, конечно, что Путин долгие годы изо всех сил любезничал с Западом, из кожи лез, чтобы стать дружбаном всех его членов, вплоть до Эстонии, за счет своей родины, ее истории и культуры. Так, в Финляндии он возложил венок к памятнику Маннергейму, потом Медведев, будучи тоже президентом, возложил венок еще и к могиле Маннергейма, а не так давно они пытались установить в Ленинграде мемориальную доску Маннергейму, но сорвалось: ленинградцы, блокадники и дети блокадников взбунтовались.

Польшу Путин попытался приласкать тем, что вслед за Горбачевым и Ельциным заявил: Геббельс был прав, это русские расстреляли польских офицеров в Катыни. А главный хирург Красной Армии академик Бурденко и митрополит Николай – лжецы, клеветавшие на ни в чем неповинных немцев.

А нынешних немцев Путин старается задобрить тем, что когда упоминает о Великой Отечественной войне или посылает поздравления ее участникам, то никогда не говорит, не пишет, что это была война с немцами, а так – неизвестно с кем. О взятии Берлина в третий раз, о штурме рейхстага, о Красном знамени над рейхстагом – ни слова!

Надо ли упоминать об угодничестве перед Америкой? Упомяну только об одном, о котором он поведал сам: с ельцинских времен до 2013 года, т. е. 12 лет уже его правления, американцы имели совершенно свободный доступ к «святая святых» (его выражение) нашей ядерной мощи и чувствовали себя там до того уютно, что их «рабочие места» в нашем «святая святых» были украшены национальными флагами США.

Рассказывая об этом, он хотел показать бесцеремонность, наглость американцев и вызвать наше сочувствие, но показал свою преступную безответственность, угодливость и бесхарактерность, а вызвал только презрение, и вовсе не к американцам. А вот такой важный деятель как Константин Косачев, многолетний председатель Комитета Совета Федерации по международным делам, как, впрочем, и кинорежиссер Карен Шахназаров и, конечно, Ирина Яровая, считают такое угодничество и ласкательство за счет своего народа мудрой дипломатией политиков «планетарного масштаба». И не приходит им в голову простой вопрос: а каков результат – чего такой политикой добились, каков ее успех? А результат даже не нулевой, а шибко минусовый.

* * *

И вот хочется обратиться к Веронике Игоревне Скворцовой, российскому министру здравоохранения. Да, все это мы видели, все знали, но, Вероника Игоревна, не кажется ли вам, как гражданке России, что нынешняя готовность президента Путина продать Америке секретное российское оружием превосходит все его прежние улыбочки, поклоны перед Западом, все любезности и заигрывания с ним, что это наносит большой реальный ущерб нашей обороноспособности и создает опасность для страны?

И потом… Вы окончили школу с золотой медалью, вы в своей семье врач в пятом поколении, вы окончили ординатуру кафедры нервных болезней, вы знаток нейрохирургии, скажите, не есть ли желание главы государства предоставить новейшее оружие нашему стратегическому

недругу симптомом тяжелого нервного расстройства, вызванного столь долгим пребыванием на высоком ответственном посту?..

Угомонитесь, бесстыдник!

Присматриваясь и прислушиваясь в последнее время к президенту Путину, можно было подумать, что он угомонил, приструнил своего буйного беса антисоветчины, в частности, его поразительную ленинофобскую страсть. Ну, в самом деле, приближается знаменательный юбилей великой победы Советского народа над фашистской Германией. И знает же Путин, что мы сражались под знаменами, с которых на нас смотрел Ленин. Обязан же он понимать, если считает себя русским, чем были полны и как бились наши сердца, когда 7 ноября 1941 года, когда враг был под Москвой, а мы услышали слова Сталина с легендарного парада на Красной площади: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!».

Да, в истории Великой Отечественной войны, в истории нашей эпохальной Победы первое слово – имя Ленина. С ним шли в бой и 22 июня 1941 года и к его Мавзолею 24 июня 1945 года бросили вражеские знамена. А он начал путь к юбилею Победы с плевка на имя Ленина…

Последний раз Путин позволил себе отвести душу и потешить своего пархатого беса ленинофобской выходкой 21 января 2016 года, именно в очередную годовщину со дня смерти Ленина. Нынешние властители обожают не просто стукнуть или щипнуть, а сделать это как-то особенно болезненно, с вывертом. Так, именем прохвоста Солженицына назвали не какую-нибудь улицу Москвы, а Большую Коммунистическую. Такая патология показала себя и тогда, почти четыре года тому назад.

В тот день Путин явился к ученым в Курчатовский институт на заседание президентского Совета по науке. Наука – это его страсть. Как дзюдо. Там в ходе беседы академик Михаил Ковальчук к слову процитировал строки Пастернака о Ленине:

Он управлял теченьем мыслей,
И только потому – страной.

Путин в ответ на это сказал примерно то же самое, что мы давно уже слышим от его любимца Жириновского, а уже тогда слышали и ныне слышим из Киева от бандеровцев. Впрочем, он даже перещеголял всех: «Ленин заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом». Так и сказал: атомную… А когда –

«потом»? Заложил в 1922 году, создав Советский Союз, а рванула в 1991 – через 70 лет. Надо понимать, что Ленин по дистанционному управлению взорвал бомбу из Мавзолея. От злобности, замутившей большой разум с короткими мыслями, Путин не соображал даже того, что до атомной бомбы-то было еще очень далеко, а когда она появилась, ее не подкладывали, как мину, а бросали с самолета. Он не видел и того даже, как совсем не весело смешон, жалок в своей натуге… Впрочем, раньше, как увидим, он говорил не об атомной бомбе, а о мине, но это показалось ему мало, и вот вздул до бомбы…

А что на эту прискорбную чушь академик Ковальчук, почитатель Пастернака? А ничего. Утерся… Это ведь не академик Павлов, писавший Молотову гневные письма, не Жорес Алферов, автор книги «Власть без мозгов».

Ковальчук, любитель поэзии, поди, помнит мудрый стишок о несчастном коллеге Галилее:

Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья…

Оказывается, как напомнил Валерий Розанов, еще в 2002 году Путин в документальном фильме «Вечерний разговор» (режиссер Игорь Шадхан) говорил: «Я бы хотел сказать о той трагедии, которую мы переживаем сегодня, а именно о трагедии распада нашего государства. А иначе, чем трагедией, это не назовешь. Я думаю, что именно деятели октября 1917-го года заложили мину (вот она, будущая бомба! – *В.Б.*) замедленного действия под это здание – под здание унитарного государства, которое называлось Россия. Что они сделали? Они разбили наше отечество на отдельные княжества, которые раньше на карте земного шара не фигурировали вообще, наделили эти княжества правительствами и парламентами, а теперь мы имеем то, что имеем…».

Это поразительно! По своей неряшливой недоученности или умственной недостаточности от рождения человек просто не понимает, что говорит, вернее, он говорит против себя, но не понимает этого. Ведь какое убожество мысли: он думает, он уверен, что развал страны может быть только по «княжествам», по границам между ними, т. е. по «естественным», что ли, логическим основаниям. Не понимает, не допускает мысли, что в реальной жизни многое совершается вопреки логическим основаниям. Именно так и случилось в России после свержения царизма и Октябрьской революции. Ни «княжеств», ни границ между ними не было, но вдруг появились «незалежная» Украина с Верховной Радой и гетманом Скоропадским, Белорусская народная республика, республики Кавказа и Закавказья… Да, да, были губернии – Киевская, Минская, Тифлисская… И вдруг – самостоятельные государства, державы!

И как к этому отнеслись минер Ленин и все большевики? Они слишком любили родину и не мыслили возможным ее распад, у них это в голове не укладывалось. Они плевали на то, что скажет тогдашнее «мировое сообщество» и сделали все законное и незаконное, чтобы сохранить единство страны. Невзирая ни на что, они действовали кнутом и пряником. Кнут – послали Первую конную армию Буденного на Украину, и она вышибла Скоропадского, и рассеялась Рада. А пряник – право нации на независимость вплоть до отделения. Но это право, во-первых, давалось только республикам, имеющим вешнюю границу и население свыше миллиона человек; во-вторых, оно ставилось в зависимость от широко понимаемых «интересов революции». Поэтому за всю Советскую эпоху вопрос о выходе хоть одной республики из СССР ни разу и не возникал.

* * *

Это одна сторона вопроса. А вторая – ее уж не так давно мы видели сами, и тут активнейший участник – сам Путин. Ведь Россия, вернее, Ельцин, считавший себя голосом России, первым провозгласил верховенство российских законов над всесоюзными, что означало фактический выход России из Союза республик. И это было оформлено подписанием беззаконного документа трех президентов-предателей в Беловежский пуще – о ликвидации СССР с немедленным извещением об этом американского президента.

Что оставалось делать остальным республикам? Только одно – последовать примеру старшего брата. Это они и сделали.

А Ельцин стал разъезжать по автономным республикам и областям России с полоумным провокаторским воплем: «Берите независимости, сколько проглотите!».

А Ельцин для Путина кто? Крестный папа. Он его выбрал из толпы безликих степашиных и, как стало недавно известно, представил в Вашингтон на утверждение. Вашингтон утвердил. Надо было отблагодарить папашу. Сделано: вместе со всей его семьей Путин своим первым же президентским указом объявил папашу неприкасаемым для закона. А когда тот помер, похоронил государственного преступника как национального героя и отгрохал ему памятник, как пирамиду Хеопса.

И вот какое государственное устройство оставил Ельцин. В Федерации 85 субъектов: 22 автономных республики, 9 краев, 46 областей, 4 национальных округа. Во всех республиках – президенты и правительства с множеством министерств и министров, в каждой области – тоже правительство с таким же набором чиновников, имеющих хороший аппетит…

Я справился о родном правительстве Московской области. Оказалось… Спокойно! Сядьте поудобней, обопритесь. Оказалось, в области 18 министерств, 19 главных управлений и 5 комитетов… Прикиньте на

глазок, сколько здесь активных едоков. Есть и Министерство безопасности. Чем оно занято, если министр финансов Алексей Кузнецов несколько лет беспрепятственно воровал крупные суммы, и когда за пазухой было уже 14 миллиардов рублей, так же беспрепятственно упорхнул во Францию на Лазурный берег? И только недавно французы его схватили, подарили губернатору Воробьеву, и вот теперь упекли ворюгу на 14 лет.

Да, 85 субъектов, и все они, словно иностранные державы, имеют свое представительство в столице. Сколько там едоков, я не знаю, но не раз проходил в районе Арбата (Глазовский переулок, 8) мимо дома с вывеской «Представительство Правительства Калужской области при Правительстве Российской Федерации». Роскошный особняк начала прошлого века в стиле модерн. А там внутри – тоже неутомимые едоки, и у них машины, связь, охрана, которая, опять же, без пищи не может…

В Советское время имелись в Москве представительства союзных республик. Это понятно. Ведь некоторые были даже членами ООН. И дела у них в столице могли быть серьезные. А эти чем занимаются? О них же и не слышно, они словно подпольно существуют, но – в особняках. И потом, союзных республик вместе с Россией было 15, а «субъектов» – 85!

Словом, смотрите: президенты, правительства, посольства – все готово для развала страны даже не по республикам, а по областям. Все сделано для независимого статуса Калужской области и еще 84 «субъектов». И все это сделали Ельцин и его верный воспитанник, ученик, почитатель. И у него поворачивается язык обвинять Ленина, спасителя родины, в создании «княжеств», в развале России!

С кем этого бесстыдника можно сравнить? Не знаю…

Готов подставить плечо

(письмо президенту в день скорби 25 ноября 2019 года)

Уважаемый Владимир Владимирович, будучи не согласен с Вами по многим вопросам русской истории и современной жизни, как и нынешней политики, я, однако же, сегодня вместе с Вами скорблю о смерти незабвенной Людмилы Алексеевны Вербицкой. Это была доблестная воительница за наш родной язык, она прославляла и защищала его умело, страстно и неутомимо. Мир ее праху… Вероятно, 27 числа Вы будете на ее похоронах и бросите горсть земли в ее могилу. В этот час рядом с Вами мысленно окажутся многие русские люди…

Вы сказали, что пользовались помощью Людмилы Алексеевны, звонили ей даже из самолета и спрашивали, как правильно сказать в том или

ином затруднительном случае. И всегда получали от нее нужный ответ. Прекрасно! Отрадно было узнать об этом.

Если бы думали о родном языке и другие государственные персонажи, часто вещающие с экран телевизора! Но Вы посмотрите, как въелось презрение к русскому языку в ближайшем Вашем окружении. Только Вы сказали с экрана сочувственные и благодарные слова о Людмиле Алексеевне, как следом тотчас появились Медведев, потом Песков и понесли: «фейковые новости», «комфортное пищеварение», «креатив», «негатив», «примитив»… Мы на святой Руси или среди американских дельцов в Зимбабве?..

В минувшие годы Вашего правления я неоднократно старался помочь Вам в Вашей многотрудной и ответственной работе. Так, однажды я послал по кремлевскому адресу знаменитую работу В.И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Она была написана летом 1917 года. В Зимнем дворце сидело Временное правительство. И Ленин, несмотря на свое известное отношение к этому правительству, хотел ему помочь, ибо вопрос стоял тогда о судьбе не какой-то партии или формы власти, а о судьбе родины. Очень жаль, если Вам не передали статью Ленина. А если бы Вы ее прочитали и приняли к руководству, то сейчас на пятки Америке наступал бы не Китай, а мы, Россия…

Были и другие жесты в этом направлении, продиктованные желанием предостеречь или вовсе оградить Вас как главу государства от нежелательных поступков, решений, таких как повышение пенсионного возраста, и от недостоверных заявлений, таких как «Ленин заложил атомную бомбу под Россию», «Сталин виновен в поражении Красной Армии в войне с Польшей в 1920 году», «Советской власти нечем было торговать с другими странами, кроме галош», и т. п.

Вот и сегодня, в этот печальный день, желая восполнить понесенную Вами утрату талантливой советницы и руководствуясь тем же чувством коммуниста-государственника, хочу предложить Вам свои услуги на поприще нашего родного языка в случае каких-то словесных или фразеологических затруднений. Основание сделать такое предложение мне дают и моя любовь к родному языку, и большой литературный опыт.

Разумеется, порой я и сам могу оказаться в затруднении, ведь язык – это же океан! Но в моем распоряжении большая библиотека самых разных словарей от 18-томного «Толкового словаря современного русского языка», в свое время удостоенного Сталинской премии, до словарей языка Пушкина, Лермонтова, Островского. А тут – и многотомный словарь народных говоров, и словарь языка XV века, и словарь ударений, и т. д. Уж надо ли упоминать о несравненном Дале и полезном Ожегове, которые всегда под рукой!

Между прочим, Ваш любимец Солженицын узнал о словаре Даля лет в тридцать, уже в лагере, от кого-то из образованных соседей по камере. Попросил жену прислать и, получив, каждый день выучивал наизусть по

странице. Так он сконструировал себе язык с ухабами, кочками и рытвинами, который уже никого не интересует. А я листаю Даля с пионерских времен. «Словарь языка Пушкина» у меня со студенческих лет и т. д. Да и детство мое, самая восприимчивая пора жизни, прошло не там, где у Солженицына, а в русской деревне, на берегу былинной Непрядвы.

А пока замечу, Владимир Владимирович, что и Вы порой злоупотребляете иностранщиной в виде агрессивных английских варваризмов. За этим надо следить.

Но дело не только в варваризмах. Ныне даже исконно русские слова в устах русских людей порой звучат странно. Вот простые слова «трудно» и «сложно». Они близки по смыслу и иногда могут заменить друг друга, но далеко не всегда. Между тем, второе слово сейчас очень часто вытесняет первое. Например, говорят: «Мне это сложно сделать». Что значит сложно? Или: «Мне это сложно понять». В обоих случаях тут следовало сказать «трудно». Это слово твердое, определенное, а «сложно» – размытое, амбивалентное, многозначное. И совершенно не случайно, что оно вытесняет своего собрата именно сейчас, когда так много неискренности, желания скрыть свое подлинное чувство, уйти от ответственности, когда, как сказал поэт, «все тонет в фарисействе».

А еще там, где следует определенно и ясно, твердо и решительно сказать, как когда-то Вертинский, «не могу, не хочу, наконец – не желаю», часто говорят: «Я не готов». Такое же увиливание от прямоты и определенности, как в первом случае, даже искажение сути: ведь по умолчанию имеется в виду, что человек сейчас не готов к чему-то, но в то же время смысл фразы не исключает, что он будет к этому готов когда-то позже, тогда как на самом деле он этого вообще не желает. Например, Чубайс может сказать: «Я не готов предстать перед судом». А на самом деле он и не думает о суде, а считает себя благодетелем и недавно возмущался, почему его и других кровососов до сих пор не наградили орденами. Премии-то им не нужны, хватает награбленного.

Всегда к Вашим услугам.

Жму руку.

Владимир Бушин,

писатель, публицист, поэт,

лауреат премии им. Шолохова

и премии «Сталинград».

Зарплаты Путина и Ленина

Вы слышали? Нашему президенту, работающему пенсионеру Владимиру Владимировичу Путину, повысили зарплату. Ну наконец-то! Вот они с Сергеем Шойгу летали в Саянские горы прогуляться, отдохнуть на дикой природе, пособирать грибов, брусники. Ведь сколько стоят билеты на самолет туда и обратно! (Если бы только туда…). Поди, половину месячной зарплаты. А что остается жене на хозяйство? И как хорошо, кстати как: ведь у Путина как раз день рождения, 67 годочков стукнуло.

Чем был занят в этом возрасте Александр Македонский? Он не дожил до пенсионного возраста, умер в 32 года. Чем был занят Наполеон? И он не дожил ни до пенсии, ни до повышения зарплаты, умер в 52 года. Чем был занят Сталин в 67 лет? Это был 1946 год. Вместе со всем народом Сталин широко отпраздновал великую победу над немецким фашизмом, одержанную под его руководством, поклонился в пояс русскому и всему советскому народу за эту победу и распорядился составить новый пятилетний план восстановления и развития советской экономики, вплотную занялся этим важным делом.

Впрочем, позвольте, чего ж хорошего в нынешнем повышении зарплаты президенту? Мы привыкли довольствоваться подачками. Неужели не могли пораньше лет на пятнадцать, учитывая, как выразился недавно Ильхам Алиев, «фактор Путина» во всей нашей нынешней благодати? Могли! Особенно если вспомнить, что, допустим, Алексей Миллер, глава Газпрома, как и некоторые другие госслужащие, по данным интернета, получает до одурения дикую зарплату – 58 млн. рублей в месяц, а глава государства – глава! – что-то около 6–8 жалких миллионов. Конечно, давно могли повысить. Но вот они, двойные стандарты! Я не понимал, почему президент так часто говорит о них. Оказывается, он сам беззащитная, беспомощная жертва этих стандартов. Вероятно, он надеялся, что мы, его верноподданные, догадаемся о его страданиях и защитим бедолагу. А мы, позорники…

Ну, ладно, что было, то было, и этого не может воротить даже Бог. Дело сделано, повысили. Но почему пресс-секретарь Песков счел нужным сделать об этом специальное заявление? Он разъяснил: оказывается, это не подарок президенту к дню рождения, а «плановое мероприятие», предусмотренное указом, подписанным самим Путиным. Выходит, сам себе повысил в плановом порядке. В плановом! От плановой экономики из-за отвращения к социализму они решительно отказались, барахтаются в бесплановой, а повышение своей зарплат у них, оказывается, плановое. Диво дивное, чудо чудное!

И тут вспоминается одно неплановое повышение зарплаты в Советское время тоже фактическому главе государства. Дело было в начале 1918 года. Управляющий делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевич повысил зарплату председателю Совнаркома В.И. Ленину. Этот факт имел последствие в виде такого документа:

«Управляющему делами

Совета Народных Комиссаров

Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Ввиду невыполнения Вами моего настоятельного требования указать мне основание для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного вами по соглашению с секретарем СНК Николаем Петровичем Горбуновым в прямое нарушение декрета СНК, объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В.Ульянов (Ленин).

23 мая 1918 г.».

А еще вот что вспомнилось… После смерти Сталина при описании его вещей была обнаружена сберкнижка. В ней числилось 3 тысячи рублей. И думается: все были и есть смертны – Александр Македонский, Наполеон, Ленин, Сталин… Увы, смертны и нынешние обитателя Кремля. Так после кого из них останется сберкнижка, на которой 3 тысячи?..

Путин и Александр Благословенный

Товарищ Зюганов решил со страниц самой многотиражной газеты оппозиции «Советской России» бросить призыв к гражданам страны: «Не время бояться, время сопротивляться».

Вы подумайте, тридцать лет грабежа и развала страны, шесть пятилеток унижения народа, глумления над его историей, 11 тысяч дней и ночей издевательства над нашими отцами и матерями, над нашими детьми и внуками, над каждым из нас… Так вот, коммунисты призывают сопротивляться, т. е. не соглашаться с клеветой, отвергать ложь, но не более того. Да это призыв не борьбы, а трусости!

Сопротивляться надо было с самого начала, еще тогда, например, когда Александр Зиновьев, явившись из Мюнхена, признался: «Метили в коммунизм, а попали в Россию!». Ваши газеты, ваши пропагандисты подхватили это и умильно повторяли на все лады: ах, как мудро сказано! И до сих пор не поняли истинный смысл зиновьевского признания. А он в том, что в коммунизм-де можно целиться и можно убить его, ну а вот в Россию не надо. Но, убив коммунизм, нельзя надеяться, что Россия останется живой, ибо за семьдесят с лишним лет они составили единое целое, у них было одно сердце.

Не к сопротивлению давно пора надо звать, а к тому, чтобы бить их по роже. Для начала хотя бы к метафорической затрещине по метафорической харе Чубайса. Чем она для этого плоха?..

И надо честно объявить президенту, что все сказанное им о Ленине, Сталине, о советском времени – невежественный вздор, которого постеснялся бы даже Геббельс. В преддверии 75-летия великой Победы советского народа над немецким фашизмом надо предложить Путину покаяться в своем вранье и уйти на покой или раствориться в народе, как сделал это по легенде Александр Благословенный. И тогда в Первом Басманном переулке рядом с памятником Жириновскому мы поставим памятник и ему.

Проповедники свинства

Записки сумасшедшего

Наши телеведущие известны всей стране: Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев, Роман Бабаян, Петр Толстой и другие. У них, как ни у кого, есть возможность каждодневно и свободно говорить на всю Россию, и они не могут не играть важной роли в информированности народа, в формировании его взглядов, убеждений и душевного состояния.

Не так давно Владимир Соловьев беседовал с Прохановым: «Александр Андреевич, о вас говорят, что вы лижете сапоги Сталину. Чем это объяснить?». Он мог же задать вопрос совсем иначе, допустим, так: «Говорят, что вы, образованный человек, талантливый писатель, почитаете Сталина». Но Соловьев предпочел форму вызывающую, в сущности, оскорбительную и для Сталина, и для его почитателя Проханова.

А вот и Петр Толстой вдруг вытащил из сундука столетнюю новость антисталинистов первого набора: «Сталин – недоучившийся семинарист!». Как интересно было услышать это от человека, переучившегося холуйству!

А Ленин, говорит, искусственно слепил республики, провел границы между ними, чего не было в царское время, и вот на наших глазах они по границам и отвалились. Ну, это, стараясь выслужиться перед Кремлем, он повторил известную кремлевскую хохму об «атомной бомбе под Россию», заложенную-де в 1922 году Лениным, которую через семьдесят лет, в 1991 году по дистанционному управлению из Мавзолея Владимир Ильич, будучи лютым врагом Советской власти, взорвал.

Хорошо бы в нашей Думе завести что-то вроде курсов ликбеза (ликвидация безграмотности) ленинско-сталинских времен и обязать некоторых особенно резвых и голосистых депутатов (а Толстой – именно такого пошиба депутат) посещать курсы. Там Толстому могли бы втемяшить, что да, в царское время на русской земле ни республик, ни

границ не было, однако же после свержения царя страна стала разваливаться на куски: сперва Польша и Финляндия отвалились (там-то границы как раз были), потом – Украина, Белоруссия, Дальний Восток, Средняя Азия… И спасти единство страны можно было только созданием во многом самостоятельных союзных республик со своей Конституцией. Так большевики во главе с Лениным и поступили. Они и помыслить не могли Россию без Украины, Белоруссии и других земель, и, невзирая на все вопли здесь и за кордоном, вышибли из Киева гетмана Скоропадского, Верховную Раду и установили на Украине Советскую власть. И так – во всех краях Российской империи. Потом большевики пели:

Украина золотая, Белоруссия родная,
Ваше счастье молодое
Мы стальными штыками защитим!..

* * *

А недавно Дума приняла закон о неуважении к власти. Толстой – депутат Думы, даже заместитель ее председателя. Так вот он – это власть? Я оскорблю власть, если скажу Толстому, что по своему воспитанию и уму он, как, допустим, и Медведев, не соответствует занимаемым должностям?

Ну в самом деле, однажды некая думская дама объявила Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна стоящими в одном историческом ряду с Гитлером. Это Толстому было очень по душе. И он защищал даму от понятного гнева русских людей: «Это же ее личная точка зрения! Она имеет право на свое мнение!».

Или взять хотя бы передачу, которую он ведет. Она озаглавлена «Толстой. Воскресение». И у него не хватает ума понять, какая это низкопробная еженедельная пошлость, оскорбительная для памяти его великого однофамильца.

Так вот, если я, выражая отнюдь не только личное мнение, скажу ему: «Убирались бы вы, толстый и горластый, куда подальше из Думы и с экрана» – это оскорбление власти?

Нет, на всякий случай я это не скажу. Я всего лишь попрошу название его передачи «Толстой. Воскресение» заменить другим – «Толстой. Записки сумасшедшего». Да, не только у Гоголя, но и у Толстого есть рассказ с таким названием. Вот под такой вывеской и выступай по воскресеньям. И с большим удовольствие будут смотреть и слушать ваши передачи обитатели всех дурдомов России. Ручки будут потирать, слюни пускать и даже аплодировать: «Наш! Свой в доску! Жми, Петруша!».

Четыре президента и два Геббельса

1 сентября в Польше состоялась церемония юбилея начала Второй мировой войны: 80 лет! Конечно, такую дату следовало отметить, например, публикациями в прессе, научными симпозиумами историков, колокольным звоном… Но сходкой разных стран президентов, премьеров, министров? Их заседаниями и речами? А как обойтись без банкета?..

Если полякам уж так захотелось вспомнить, как начался их трехнедельный разгром, пусть и вспоминали бы в своем сейме и где угодно. Им действительно есть что вспомнить и на чем поучиться, ибо ни одна европейская страна накануне войны и в ходе ее не вела себя так подло и глупо, как Польша. Начать с того, что их президент Юзеф Пилсудский успел в январе 1934 года, незадолго перед смертью, первым в Европе заключить с Гитлером договор о ненападении с секретным приложением. И они теперь стыдят Советский Союз, который в обстановке международной изоляции вынужден был принять предложение немцев о подобном договоре. А как можно было не принять! «Значит, вы планируете войну против нас?» – сказали бы немцы. И заключили-то мы договор через пять с лишним лет после поляков, когда подобные договоры с Гитлером уже имели и Англия и Франция.

Это первое. А второе – партнерское участие Польши вместе с Германией и Венгрией в разделе Чехословакии. Германию часто и громко обвиняют в этом, а двух ее союзниц по бандитизму очень редко вспоминают, и – сквозь зубы. А Черчилль правильно сказал тогда о Польше: «Гиена…».

Третье – позорная история армии генерала Андерса. Мы на нашей территории сформировали ее, экипировали, вооружили, а она в самые тяжкие для нас дни великой Сталинградской битвы отказалась встать рядом с Красной Армией и удалилась в Иран.

Четвертое – Катынь. Это фашистское злодеяние Геббельс взвалил на нас, и поляки тотчас ему поверили, их правительство в Лондоне порвало с нами дипломатические отношения, что и требовалось Геббельсу.

Поляки не пригласили представителя России на юбилей своего разгрома. Они тут всего лишь следовали примеру своих хозяев, не пригласивших нас на недавний юбилей открытия Второго фронта. Конечно, это государственная подлость, и наши голосистые политологи негодуют. Но, боже мой, мыслители! Есть же другая сторона вопроса… Да если бы и пригласили, нам, тем более после казуса с юбилеем Второго фронта, следовало бы отказаться: милуйтесь, мол, между собой, а мы никакого отношения к развязыванию и к началу войны не имели, вот будет юбилей Победы – это наше дело, тогда можно кое-кого даже из вас пригласить.

Но что нам до поляков! Нам о своих думать надо. О том, например, что все четыре наших президента один за одним приносили Польше извинение за Катынь: да, прав, дескать, был душка Геббельс, это наши негодяи расстреляли там польских офицеров, наши, советские. Кто же еще! Не немцы же. Им хватило того, что они истребили шесть миллионов поляков. Зачем им еще несколько тысяч? Смешно! Правда, говорят наши великие президенты, была государственная комиссия по Катыни во главе с главным хирургом Красной Армии Н.Н. Бурденко, при участии писателя Алексея Толстого и митрополита Николая. Изучив на месте все данные расстрела, они пришли к выводу, что это трагедия – дело рук немцев. Но кто они такие, эти совки, по сравнению с доктором Геббельсом! Он смог отравить шестерых своих родных малых детей. Шестерых! А кто из этих мог бы отравить хотя бы старую тещу? Смешно!

Нынешний президент мог бы добавить, что у нас под его чутким руководством и свои геббельсы выращены, например, Вова Жириновский. Он, как доктор Геббельс, бешено, до умопомрачения, до слюнотечения ненавидит коммунистов, то и дело грозится вешать их, расстреливать, и никто ему брехать не мешает. А недавно он заявил по телевидению, что в развязывании Второй мировой войны виноват вовсе не Гитлер, не фашисты, не Германия, а Польша. Он взял фашистов под защиту, отвел от них все обвинения.

Таким образом Владимир Вольфович завершил свое духовное развитие.

Лев Толстой и пан Городницкий

Моя статья «Четыре президента и два Геббельса» вызвала интерес читателей, ее поняли и одобрили все, кто откликнулся, кроме Виктора Городницкого, может быть, поляка. Я думаю, мой ответ ему имеет смысл сам по себе без обращения к помянутой статье, потому и предлагаю его вниманию читателей.

Он приводит цитату из моей статьи: «Начать с того, что их начальник государства Юзеф Пилсудский успел в январе 1934 года незадолго перед смертью первым в Европе заключить с Гитлером договор о ненападении с секретным приложением. И они теперь стыдят Советский Союз, который в обстановке международной изоляции вынужден был принять предложение немцев о подобном договоре. А как можно было не принять!». И продолжает: «И это о большой сильной стране – СССР…

А как могла Польша, в младенческом возрасте, просуществовавшая чуть больше 20 лет после своего возрождения, "не принять…" Не было у Польши ни сил, ни средств противостоять Германии. Приходилось соглашаться на все, лишь бы опять не лишиться своей государственности, которой ее лишила, кстати, Россия…».

Во-первых, о каком угрожающем существованию Польши ее противостоянии с Германией, на что, дескать, у поляков не было сил и приходилось соглашаться на все, говорит автор? На стороне Польше, на защите ее интересов стоял Версальский договор, который в 1934 году Гитлер еще не решался нарушать. К тому же ведь Польша получила самостоятельность по итогам Первой мировой войны, т. е. в результате оккупации в 1915–1917 годы ее территории Германией, и, казалось бы, должна была за это не противостоять, а быть признательной ей, чем и могло быть предложение договора о ненападении.

Во-вторых, автор, как и его единомышленники, в том числе польские, осуждает «большой сильный Советский Союз» за договор с Германией. Но ведь приходится повторить, что не мы предложили его немцам, а немцы – нам. Попросту говоря, тебе обещают, что если ты не тронешь, то тебя не тронут – как можно отказываться от такой замечательной перспективы? Договор о ненападении желательно иметь со всеми, кто предложит его. В моей статье, видимо, недостаточно ясно сказано: дело не в договоре поляков с немцами, а в том, что они стыдят нас, своих спасителей, этим договором.

Наконец, надо заметить, что 20 лет – это возраст не «младенческий», а хороший рабочий и солдатский возраст. Советский Союз в таком возрасте вышел на первое место в Европе по экономическому развитию. Конечно, не все так умеют. Нынешняя «новая Россия» устами президента только оглашает мечту о том, чтобы к своему тридцатилетию войти в пятерку экономически передовых стран, т. е. хотя бы занять последнее место в этой пятерке. А вот когда государству всего два года, пожалуй, можно сказать, что это действительно младенчество. Однако именно в этом возрасте в 1920 году Польша, вчерашнее «царство Польское» Российской империи, пользуясь тем, что у нас еще шла Гражданская война, в Крыму еще сидел готовившийся к походу на север барон Врангель, и еще предстояло освободить Дальний Восток от Колчака, чехов и японцев, а Владивосток будет освобожден только 25 октябре 1922 года, – именно в это тяжкое для нас время Польша начала свое самостоятельное государственное бытие с войны против России. И как! В мае поляки захватили Киев… И хотя их оттуда вскоре вышибли и гнали аж до Вислы, но там при содействии Фердинанда Фоша, маршала Франции, ставшего после этого и маршалом Польши, случилось «чудо на Висле» – Западный фронт, которым командовал М. Тухачевский, потерпел тяжелое поражение, и нам был навязан Рижский договор, по которому Польша оттяпала исконные российские земли – Западную Украину и Западную Белоруссию. Вот такой появился тогда в Европе младенец…

* * *

Читаем дальше: «Екатерина с Францем II, точно также, как и Гитлер со Сталиным, разделили Польшу и уничтожили польское государство…».

Что за Франц Второй? Ну да, был такой австрийский император, но он родился в 1768 году, и когда в 1772-м проходил первый раздел Речи Посполитой, Францу было всего четыре года. Могли он в ясельном возрасте принимать участие в разделе? Справедливо ли обвинять младенца? У вас тут двойная путаница, вы перемешали и личности и государства, т. е. вытащили на свет Божий младенца Франца Второго австрийского вместо матерого самодержца Фридриха Второго прусского. О всех разделах вы почему-то не упоминаете, вам хватает и двух: «И после того, как именно Россия дважды уничтожила Польшу, автор надеется на доброе отношение поляков?…».

С чего вы взяли, что я надеюсь? Приходится напомнить пану, изображающему Польшу безответной невинной страдалицей, что еще Пушкин писал о наших многовековых отношениях с поляками:

Уже давно между собою
Враждуют эти племена.
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона…

Все совершенно точно. Даже в пушкинскую пору – именно давно враждовали, и именно не раз. А между тем долгое время польские, да с не меньшим усердием и наши историки, писатели, публицисты, твердили нам, как и вы ныне, лишь о нашей грозе, о том, как поляки клонились под ней, т. е. внушали чувство нашей неизбывной вины перед Польшей.

Да, Россия принимала участие в разделах Польши. Но как же поляки, большая, энергичная нация, могли довести дело до того, что их делили, и не один раз? Вон же, допустим, швейцарцы, голландцы, бельгийцы, кажется, не больше по численности, а их никто не делил. Да, Россия подавляла восстания поляков. Да, она многих поляков выслала в Сибирь. Да, да, да… Ну, а поляки все это смиренно терпели? Только проливали слезы?

Я уж не говорю о многочисленных восстаниях. Но вот только что упомянул о польской агрессии 1920 года и о захвате Киева. Это последний захват, а первый-то раз «мать городов русских» захватил не пан Пилсудский, а польский король Болеслав Храбрый, тесть нашего Святополка Окаянного. Это случилось 14 августа 1017 года. Так вот, две даты: 1017 год и 1920-й. Девять веков поляки жили мечтой о русских землях и порой были очень близки к осуществлению своей мечты.

В 1349 году Казимир Третий подчинил своей власти Галицко-Волынскую Русь. В 1480-м Казимир Четвертый, будучи в сговоре с золотоордынским ханом Ахматом, когда хан предпринял поход на Москву, пытался захватить Новгород и Псков. В 1571 году Сигизмунд Второй Август подбил крымского хана Давлет-Гирея к набегу на Москву. В 1581 году Стефан Баторий осадил Псков. В 1604-м Сигизмунд Третий организовал

вторжение в Россию Лжедмитрия Первого во главе войска, собранного и вооруженного на средства польских магнатов. В 1605 году самозванец со своей польской супругой Мариной Мнишек уселись в Московском Кремле. В 1608 году из той же Польши приперся Лжедмитрий Второй, Тушинский вор, осадил Москву и Троице-Сергиев посад. Тогда поляки, как немцы в 1942 году, дошли до Поволжья, заняли почти половину страны. В августе 1610 года королевич Владислав был провозглашен русским царем, а в сентябре поляки опять пошли на Москву, но посадить королевича на русский трон не удалось. Тот же Сигизмунд 22 месяца осаждал Смоленск и в июле 1611 взял его, как в июле 1941-го – немцы. Но если немцам удалось просидеть в городе только два с небольшим года, то поляки далеко превзошли их: они просидели до 1667 года, т. е. раз в 25 дольше. Когда королевич стал королем Владиславом Четвертым, то в 1617–1618 годах предпринял новый неудачный поход против России, и только в результате войны 1632–1634 годов окончательно отказался от претензий на русский престол.

В 1663–1664 годы Ян Второй Казимир опять пошел на Киев, на Левобережную Украину. Только по «вечному миру» 1686 года Польша отказалась от претензий на Киев и на другие наши земли, но, как знаем, вскоре снова вспомнила о них и предалась мечтаниям. В 1812 году из восьми корпусов Наполеона, вторгшихся в Россию, один был польский корпус князя Юзефа Понятовского. Так что на Бородинском поле есть и польский прах.

Юрий Мухин однажды вспомнил примечательные строки из «Войны и мира» Толстого о том, как Великая армия двунадесяти языков 13(25) июня 1812 года вторглась в Россию. Вот это: «Подъехав к широкой реке Вилии, притоку Немана, Наполеон остановился подле польского уланского полка, стоявшего на берегу.

– Виват! – восторженно кричали поляки, расстраивая фронт и давя друг друга ради того, чтобы увидеть его. Наполеон осмотрел реку, слез с лошади и сел на бревно, лежавшее на берегу. По бессловесному знаку ему подали трубу, он положил ее на спину подбежавшего счастливого пажа и стал смотреть на ту сторону. Потом, не поднимая головы, он сказал что-то и два его адъютантов поскакали к польским уланам.

– Что? Что он сказал? – слышалось в рядах польских улан, когда один адъютант подскакал к ним.

Было приказано отыскать брод и перейти на ту сторону. Польский уланский полковник, красивый старый человек, раскрасневшись и путаясь в словах от волнения, спросил у адъютанта, позволено ли будет ему переплыть со своими уланами реку, не отыскивая брода. Он с очевидным страхом за отказ, как мальчик, который просит позволения сесть на лошадь, просил, чтоб ему позволили переплыть реку на глазах императора. Адъютант сказал, что, вероятно, император не будет недоволен этим излишним усердием.

Как только адъютант сказал это, старый усатый офицер со счастливым лицом и блестящими глазами, подняв кверху саблю, прокричал «Виват!» – и, скомандовав уланам идти за собой, дал шпоры лошади и поскакал к реке. Он злобно толкнул замявшуюся под собой лошадь и бухнулся в воду, направляясь в глубь к быстрине течения. Сотни уланов поскакали за ним. Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись друг за друга, сваливались с лошадей, лошади некоторые тонули, тонули и люди, остальные старались плыть вперед на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, который сидел на бревне, даже не смотревшего на то, что они делали. Когда возвратившийся адъютант, выбрав удобную минуту, позволил себе обратить внимание императора на преданность поляков к его особе, маленький человек в сером сюртуке встал и, подозвав к себе Бертье, стал ходить с ним взад и вперед по берегу, отдавая ему приказания и изредка недовольно взглядывая на тонувших улан, развлекавших его внимание…

Человек сорок улан утонуло в реке…».

Вот, пан Городницкий, здесь вся польская история: брод есть, и недалеко, но поляки знать о нем не желают, а прут как вздумается, кричат «Виват!» и тонут. В 1939 году была возможность заключить договор о взаимной помощи с Советским Союзом, и это был бы подходящий брод для выхода на твердый берег.

Но нельзя умолчать и о том, наконец, что после войны 1941–1945 годов у нас в плену оказалось 62 тысячи поляков. Пленных! А сколько их всего воевало против нас?

* * *

И вот его итог: «Автор или не знает, или умалчивает неудобную историю». Ну, я все-таки знаю, кто такие Фридрих Второй и Франц Второй и не путаю их. Знаю даже, кто такие Николай Второй и Вильгельм Второй, которых пан Городницкий, вероятно, путает.

Наконец: «…автор не знает или является пропагандистом. Тогда что он делает среди писателей?».

Слово «пропагандировать» в переводе с латинского означает «распространять». Да, конечно, я пропагандист, как и тот великий поэт, который сказал:

Чувства добрые я лирой пробуждал…

Как пробуждал? Пропагандой добра.

В мой жестокий век восславил я свободу…

Как восславил? Пропагандой свободы.

И милость к падшим призывал…

Как призывал? Пропагандой милосердия.

Я вот уже лет тридцать занимаюсь главным образом пропагандой отвращения ко лжи, прежде всего – к исторической лжи о моей родине, о моем народе. Если вы этого не понимаете, пан Городницкий, то вам нечего делать среди моих читателей.

Буденный и Шойгу

Президент Путин на исходе второго десятилетия своего правления решил, наконец, навести порядок в важнейших сферах царства-государства. После того, как даже вроде бы послушная вице-премьер Татьяна Голикова, а потом и сам патриарх Кирилл один за другой громогласно заявили на всю страну, что идет катастрофическая убыль народа, а русские просто вымирают, Путин проснулся, очухался и устроил заседание по вопросу убогого состояния «первичного звена» медицины, т. е. больниц. Диверсионной политикой правительства число больниц путем «оптимизации» доведено ныне до уровня царской России 1913 года.

Собрались, поговорили. И никто не посмел напомнить, что ведь сам-то Путин все время твердил нам, что население растет, а его кремлевский дружбан Медведев даже называл цифру: выросло на 30 тысяч. Он, как всегда, и тут даже не соображает, что в стране с населением, допустим, в 145 миллионов такая цифра роста просто неуловима, она в пределах статистической погрешности. А оба они еще и заливались курскими соловьями о росте в последние два-три года средней продолжительности жизни, опять не соображая, что столь краткие сроки не могут выявить такие данные. Словом, не понимая, что говорят, они и тут морочили нам голову.

Отдав мудрые распоряжения, то есть решив на свой лад проблему с медициной, и даже не щелкнув по лбу ни себя, ни Медведева за оптимистические фокусы, Путин кинулся решать другую важнейшую проблему – защиту русского языка. Опять устроил заседание. Оказывается, есть специальный Совет по русскому языку при президенте. А ведь давно существует еще и такой же Совет, который

возглавляет патриарх. Где он? Что сделал за несколько лет существования? Неизвестно…

Президент обрушился на «пещерных русофобов» разных стран, которые теснят русский язык и хотят истребить его вовсе. Прекрасно. Только среди пещерных людей русофобы не встречались. Да и было это ужасно давно. А самые буйные русофобы и гонители русского языка не за бугром, а дома, в Москве, под носом и у министра культуры, и у обеих палат парламента, и у самого президента.

Уж чего нагляднее – вся страна, все города и веси утыканы вывесками на английском языке. Как в Сингапуре! И ведь это опять ежедневно, ежечасно, повсеместно видят все – от лучшего друга русского народа их благородия Жириновского до президента. Что стоит издать указ: «Убрать с лица России заморскую иностранщину!». Не смеет…

А вот еще телепрограмма «Голос». Выступают, так сказать, домашние любители пения. Очень хорошо. Пусть выступают, может, станут настоящими певцами. Но ведь из десяти человек лишь один-два поют на русском языке, остальные – на том же английском. И это тоже не вызывает ни протеста, ни даже удивления как у руководителя программы, напялившего черные очки, так и у членов жюри, профессиональных и вроде бы русских артистов. Они все считают это совершенно естественным, обычным, закономерным делом.

Вот, Путин, до какой степени русофобская политика вашего правительства вышибла русский дух даже в людях культуры, в которых он должен быть силен и крепок, как ни в ком. Ведь такие унизительные и ненормальные для страны вещи как помянутые заморские вывески и телепрограмма «Голос» невозможны даже в каком-нибудь Люксембурге или Эстонии. А у вас, повторю для тугоухих, все это под носом. Но вы словно приехали в Россию погостить, и вас это совершенно не касается.

А ведь было время… В двадцатых годах, решив, что пролетарский интернационализм – это нечто безбрежно-прекрасное, некоторые ученые мужи предложили нашу родимую кириллицу заменить чужеродной латиницей. Как только это дошло до Сталина, он, говорят, вызвал тех мужей и предложил им написать объяснение своей затеи китайскими иероглифами. Не знаю, так ли именно было дело, но несомненно одно: грузин Сталин пресек русофобскую затею. А казалось бы, ему, политику, руководителю партии да еще, повторю, грузину до этого ли. А незадолго перед смертью Сталин написал работу «Марксизм и вопросы языкознания». Отправной точкой для нее послужила дискуссия о языке, которая тогда шла в научных кругах. Как ни старались нынешние проворные мудрецы найти в ней что-то вредное, ненаучное, ничего не сыскали.

А как не вспомнить заодно легендарного Семена Михайловича Буденного? В свое время он выступил с резкой критикой романа Исаака Бабеля «Конармия». Казалось бы, и тут: ну, какое дело лихому рубаке до

литературы? Ан нет… Его задело. Так поучитесь, товарищ Шойгу, у Семена Михайловича. И пусть вам поможет понять его гениальное стихотворение «Русский язык» великого советского поэта Ярослава Смелякова, моего старшего товарища.

У бедной твоей колыбели,
Еще еле слышно сперва,
Рязанские женщины пели,
Роняя, как жемчуг, слова.

Под лампой кабацкой неяркой
На стол деревянный поник
У полной нетронутой чарки,
Как раненый сокол, ямщик.

Ты шел на разбитых копытах,
В кострах староверов горел,
Стирался в бадьях и корытах,
Сверчком на печи свиристел.

Ты, сидя на позднем крылечке,
Закату подставя лицо,
Забрал у кольцова колечко,
У курбского занял кольцо.

Вы, прадеды наши, в неволе,
Мукою запудривши лик,
На мельнице русской смололи
Заезжий татарский язык.

Вы взяли немецкого малость,
Хотя бы и больше могли,
Чтоб им не одним доставалась
Ученая важность земли.

Ты, пахнущий прелой овчиной
И дедовским острым кваском,
Писался и черной лучиной
И белым лебяжьим пером.

Ты – выше цены и расценки —
В году сорок первом, потом
Писался в немецком застенке
На слабой известке гвоздем.

Владыки – и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.

Нынешние владыки как раз и посягают на русскую суть языка – своей вялостью, небрежением, трусостью.

Проповедники свинства

(новости дня)

Недавно состоялся дуэт двух бывших коммунистов: Юрия Лужкова, заслуженного химика РСФСР, и Константины Затулина, ныне члена думской фракции «Партии воров и жуликов». Затулин пел по ТВ: «Коммунисты умели хорошо критиковать, но не умели строить!». Не смогли даже Ельцин-центр соорудить. Лужков то же самое тянул на страницах «Литературной газеты»: вот он русский XX век – разрушение, уменьшение, удушение. И все коммунисты! И его 25 лет душили в партии, но так и не смогли.

Первого слушали участники передачи «60 минут» во главе с мадам Скабеевой. Рядом со вторым стояли главный редактор газеты Максим Замшев, суперредактор Юрий Поляков и все члены редколлегии. И все на всю страну молчали. А как же!

В последнем номере той же «Литературки» напечатана статья Владимира Малышева «Айн Рэнд или просто Алиса».

Просто… по-свойски… по-домашнему…. Знакомьтесь: Алиса Зиновьевна Розенбаум. Родилась в 1905 году в Петербурге в семье аптекаря. В 1925-м эмигрировала в Америку, там стала известным писателем, разбогатела. «В Америке ее книга «Атлант расправил плечи», – уверяет автор, – вторая по тиражам после Библии». Вполне возможно. Только надо иметь в виду, что давно бытующая байка о Библии как о постоянно самой многотиражно издаваемой книге, ничего не стоит. На самом деле Библию ныне нигде не издают огромными тиражами, ибо нет нужды: у верующих она давно есть, у многих еще от бабушек и дедушек. Но не в этом дело.

Гораздо важнее, что взгляды и все литературное творчество Рэнд, извещает автор статьи, «основаны на принципах индивидуализма и эгоизма». Во всей русской литературе до путинской эпохи не было ни одного крупного писателя, который проповедовал бы эгоизм. Наоборот, до Путина он всегда у нас осуждался, презирался, высмеивался.

Для Айн Рэнд вполне естественно такое заявление о своей родине: «Мое чувство по отношению к России – это безграничная ненависть, ненависть ко всей стране, включая царский период. Это самая омерзительная и мракобесная страна на земле». Да, если мракобесием назвать милосердие, с которым к малым народам русские дошли из Москвы до Сахалина и Аляски, и которого не знали американцы, охотясь за скальпами недобитых индейцев.

И что же из всего этого следует? Владимир Малышев очень сожалеет, что «у нас до сих пор мало кто знает» эту замечательную проповедницу свинства и русофобку. Надо издать ее книгу библейским тиражом! И, конечно же, надо непременно в Ленинграде, на доме, где Ларочка родилась, присобачить мемориальную доску. Стыдно, что до сих пор ее нет! Какие могут быть разговоры… Ее читали, ею восторгались американские президенты Рейган и Трамп, ее обожают бывший американский госсекретарь Рекс Тиллерсон и нынешний Майк Помпео, который говорит, что книги Рэнд вдохновляли его и помогали ему всю жизнь, во всех делах. А тут же еще млеет от восторга и республиканский лидер Палаты представителей конгресса Пол Райан. Какие еще нужны доводы для нашего поклонения! Если так, то что там доску ставить, надо памятник! А «Литературная газета» должна открыть подписку на сбор средств.

И ничего удивительного, если в Кремле идея мемориальной доски или даже памятника в Ленинграде будет одобрена. Повесили же глава администрации президента Сергей Иванов и министр культуры Мединский свою мемориалку Маннергейму, соратнику Гитлера по удушению Ленинграда. И еще как повесили! Под барабанный бой и тожественный марш взвода солдат мимо доски.

А вы говорите – «пятая колонна». Уже не четвертая ли?..

* * *

А не так давно, не помню, на каком телеканале, я увидел Елену Васильевну Малышеву, проповедницу здорового образа жизни, в таком сюжете, что меня едва не хватил удар. Елена Васильевна сидела на скамейке с молодым мужчиной и в правой руке с изящным красным маникюром держала его детородный член. Держала, потряхивала и проникновенно объясняла, что это не палка, а совсем не лишняя, даже полезная, а в иных случаях совершенно незаменимая вещь. Так что обращаться с ней надо аккуратно и бережно…

Вот тут я едва и не свалился… Надеюсь, Елена Васильевна больше не будет участвовать в таких передачах за любой гонорар, даже за один сеанс, равный месячной зарплате Алексей Миллера, главы Газпрома…

А тут еще Медведев на заседании Консультативного совета по иностранным инвестициям (КСПИ) заявил, что «с российской экономикой, как вы знаете, все в порядке». Прекрасно! Но мы знаем также и помним, что премьер все время твердил и твердит нам о росте населения, и даже называл цифру – 30 тысяч. А мы понимали, что такая цифра для 145-милионной страны просто неуловима.

Кроме того, вице-премьер Татьяна Голикова, прямая заместительница Медведева, недавно сообщила, что в стране происходить катастрофическое падение численности населения. Как же так, начальник – одно, а его заместитель – прямо противоположное? А на Всероссийском соборе патриарх Кирилл тоже сказал, что с 2017 года идет падение численности народа и предупредил о серьезнейших последствиях этого – вплоть до распада страны.

Кому же нам верить? Или это заговор против любимца народа? Не намерение ли выставить его круглым идиотом и лжецом? Поему бездействует ФСБ?..

И в это же время Росстат сообщил, что по неизвестным причинам произошел внезапный никем не предвиденный «взрывной рост» доходов не только Абрамовича, но и всего населения страны. Эксперты связывают это с недавним извержением вулкана Этна в Италии. Для достоверного выяснения причины столь загадочного явления Дума создала комиссию во главе с Владимиром Жириновским, обладателем редкостного нюха…

А в Генеральном штабе нашей страны раскрыта шайка мошенников… Не в министерстве торговли или рыбной промышленности, не в министерстве спорта (там свое жулье), а в учреждении, от которого зависит жизнь страны. И это в такое время, когда нам то и дело угрожают, объявляют врагом № 1, подбираются к нашим границам, нацеливают на нас ракеты с подлетным временем, по словам В. Путина, в 17 минут!

И кто же там схвачен? Не тихие клерки, не бухгалтеры, а группа высших руководителей, генералы и офицеры во главе с заместителем начальника Генштаба генерал-полковником Халилом Арслановым, начальником войск связи нашей армии. Едва ли все понимают, что такое эта должность и это имя.

Связь – главный нерв армии, без которого никакое командование войсками невозможно. Так, в сущности, и всегда было, а уж особенно сейчас, в супертехногенную эру. И вот сей нерв оказался в руках мошенника, лакомого до легких денег. Ему предъявили обвинение на несколько миллиардов рублей.

Шайка орудовала так: закупали в Китае средства связи, заменяли китайский торговый знак на «Made in Russia» и в нужном документе указывали цену гораздо выше, чем китайская. И длилось это несколько лет, и набрались миллиарды. А где же был сам начальник Генштаба генерал армии Валерий Герасимов, на фотографиях – такой серьезный мужчина? Он ведь ежедневно встречался со своим замом. А куда смотрел такой же большой генерал Сергей Шойгу? А что делал Верховный главнокомандующий Путин, по изначальной профессии разведчик? Что? Они красиво лясы точили об успехах и достижениях в деле обороноспособности страны: мы оснастили армию новейшим и мощнейшим оружием, какого нет ни у кого в мире, у нас замечательный «Кинжал», у нас великолепный «Сармат», у нас небывалый «Калибр», у нас… Да ведь все это могло стать погремушками и даже не взлететь, если Арсланову хорошо заплатили бы.

Это одна сторона дела, а вторая состоит в том, какое место заместитель начальника Генштаба занимает среди высших должностных лиц страны. Президент, премьер, председатель Совета Федерации, председатель Госдумы, министр обороны, начальник Генштаба – и вот вам: заместитель начальника Генштаба Халил Абдухалилович Арсланов. Седьмое лицо во всей иерархии! Посмотрите на его фотографию в газете «Советская Россия» или в интернете. На физиономии все написано. И спрашивается, почему верноподданные граждане России должны думать, что остальные члены великолепной семерки ничем не похожи на этого Халила?

Вот что надо бы срочно обсудить на наших бесчисленных ток-шоу – у Владимира Соловьева, Ольги Скабеевой, Вячеслава Никонова… Но что вы! Эти бесстрашные прихвостни режима опять будут талдычить о коррупции на Украине, о рейтинге Зеленского, о своей невыразимой любви к братьям-украинцам.

* * *

А в Америке в штате Техас полоумная баба вознамерилась превратить своего пятилетнего сына в девочку. Сейчас это – вопреки природе и в насмешку над Богом – возможно. Она обрабатывает мальчика, одевает его во все девичье и т. д. И мальчик уже и сам считает себя девочкой. Отец, нормальный человек, разумеется, решительно против полоумной жены, он взбешен и подал на жену в суд. И состоялся суд присяжных, и только один человек из 11-ти встал на сторону отца.

А у нас вот что сообщили. В Челябинской области в одном поселке большой двухэтажный дм пришел в полную негодность. Люди живут в ужасных условиях, их надо переселять. Но об этом никто и не думает в цветущей путинской России. Однако явились в этот дом к многодетной семье представители опеки и говорят: «Мы должны забрать всех ваших детей». Родители в недоумении, в страхе: «Да вы что! Да как вы смеете!

Это наши родные дети!». А те в ответ: «Ваши жилищные условия не позволяют вам иметь детей. Мы обязаны забрать их в приют».

Что это? А это тоже полоумная перемена в детской судьбе: в Америке меняют пол, а в благоуханной путинской России меняют семейное детство, пусть трудное, но с материнской лаской и отцовской заботой, на приютское. И не первые ли это шаги на пути к перемене пола?..

А вообще-то я с удовольствием переменил был пол, допустим, Жириновскому, Ирине Яровой да и всей упомянутой выше великолепной семерке во главе с Верховным главнокомандующим. Да не только пол, а еще и национальность

Ну, в самом деле, какой он русский мужик, если у него под носом страна превращена в бардак, который горит во время наводнения? Кажется, Газманов с большим воодушевлением поет:

Москва! Звонят колокола…

Признаться, я их не слышу, эти колокола, но они должны звенеть ежедневно. И невдомек певцу спросить власть – президента или премьера, по ком звонят колокола. Так вот, сегодня они звонят по семи нашим согражданам, погибшим в автокатастрофе на Алтае, среди них – ребенок, восемь человек – в больнице. А вчера звонили по семнадцати золотоискателям в Красноярском крае. Позавчера звонили по восьми солдатам в Забайкалье, которых расстрелял их сослуживец, спятивший от этой жизни. И завтра будут звонить, и послезавтра – и все о наших согражданах… Премьер-авария, президент-катастрофа, власть-убийца…

А в Сантьяго, в столице Чили, повысили цену за проезд в метро и что-то там еще вроде этого власть учинила. «И весь мильен народа, – говоря словами Гоголя, – вздрогнул, как один человек». На улицы вышли миллион чилийцев – не для того, чтобы петь:

Сантьяго!.. Звон колоколов…

Мэр столицы и президент страны уже заявили, что слышат протестантов. А у нас провели зверскую пенсионную реформу, для мужчин установили такой возраст, до которого они не доживают даже, для женщин… И что? Где тот чилийский мильен?

17 апреля 1912 года на Ленских золотых приисках, не так далеко от тех мест, где ныне погибли 17 золотоискателей, власть устроила зверскую расправу с рабочими, забастовавши из-за невыносимых условий труда и жизни, было убито около 200 человек. Ныне редкая неделя не уносит столько жизней. Тогда это всколыхнуло всю, казалось бы, темную, неграмотную Россию.

19 апреля 1912 года, через день после трагедии в большевистской газете «Звезда» Сталин писал: «Все имеет конец – настал конец и терпению страны. Ленские выстрелы разбили лед молчания, и – тронулась река народного движения. Тронулась!.. Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, – все это собралось в одном факте, в событиях на Лене».

Да, все имеет конец…

Ветераны либерализма

«Патриот России, англоман»

Писателю Михаилу Любимову, в прошлом разведчику, стукнуло восемьдесят пять. «Литературная газета» широко, любезно почтила юбиляра: предоставила три полосы для беседы с ним, дала три фотографии, и на одной – виновник фейерверка с зеленоглазым черным котом, на другой – с родным сыном Александром, известным телевизионным антисоветчиком, даже экранным первопроходцем на этой стезе. Он говорил о своей программе «Взгляд», начавшейся в 1987 году: «Конечно, мы не были оппозиционерами советской власти, не выдвигали никаких политических требований. Но мы были против советского стиля. А все воспринимали нас как антикоммунистов, что, в общем, наверное, было правдой». Да не наверное, а бесспорно это было правдой, ибо дело не только в стиле, не в расстегнутых воротниках без галстука. И сам признает это: «В программах было не так много против режима». Да, поначалу не так много, потом больше, больше, больше…

У коммуниста вырос сын антисоветчик. Вот как? Ах, да разве это единственный случай! Вспомнить еще хотя бы Наталью Нарочницкую. Дочь известного советского историка, академика, коммуниста. После того, как поработала несколько лет в секретариате ООН, она стала горько сожалеть, что в русский истории были Ленин и Сталин, а вот о Гришке Отрепьеве и Николае Втором, о Троцком и Горбачеве ничуть не сожалеет. Дело тут, видимо, в чрезмерно обильной и слишком сладкой пище. Ну, это к слову…

Так вот, «Литгазета» с размахом почтила М. Любимова публикацией, которую изящно озаглавила «Патриот России, англоман». Ныне немало развелось англоманов, франкофилов, израилюбов… Это нередко доходит до обретения второго гражданства и недвижимости во вдруг полюбившихся державах. Подивитесь хотя бы на Сергея Брилева, ведущего телеканала «Россия»: подданный Российской Федерации и ее величества Елизаветы Второй английской. И на всякий случай свил гнездышко в Лондоне. На какой случай? Да мало ли…

Скользя, шепнула мне змея:
– У каждого судьба своя…
Но я-то знал, что так нельзя
Жить, извиваясь и скользя.

Но к Михаилу Любимову это не относится, он просто англоман. Он работал в Англии, ему там дали прозвище Смайли Майк. Я, говорит, люблю виски «Гленливет», скачки, регату, джем из апельсиновых корочек, обожаю фланелевые брюки, Шекспира, твидовые пиджаки, Винни-Пуха… Но при всех скачках, корочках и брючках Любимов – критически мыслящий англоман. Я, говорит, «на дух не переношу английское лицемерие, политику консерваторов, и даже Черчилль не пользуется моими симпатиями. Я был искренним коммунистом». Хорошо, но почему «даже»? О какой симпатии коммуниста и просто русского человека к Черчиллю, предшественнику Гитлера по русофобии, может идти речь? Для любого русского, тем паче для того, кто не только был коммунистом, но и остается им, читать это странно.

Есть в беседе и другие странные для разведчика пассажи. Так, уверяет, например, что в Советское время роман Пастернака «Доктор Живаго» был запрещен. Ничего подобного. Писатель принес рукопись в «Новый мир», ее там прочитали, написали обстоятельный ответ-рецензию и возвратили. Заурядный факт литературной жизни. У нас этот, по словам Евгения Евтушенко, «самый великий роман XX века» просто не печатали. А после контрреволюции – читай не хочу! А кто хочет?.. Вот Анна Ахматова по старой дружбе с автором романа еще тогда захотела, прочитала и поехала на такси к нему высказать свое мнение. Когда подъехали к дому Пастернака, она сказала шоферу: «Подождите меня, пожалуйста. Я не задержусь». И действительно, минут через двадцать вернулась и поехала домой с выражением исполненного долга на лице.

Отвечая на вопрос, не смущало ли начальство Лубянки то, что его жена дворянка, Любимов ответил: во-первых, тогда дворянское происхождение никто не афишировал; во-вторых, уже наступили более мягкие «оттепельные» времена. Это не совсем там. Во-первых, в Лубянском заведении могли знать о людях не только то, что они «афишировали»; во-вторых, были и такие люди, которые в совсем не в «оттепельные» времена «афишировали». Так, Маяковский восклицал во весь голос:

Столбовой
 отец мой
 дворянин,
кожа на рука моих
 тонка…

Примечательно суждение о гибели СССР: «К сожалению, развал был итогом непродуманных действий Горбачева и Ельцина. Перестройку начинали идеалисты, пытавшиеся создать социализм с человеческим лицом, но их быстро сменили мародеры-приватизаторы». Это Горбачев-то и Ельцин идеалисты? И так разведчик говорит сейчас, когда все давно поняли, что больших карьеристов и шкурников, чем эти двое, на русской земле не водилось? И он вместе с ними считает, что у нашей родины было не человеческое лицо, а… что?.. рожа империи зла? И никакой «смены кадров» не было, а просто такие идеалисты как Ельцин, Чубайс и Кох кликнули, призвали таких мародеров как Березовский, Гусинский, Фридман, и те тотчас явились с большими мешками.

* * *

Из других странностей беседы надо отметить вот что. Кто-то когда-то брякнул: «В России две беды: дураки и дороги». Иногда уверяют, что это Карамзин. А известный Петр Толстой, разумеется, чтущий это присловье, недавно сказал в своей передаче, тупоумно и нагло названной «Толстой. Воскресение», что это Гоголь. Но какое мне дело в данном случае даже и до Карамзина или Гоголя, если я сам давно живу в России, знаю ее историю и бывал в других странах? Однако даже среди известных политиков кое-кто любит порой бросить, как этот Толстой: в России две беды… Вот, мол, в других-то странах ничего подобного, а у нас… Ну, насчет дорог это во многом и справедливо, хотя надо же принимать во внимание наши просторы, каких нет ни в одной стране мира. Но дураки?!.. Первое место в мире по числу дураков на 100 тысяч жителей, да?

От старого разведчика, долго жившего и работавшего в других странах, можно было ожидать уж если не возмущения при случае этой дурацкой поговорочкой, то хотя бы отстраненности от нее. Но что же мы видим? «В спецслужбах всегда идиотов в избытке… в КГБ тоже дураков хватало…». Это о своей-то вскормившей его родной Лубянке! Это ж как если бы я так же сказал о своих однополчанах или о Союзе писателей!

Мало того, англоман обличает «нашу склонность к бардаку и наше гениальное умение проваливать даже самые верные проекты». Это о нынешнем времени совершенно справедливо: такого во всем бардака, такой гениальной дури во всем, как при Путине, никогда на родной части земного шара не было. Но нет, он о другом времени, о Советской эпохе. И уже не о КГБ только, а, как говорится, «в общем и целом» – о стране, о народе. Но какие же именно «проекты» имеются в виду? Давайте вспомним, пока память не отшибло путинской пропагандой.

Был у нашего народа «проект» свержения власти помещиков и капиталистов, буржуазии. И что? «Склонность к бардаку» помешала осуществить его? Ничего подобного: в 1917 году блестяще провернули сей очень давний «проект». Но свергнутые кровососы навязали нам Гражданскую войну. Возник новый «проект» – разбить кровососов. Ну, не

сразу, почти пять лет потребовалось, однако совладали – пустили по ветру и доморощенных и зарубежных кровососов. А еще во время Гражданской начали осуществлять «проект» ликвидации в стране неграмотности. И тоже выполнили!.. И куда делась «склонность к бардаку»? Неизвестно… А жизнь выдвигала все новые и важные, судьбоносные, неотложные «проекты» – НЭП, коллективизация, индустриализация, разгром немецкого фашизма, ликвидация военной разрухи, овладение атомной энергией, прорыв в космос, запуск лунохода… И все это, а кое-что и первым в мире, наш народ под руководством коммунистической партии, из которой патриот-англоман сбежал, успешно осуществил!.. Но он опять: «Не забывайте о законе бардака!». Это в его глазах уже закон…

И вот конкретное явление этого «бардака»: «Сталин разгромил нашу внешнюю разведку». Будучи беглым коммунистом и отцом антисоветчика, Любимов, разумеется, не может в своей парадной юбилейной публикации не вспомнить, как какой-нибудь Швыдкой, вот так Сталина. Но зачем Сталин учинил погром, спрошу я англомана, как некогда спрашивал Солженицына: зачем Сталин уничтожил 106 миллионов сограждан (по подсчетам самого Солженицына)? Он был антисоветчик? Русофоб?.. Любимов не знает, зачем, но ему доподлинно известно, почему: «Сталин считал главным разведчиком самого себя». Господи!.. Но хорошо, пусть главный, однако помощники-то все равно нужны, одному трудно. Юбиляру не важно, что говорит вздор, для него главное – выплеснуть свою ненависть либерала к советскому прошлому. Как говорил один чеховский персонаж, «сюжет, достойный кисти Айвазовского»… Девятый вал ненависти…

Много за тридцать лет наслышаны мы от нынешней власти о Сталине. Напомнить кое-что? Ну как же! Он, а вовсе не Троцкий, председатель Реввоенсовета, виноват в поражении Красной Армии в 1920 году под Варшавой; он истребил русское крестьянство; он организовал блокаду Ленинграда; он довел страну до того, что ничего не было, кроме галош; он… Вот теперь, оказывается, еще и внешнюю разведку он разгромил..

Однажды на моем творческом вечере в Доме литераторов ко мне подошел симпатичный молодой мужчина и протянул мне изящную бархатную шкатулку голубого цвета.

– Это от разведчиков, – сказал он, улыбаясь.

– От действующих или от тех, что уже в отставке? – спросил я. Дело в том, что разведчики в отставке, живущие в Ленинграде, незадолго до этого, прислали мне старинный орден святого князя Владимира, который я храню на почетном месте. И вот…

– От действующих, – ответил незнакомец.

– Спасибо. Предайте мой сердечный привет своим действующим товарищам.

Дома я раскрыл шкатулку. В ней были изящно выполненные медальоны с портретами самых знаменитых наших разведчиков – Николая Кузнецова, Кима Филби, Конона Молодого…

Эти подарки от ветеранов разведки и от ныне служащих в ней обязывают меня. И как друг разведки я читаю дальше: «Разведчики были революционерами и попали под раздачу во время «зачистки» троцкистов-бухаринцев. Так разведка и была раздавлена сталинским катком». Значит, разведчики были такие же революционеры, как Троцкий и Бухарин, а Сталин – ненавидевший их контрреволюционер, так? Пардон, англоман, вы же сами перечисляете славные дела и великие имена сталинской внешней разведки: «Наш атомный шпионаж, грандиозная победа, благодаря которой был обеспечен атомный паритет, до сих пор удерживающий горячие головы от ядерной войны, Зорге, Филби, вся «кембриджская пятерка», Малли (Дональд Маклин?), Быстролетов, Фукс, «Красная капелла», резидентура Шандра Радо, супруги Розенберги – список велик! То, что сделала советская разведка в те годы, действительно спасло мир от катастрофы!».

Да, ее работа имела большое значение для нашей победы, но главная тяжесть и самая обильная кровь в святом деле спасения человечества выпали на долю советского народа и ее Красной Армии. Не надо подражать автору книги о группе Шандора Радо «Война была выиграна в Швейцарии». Война была выиграна на русских полях, на улицах советских городов.

* * *

Но я сейчас не об этом. Большинство названных Любимовым знаменитых разведчиков, работавших на Советский Союз, начали сотрудничество еще в 30-е годы или с той поры, как Германия напала на СССР: Филби и вся «кембриджская пятерка» – с 1934 года, группа Шандора Радо – с довоенной поры, «Красная капелла» – тоже, Эмиль Фукс – с 1941 года и т. д. И все эти годы их успешной работы Сталин был жив-здоров и находился у власти. Когда же он громил этих бесценных помощников? Кого именно из них он вызвал в Москву и бросил под свой каток?

Многие из них действительно погибли: члены «Красной капеллы», Юлиус и Этель Розенберги… Но не под «сталинским катком»: члены «Капеллы» – от рук немецких фашистов, Розенберги – от рук американских маккартистов. Для истории это не одно и то же.

Нельзя не сказать и о том, что в большинстве своем они были не завербованы, а сами, как Джордж Блейк и Эмиль Фукс, пришли и предложили сотрудничество. И все они работали совершенно бескорыстно, только из надежды на нашу страну и из веры в идею коммунизма. Можно ли вообразить, чтобы сейчас вот так же бескорыстно какие-то американцы или англичане стали работать из симпатии к идее

«Единой России», которую так четко сформулировал спикер Думы Вячеслав Володин: «Есть Путин – есть Россия. Не будет Путина – не будет России»? Советские коммунисты были уверены в своей исторической правоте, и трудящиеся всего мира, все честные люди были в этом уверены. А нынешняя российская власть много говорит о своей правоте и красоте, но внутренней уверенности в этом у нее нет. Потому и держат капиталы за рубежом, обретают забугорное гражданство, недвижимость…

Узнав, что М. Любимов «был коммунистом и врагом частной собственности», хочется спросить его: и что, в прошлом осталось и то, и другое? Судя по всему, дело обстоит именно так, ибо частная собственность-то победила и привела с собой все, что от века сопутствует ей, а бывший коммунист все равно радостно восклицает: «Но жизнь – прекрасна!». Мало того, знает же, что 95 % общенародной собственности, превращенной в частную, сцапали 3 % населения; известно же ему, что средний годовой доход губернатора – 56 миллионов рублей, министров – 59 миллионов; читал же он, прихлебывая виски «Гленливет», что 23 миллиона его сограждан – люди бедные, голодные, нищие, и нет у них ни возможности, ни желания читать его увлекательные книги, но – жизнь прекрасна!

А его любимый писатель Шекспир, я думаю, если бы спросили, что он может сказать о нашей нынешней жизни, оглянувшись окрест, ответил бы строкой из своего знаменитого 66-го сонета: «Все мерзостно, что вижу я вокруг!».

Ответ англоману

Писатель М. Любимов, полковник, в прошлом кадр КГБ, разведчик под шляпой дипломата, на мои замечания о его юбилейной беседе в «Литературной газете» ответил мне письмом, начатом радостно: «Ах, дражайший Владимир Сергеевич, как сладко стало на душе!..». Что ж, последую его примеру, хотя у меня на душе совсем не сладко.

Вы, милейший Михаил Петрович, пользуясь случаем, решили в своем ответе дать категорически ясную полковничью оценку очень многому в прошлом и настоящем – от моего отношения к некоторым писателям до Сталина, сталинской Конституции, Великой Отечественной войны. Начну по порядку.

Вы уверяете читателей писательской газеты, что я ненавижу писателей И. Бродского, Б. Окуджаву, Б. Слуцкого и А. Солженицына. Со всеми, кроме первого, я был знаком, а с последним вначале дружески переписывался, нахваливали мы друг друга, встречались, но когда он раскрылся во всей неотразимой красе, написал о нем книгу «Гений первого плевка».

Ненависть – чувство сильное и живое, а все эти писатели, увы, как говорят ваши англичане, уже «присоединились к большинству». Но с чего вы взяли, что я ненавижу их? В вашем синодике вполне мог быть и Евгений Евтушенко, пожалуй, он даже имеет на это больше права, чем все остальные. Мы с ним не раз обменивались инъекциями. Но вскоре после его смерти в большом зале ЦДЛ проходило некое мероприятие, и когда меня вызвали на сцену, я сказал, что здесь, на этом месте, десять дней назад лежал в гробу Евгений Евтушенко. И как к нему ни относись, это было явление в нашей жизни и литературе. И предложил почтить память поэта вставанием. Все встали… Даже Куняев… Мог ли так поступить человек, ненавидящий покойника? Жизнь несколько сложнее, чем думают некоторые престарелые отставники.

Великий поэт однажды воскликнул:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу…

Это ненависть, притом запредельная.

Другой великий поэт признавался:

Я с детства
      жирных
          привык ненавидеть!

Тоже все ясно, и не только для жирных.

Конечно, есть фигуры, которые мы, русские советские люди, просто обязаны ненавидеть и после их смерти: Колчака, Гитлера, генерала Власова, Солженицына… Однако…

Когда 1 мая 1945 года мы на фронте узнали о самоубийстве Гитлера, никто не ликовал. Наши чувства, как мы узнали позже, выразил Сталин: «Доигрался, подлец!».

Существует известный спектр, градация отрицательных чувств человека к другим людям и явлениям: равнодушие, неприятие, неприязнь, отвержение, презрение, отвращение, опасение, враждебность, негодование, боязнь, ненависть… Мир страстей необъятен! К Бродскому, например, я всегда был равнодушен, особенно после того, как прочитал в «ЛГ» то, что писали о нем антисоветчик Василий Аксенов и советский патриот Эдуард Лимонов, знавшие его в Америке. Оба очень талантливые, но во всем такие разные писатели, они были единодушны в своем убедительном отвержении Бродского как в литературном, так и

человеческом его существе. «Вполне середняковский писатель, ловко организовавший себе Нобелевскую», – писал один. «Поэт-бухгалтер, все пересчитает и опишет», – утверждал другой.

Да, разноцветный спектр, градация, регистр… Но вы избрали для меня крайнюю степень, и вам «интересно знать, какой бифштекс» я отбил бы из тех, кого ненавижу. Вообще-то вы уже этим заслужили, чтобы самому стать бифштексом. Ведь в свое время кое-кто так же писал кое-куда про товарища Н.Н., который, допустим, пожаловался на длинную очередь в магазине: «Интересно знать, что он вообще думает о советской власти. Не сделать ли вам из него бифштекс?».

Поэтому объясняю: иные произведения и поступки названных вами писателей вызывают у меня негодование, и я отвергаю их лживый, оскорбительный для народа смысл.

А как иначе русский человек, советский гражданин может относиться к тому, как «особо любимый» вами Слуцкий изобразил праздничный прием летом 45 года в Кремле, на котором присутствовали маршалы Жуков, Василевский, Рокоссовский, авиаконструкторы Туполев, Яковлев, Илюшин, писатели Фадеев, Симонов, Эренбург, – прием, посвященный победе над немецким фашизмом, Слуцкий представил в стихотворении «Терпение» как пьяную сходку! И этого вашему любимцу мало! Того, под чьим руководством мы добились победы, и кто тогда поднял бокал на здоровье русского и всего советского народа, ваш любимец миллионным тиражом «Огонька» (В. Коротич) объявил ничтожеством, трусом. Ведь не надо быть разведчиком, чтобы понять, какая это оскорбительная для народа мерзость и подлость, и кому, чему в этом случае, оболгав торжество и извратив тост, служил ваш любимец, недавний майор политотдела армии. Ему, уверявшему, что «говорю от имени России», помнить бы, что ждало его, еврея, если бы не те, кто сидел в зале, если бы не победа, если бы не Сталин.

А Бродский маршала Жукова и всех солдат, погибших в Великой Отечественной войне, всех ее участников счел заслужившими ад, куда он мысленно их и отправил в своем сочинении «На смерть Жукова».

Тоже «особо любимый» вами Окуджава явился сперва как бард, и такие его песни как «Последний троллейбус», «Надежды маленький оркестрик», «Виноградная косточка» нравятся мне до сих пор. Но я писал о его прозе и при этом защищал русскую историю и русский язык, с чем у знаменитого автора было не все благополучно. Ну, в самом деле, например: «Сослуживцы чинили ему всяческие куры». Это ж анекдот! Забытое выражение «стоить куры» означает совсем не то, что думал Булат. И таких анекдотов у него вороха! «Он ритмично недоумевал», «Петербурга и след простыл», «Как многозначительно расположились ей ключицы», «В доме происходит озноб», «За окном брезжили сумерки» и т. п.

Позже Окуджава признался в газете «Подмосковье», как он с радостью, с наслаждением 4 октября 1993 года смотрел по телевидению расстрел танками Дома Советов. Даже по ельцинским данным тогда погибло около двухсот сограждан Окуджавы, и он, поэт, наслаждался их смертью. И объяснил свой восторг: «Я не любил этих людей». И этого ему достаточно, чтобы желать смерти этих людей и радоваться ей!
А трогательный «оркестрик» и милая «виноградная косточка» ничуть этому не помешали… А вам, М.П., и это по барабану? Или вы не знали?..

Ну, а как было не написать о беспардонном вранье Солженицына, о том, например, что он на многое имеет право, ибо «всю войну, не уходя с передовой, командовал батареей»? Но, во-первых, «вся» его война началась только в мае 1943-го, т. е. он попал на фронт почти на два года позже, чем многие; а «батарея» его, во-вторых, была без единой пушки, одни приборы да циркули – батарея звуковой разведки; а его «передовая», в-третьих, была такой, что к нему из Ростова приехала жене, и днем она переписывала его бессмертные поэмы, до сих пор не изданные, а вечером они читали вслух «Жизнь Матвея Кожемякина».

Как было промолчать о человеке, который говорил, что никакой беды, если бы Гитлер победил: стали бы елку справлять не на Новый год, а на Рождество, – только и делов?! О человеке, который мечтал об американской атомной бомбе на «головы надзирателей», словно не зная, что, как показал опыт Хиросимы и Нагасаки, эти бомбы не отличают цветоводов от надзирателей, им все одно. А надзиратели – обычные советские люди при исполнении служебных обязанностей. Призовут тебя в армию, пошлют служить надзирателем, и будешь служить, как служил Сергей Довлатов.

* * *

И вам мало современников, вы вешаете на меня еще и классиков: «Интересно, какой бифштекс Вы отбили бы из Тютчева, женатого на иностранке?..».

Полковник, что с вами? Журналист «ЛГ» спросил, как относилось ваше начальство к тому, что ваша жена дворянского происхождения, вы ответили, что никак. А я тут причем? Но вы из этого извлекаете очередной бифштекс. Ну, и ешьте его, прихлебывая любимое виски. А я сообщу вам новость: русские писатели, женившиеся на иностранках, от Ломоносова до Есенина, даже до того же Евтушенко, могут составить дружную шеренгу. Последний из названных побывал чуть не в ста странах и дважды был неудачно женат на иностранках, но мои претензии к нему совсем в другом. Да я и сам когда-то едва не женился на мадьярке. У меня и стихи о ней есть в виде разговора на границе с таможенником:

…Если надо пошлину – плачу!

Я, приятель, чту твои законы.
Что ты ищешь – золото? парчу?
Героин? Старинные иконы?

Да, одну икону я везу.
Ее цену знать вам невозможно.
Не ищи ни сверху, ни внизу —
В сердце она спрятана надежно.

Я считал, молитва – звук пустой.
Но молюсь на ту икону жарко!
Это не какой-нибудь святой,
А одна прекрасная мадьярка…

Ну, и так далее.

А вы все не можете отлипнуть, вас ужасно интересует, какой бифштекс я отбил бы еще – с ума сойти! – и из Чаадаева, Тургенева, еще кого-то. Полковник, отвяжитесь со своей ресторанной образностью. Не за такую ли назойливость вас в свое время, как пишете, вышвырнули из Англии. Если так, то, право, поделом…

Но вот вопросы поважней. Вы пишете, что, отрицая ваше заявление о том, будто роман «Доктор Живаго» был у нас запрещен, я забыл добавить, что «сталинская Конституция – лучшая в мире». Какая связь?

И тут же: «Я соглашусь (что лучшая), прекрасно зная, что это блеф». Вот так согласился! Что с вами, сударь? Правая рука отбрасывает то, что сделала левая.

«На практике Конституция большевиков – это революционная целесообразность». Правильно. А как иначе? Была революция, ее целесообразно с интересами народа надо защищать, как сейчас защищают контрреволюцию сообразно с интересами буржуазии, богачей, кровососов-олигархов. Таков закон жизни.

Конституция, конечно, была лучшая в мире. Взять хотя бы одну ее статью: «Граждане СССР имеют право на труд». Вы жили и бывали во многих буржуазных странах. В Конституции хоть одной из них есть такая статья? И ведь это не то, что ныне медвежьи декламации об улучшении «качества жизни» народа, – в СССР действительны с начала 30-х годов не было безработицы.

И вы лично жили по этой Конституции, дышали ее воздухом.
В соответствии с конституцией вашим родителям, вам лично, вашим детям и, может быть, внукам бесплатно предоставили жилье, все вы бесплатно получили высшее образование, всем вам ежегодно

предоставлялись невиданные на Западе почти месячные отпуска и за копеечную плату вы жили в домах отдыха, санаториях, бесплатно лечились… Вот что было «на практике». Забыли? Плохая у вас для разведчика память. Как у полковника Жириновского.

Все эти блага для народа большевики считали – да, целесообразными. И вот теперь, когда вам 85 лет, все это стало для вас поводом для ухмылки, для глумления: блеф… Этого «блефа» оккупанты народ лишили, и он горюет, бедствует, вымирает. Вице-премьер Голикова недавно поведала: за первые три месяца 2019 года, несмотря на то, что каждый день в стране сдается «под ключ» три церкви, население убыло на 150 тысяч, иначе говоря, под корень вымерли три районных города. Но вы в упоении: «Жизнь прекрасна!».

Так же, как к советской власти и Конституции, обернулись вы и к партии. Взрослым же человеком вступали и пробыли в ней, поди, лет сорок. И уверяете, что были искренним коммунистом, значит, никто вас не тянул, не загонял, но стоило повеять жареным, и вы спрятались в кусты, потом вылезли и кинулись в объятья антисоветчиков и стали вместе с ними поносить партию: «Одна извилина единомыслия» и т. п. Если мужчина женился по любви, но потом разлюбил женщину, то, вполне естественно, он уходит. Но после этого поносить когда-то любимую – это низость. Так и в гражданской жизни.

* * *

Вы пишете, что я боготворю Сталина. Нет, считая его вездесущим, всеведущим и всемогущим, а потому и ответственным за все, что происходило в стране, это вы боготворите его. О делах и событиях государства вы пишете, как о его личных делах: «Сколько он(!) наворотил своей (!) коллективизацией»….

Коллективизация, как и все другое, была не личным делом Сталина, она была «своей» для всего народа, в том числе и для меня лично. И не только потому, что я вырос в деревне, а мой беспартийный дед Федор Григорьевич Бушин (1870–1936), выйдя из тюрьмы, был избран односельчанами председателем колхоза им. Марата в деревне Рыльское Тульской области, на Непрядве. Колхозы даже немцы не везде разрушали в оккупированных областях, понимая их выгоду. А почти целиком истребили, в том числе и мой им. Марата, нынешние оккупанты. Но человеческая жизнь на селе только и есть сейчас в тех колхозах, которым удалось выстоять.

Недавно во время «прямой линии» президенту Путин напомнили о Павле Грудинине, председателе подмосковного столетнего колхоза им. Ленина. Сказали, что вот, мол, хорошо бы кого назначить министром сельского хозяйства. У него колхозники получают в среднем 60 тысяч в месяц при 23 тысячах по стране. Уж наверняка он больше понимает в работе на

земле, чем банкир Дмитрий Патрушев или до него – акушерка Елена Скрынник, куда-то скрывшаяся, кажется, на Лазурный берег.

Ах, как вскинулся Путин при имени Грудинина: «Он держит деньги в оффшорах!». Ну и что? Да все твои министры и губернаторы, генералы и адмиралы там держат. И я держу там свою фронтовую пенсию. На ваши-то банки никакой надежды. А сам где держишь?..

Э, нет, дело не в оффшорах, а в том, что Грудинин – живая, реальная, сильная и потому опасная фигура на политическом горизонте. Как генерал Лев Рохлин, как прокурор Виктор Илюхин, царство им небесное…

Но ведь коллективизацию-то не один Сталин лично проводил. Имелся в стране наркомат земледелия, все годы коллективизации (1929–1934) наркомом был Я.А. Яковлев (Эпштейн), имелись обкомы партии с сельскохозяйственными отделами. И в таком огромном деле в огромной стране при малограмотном крестьянстве не могло не быть грубых перегибов: от таких как обобществление кур и гусей до несправедливого раскулачивания. И не Яковлев, а сам Сталин 2 марта 1930 года выступил против этого в знаменитой статье «Головокружение от успехов». Почитайте «Поднятую целину» Шолохова, там все это есть, в том числе помянутая статья. Об этом же Шолохов писал и в отчаянных письмах Сталину. И Сталин ругал его за то, что он письмом, а не телеграммой. И срочно помог, и были спасены тысячи людей. А любимый вами литературно-политический делец Солженицын (так о нем говорил В. Шаламов), на совести которого несколько жизней, писал о «кровавых руках» Шолохова. И призывал нас «жить не по лжи».

В этом году исполнилось 85 лет со дня XVII съезда партии, который подвел итоги коллективизации. Когда-то очень голосистый, а ныне залегший на дно мыслитель Рой Медведев, принимавший участие в американском фильме «Монстр», уверял с экрана, что при выборах ЦК против Сталина голосовали 292 делегата съезда. На самом деле, как было перепроверено уже при Горбачеве, против Сталина голосовали только трое.

И раз уж я опять упомянул Солженицына, то будет к месту заметить, что его заявление в полубессмертном «Архипелаге» о том, будто в 1929–1930 было выслано «в тундру, в тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как бы и не поболе)», – это факт интуитивной статистики. На самом деле, как установил на основе подлинной статистики известный историк В. Земсков, – около 2 миллионов. Это примерно 1,25 % всего населения страны и 1,5–2 % сельского. Как видим, нобелевский лауреат соврал семикратно. Но это для него не предел. Есть вещи, о которых он врал двадцатикратно.

* * *

Сталин для вас, его обличителей, не бог, а полубог, т. к. вы считаете его ответственным за все плохое в стране, так сказать, за половину жизни, а к хорошему и доброму он, дескать, не имел никакого отношения. «Конечно, – пишете вы, – были и огромные достижения в космосе и военных отраслях. Конечно, не было такой коррупции и разрыва в доходах, но это уже другой коленкор». Почему другой? Тот самый – о жизни народа, о характере власти.

Опять вы пишете как о личном деле Сталина: он «чуть не потерял страну, но смог мобилизовать народ и одержал победу». Сказали бы вы это премьеру Медведеву или депутату Думы Ирине Яровой: «Он (!) одержал победу». Они вас растерзали бы.

И снова: «Начало войны проморгал…». Да, увы… Но я опять напомню: его голова была забита вопросами экономики, внутренней и международной политики, науки, культуры… А ведь рядом существовали наркомат обороны, Генеральный штаб, военные округа со своими штабами. Они занимались только проблемой войны. Только!

Почти все критики и клеветники Сталина пишут о Великой Отечественной войне так, словно тогда в мире ничего подобного не происходило. Что взять с какого-нибудь Марка Солонина или Бориса Соколова, положивших жизни на вранье о нашей Победе… Но вы-то, полковник, много лет жили в Англии и в других интересных странах. И эти страны тоже воевали против фашистской Германии. Неужели вам никогда не было интересно: а как они воевали? В частности, может, что-то прохлопали и французский президент Альбер Лебрен, и английский премьер Черчилль, и американский президент Рузвельт, да и сам зачинщик войны Гитлер? Представьте себе, да, все они в свое время проморгали важнейшие дела.

Англичане и французы находились уже больше восьми месяцев в состоянии войны с немцами, которую сами и объявили Германии, все у них было отмобилизовано, собрано, приготовлено. Но когда те 10 мая 1940 года нанесли им сокрушительный удар, то он оказался для них не только неожиданным, но и привел всего через пять недель куртуазной войны (Париж – открытый город!) к позорной сдаче Франции и к деру англичан за Ла-Манш. А ведь у них было еще и не пустячное превосходство в силах… Нам бы те их восемь месяцев…

А американцы? Две недели, начав движение от Курильских островов, 32 японских корабля, в числе которых 6 авианосцев, со скоростью 12–14 узлов шли открытым морем, где нет ни кустика, ни бугорка, чтобы спрятаться, а у американцев – прекрасная разведывательная авиация; и при всем том страшный удар 7 декабря 1941 года японцев по Перл-Харбору, базе Тихоокеанского флота США, оказался для американцев громом среди ясного неба и повлек ужасные потери. Рузвельт в этот день безмятежно разбирал свою коллекцию марок. Когда ему доложили, он сперва не мог поверить.

А за два дня до этого, 5 декабря, началось наше контрнаступление под Москвой, и тоже – как снег на голову немцам. Видно, переутомились фрицы, уснули. Ведь они на своих танках, автомашинах и мотоциклах перли до Москвы в два раза дольше, чем Наполеон со своей пехтурой да конной тягой. Что-то им мешало… Что? Уверенность Гитлера в победе за два-три месяца. Уж так он ее проморгал, как никто, дальше некуда.

И еще сопоставьте: у нас были с немцами два договора, исключавшие всякую возможность военного конфликта, а англо-французы уже восемь месяцев, говорю, сидели в первоклассной оборонительной линии Мажино, в дотах, окопах и даже иногда совершали вылазки; у нас немцы были рядом – в Польше, один бросок – и вот они, а японцы – за многие тысячи миль от Америки; а уж немцы-то, подступив к Москве, должны были соображать, что у своей столицы противник особенно опасен, – и, несмотря на все это, они, как и мы, проморгали. Но в Англии поносили за это Черчилля? В Америке стыдили Рузвельта? Куда там! Их представляют единственными победителями во Второй мировой войне. А у нас тут как тут полковник Любимов, Марк Солонин, Сванидзе…

*** * ***

Некоторые из упомянутых и не упомянутых здесь авторов пишут о Великой Отечественной войне так, что совершенно непонятно, как же мы победили, что дало возможность маршалу Жукову в 22 часа 43 минуты 8 мая 1945 года в Карлсхорсте под Берлином сказать фельдмаршалу Кейтелю: «Прошу подойти к столу и подписать акт безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил». Ну в самом деле, все у нас из рук вон плохо – оружие, снабжение, солдаты, командование, Верховный главнокомандующий, а Красная Армия – в Берлине, а маршал Жуков приглашает: «Прошу…». Ну как? И ничто их не убедит, что они лгут о своей стране, о своей армии, в которой никто из них и не служил.

Так же, Михаил Петрович, вы пишете о нашей разведке: «Дураков хватало», «Сталинский каток», «Зорге был под подозрением»… Откуда же такие успехи, что на самом верху английской и американской разведок находились наши сотрудники?

А что касается Зорге, то надо же понимать, что он был немец и работал на нас против своей родины. Понимаете, хотя тогда там был фашизм, но это его родина… Ну, если уж точно, родился-то он в России, но все равно – немец…

Читаю у вас: «Вы считаете, что Сталин не репрессировал советских разведчиков». У меня об этом ни слова. А вы, перечислив немало имен репрессированных, уверяете, что всех посадил или расстрелял ни кто иной, а именно ваш полубог Сталин. Похоже, что и камеру запирал сам, и расстреливал лично. А о прокуратуре, о Военной коллегии Верховного суда, о Вышинском, Ульрихе, Матулевиче вы не слышали? Вот человек

жизнь прожил!.. Мне, говорит, за все годы службы от начальства ни одного упрека не было. Впрочем, об этом можно было догадаться. А я-то, считай, полжизни в потасовках с начальством прожил. И ему – понять меня?

Я считаю Сталина не богом и не полубогом, а великим человеком, который не только был велик в своих решениях и делах, но мог и ошибаться, бывал несправедлив, бывал жесток. Во многих ошибках он признался. Например, в упоминавшемся тосте – в ошибках правительства во время войны. А разве не такое же признание – расстрел наркомов внутренних дел Н. Ежова и Г. Ягоды, виновных во многих необоснованных репрессиях? Или – присуждение Сталинских премий профессору Л.К. Рамзину и архиепископу Луке (знаменитому хирургу В.Ф. Войно-Ясенецкому). Оба они ранее были осуждены, к чему, впрочем, Сталин не имел никакого отношения.

Востроглазый Рустем Вахитов недавно напомнил нам из Уфы, что Сталин с апреля 1922 года, когда по предложению Ленина его избрали Генеральным секретарем ЦК, до мая 1941, когда был назначен главой правительства, все эти двадцать лет Сталин никаких государственных постов и должностей не занимал. Его могущество основывалось и питалось только авторитетом партии и его личным сталинским авторитетом. В Конституции, между прочим, тогда не было статьи о руководящей и направляющей роли партии. Она появилась при Брежневе. «Власть Сталина, если называть вещи своими именами, – пишет Р. Вахитов, – была духовной» (и, вероятно не случайно выбор истории пал при этом на бывшего семинариста, он лучше других годился на роль обладателя такой власти).

Сейчас у нашего президента есть в Кремле президентский полк и есть Росгвардия. Они подчинены только ему лично. Это, говорит Вахитов, подобие преторианской гвардии древнеримских императоров. У Сталина не было под рукой даже взвода, а у некоторых наркомов-министров были подвластные им войска… И если вообразить, что среди них вдруг нашелся бы новый Брут, который почему-то решил бы арестовать Сталина и приказал бы подвластному отряду сделать это, то у Сталина не было бы никакой защиты, а отряд Брута был обязан выполнить приказ своего начальника, этого требовал закон и воинский Устав. Тем не менее, Брут был уверен, что его приказ солдаты не выполнят. Более того, пишет Вахитов, Брут «понимал, стоит отдать такой приказ, как сам окажешься за решеткой». Таково было почитание Сталина, вера в него, и таким был его авторитет.

И у большого поэта рождались строки:

Мы все одной причастны славе
С ним были думами в Кремле.
Тут ни придавить, ни убавить —

Так это было на земле.

Ну да, скажут мне, ведь этот поэт был членом партии, орденоносцем, лауреатом. Да, да, да. Но вот уж такие беспартийные и неорденоносные писатели – Пастернак и Чуковский. Увидев Сталина в президиуме съезда комсомола, на который их пригласили, второй из них записал в дневнике: «Видеть его – просто видеть – для нас всех было счастьем… Мы шли с Пастернаком домой вместе и упивались нашей радостью».

И зная это, в роковой час истории Сталин обратился к народу именно так:

«Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

К вам обращаюсь я, друзья мои!..».

Конечно, потом-то, в либеральное время, нашлись языки, в частности, среди взрастивших Солженицына «новомирцев», что стали глумиться: «Ха-ха! Нашел друзей… какие мы ему братья…».

Действительно, никакие…

* * *

А кончить я хочу тем, однако, что, несмотря на все сказанное мною в ваш адрес, я признателен вам, Михаил Петрович, за то, что Вы со страниц «Литературной газеты» бросили в каменные уши Кремля требование вернуть Сталинграду его бессмертное имя, украденное Хрущевым. Вы предлагаете и памятник Сталину поставить. То и другое на страницах «Литературной газеты» – впервые. Добавлю только одно: прекратить свистопляску вокруг Мавзолея!

Салют!

Ветеран либерализма

(Олег Басилашвили как наставник юношества)

В «Литературной газете» была напечатана большая беседа артиста Олега Басилашвили со студентами Ленинградского гуманитарного университета профсоюзов, вернее, не беседа, а его ответы на вопросы, хотя он начинает так: «Я хотел бы поделиться с вами своими соображениями…». Пожалуй, для этого форма ответов на вопросы едва ли самая подходящая: мало ли, какие вопросы тебе зададут, могут и такие, что не будет возможности высказать свои «соображения», уведут от них. В этом случае уместнее лекция, доклад. Но пренебрежем этим несоответствием, впереди нас ждет нечто более существенное.

В самом начале встречи О. Басилашвили аттестует себя как «человека малообразованного». Ну, это его дело, только тут непонятны два обстоятельства. Во-первых, что помешало здоровому, нормальному человеку, родившемуся в столице, в потомственно интеллигентной семье, имеющему среди предков даже околоточного надзирателя полиции, не потратившего в юности время на службу в армии, – что не позволило ему получить образование, достойное высокого звания Народного артиста СССР? Надо бы объяснить. Ведь по нынешнему времени слушавшие артиста студенты могли подумать, что вот он, еще один из ужасов советской эпохи: такой человек, а ему тиран Сталин не дал образование!

Во-вторых, хотелось бы знать, как при малообразованности человек ведет столь бурную общественно-политическую жизнь, не мешает ли она этому? Вот ведь известный Митрофанушка, твердивший «не хочу учиться, а хочу жениться», т. е. человек тоже малообразованный, жил скромно, тихо, не лез в политику. А тут!..

В интернете можно много узнать на сей счет. Например, в 1990 году Олег Басилашвили был избран Народным депутатом РСФСР; он выступал за переименование Ленинграда в Санкт-Петербург; положительно оценивая правление Горбачева и Ельцина, главными достижениями второго считает признание частной собственности, реформы Гайдара, главными ошибками – излишнюю доверчивость в желании найти компромисс с коммунистами. Басилашвили был членом либеральной партии «Союз правых сил», после ее роспуска поддерживал «Гражданскую платформу» миллиардера Михаила Прохорова и «Яблоко» Григория Явлинского; на президентских выборах выступал за кандидатуры Ирины Хакамады в 2004 и Григория Явлинского в 2012 году. В 2000 году Басилашвили был среди деятелей культуры, осудивших возвращение к гимну на музыку Александрова. Выступал в защиту Михаила Ходорковского, Кирилла Серебренникова, «Pussy Riot», негативно отзывался о так называемом «законе Димы Яковлева», запрещающем усыновление детей иностранными гражданами. Он против преследования ЛГБТ, а сексуальную ориентацию считает личным делом каждого. Поддерживал идею создания мемориала памяти жертв сталинских репрессий, высказывался против установки памятников Сталину. Комментируя в 2008 году конфликт в Южной Осетии, Олег Валерианович назвал ввод российских войск на эту территорию «оккупацией». Аналогичное мнение актер высказал в 2014 по вопросам возвращения Крыма и войны в Донбассе.

И это, разумеется, не все. Словом, перед нами последовательный, упорный либерал и неутомимый антикоммунист типа Николая Сванидзе. И его малообразованность, судя по всему, ничуть такой энергичной деятельности не препятствует, как и в случае Сванидзе.

* * *

Какими же, однако, соображениями артист захотел поделиться с молодежью на сей раз? А вот: Басилашвили говорит, что «человечество вступает в новую эру, какой еще не было на земном шаре». Ну, вообще-то каждая новая эра потому и новая, что прежде такой не бывало. Дать определение этой эры он не может, но знает, что это будет ужасная эра, во многом она уже наступила. И вот, каково место и роль театра в этом страшном мире? Артист приводит характерные примеры наступающей эры в жизни театра.

Еще двадцать лет назад режиссер Эрвин Аксер рассказывал ему о положении в польском театре: «Если открывается занавес, и на сцене не стоит унитаз, все выходят из зрительного зала». Значит, уже и зрители одурели. А у нас, говорит, в Ленинграде в знаменитой Александринке идет спектакль «Швейк», в ходе которого, представьте себе, тридцать артистов прямо на сцене снимают штаны…

Для нормального человека это отвратительно, недопустимо. И мы ожидаем, что народный артист вместе с нами возмутится публичной похабщиной в храме искусства. Но он говорит об этом так, что его отношение невозможно понять. Сперва вроде бы и возмутился, рассказав об этом как о признаке ужасной эры, однако тут же говорит: «Я понимаю, очень смешно посмотреть на 30 человек без штанов». Помилуй Бог, да что ж тут смешного?.. «И зритель хлопает, потому что (?) не каждой женщине приходится видеть сразу 30 голых мужиков, а тут они все стоят». Да причем тут женщины? Разве только они сидят в зрительном зале? И артист еще и допускает ситуацию, когда это можно: «Если бы раздевание несло какую-то эмоциональную нагрузку, то было бы, наверное, оправдано». Какая «нагрузка» способна оправдать тридцать разнокалиберных фаллосов под носом у зрителей!

Так надо же против таких мерзостей бороться, называть имена, высмеивать их, проклинать как разрушителей театра, как противников элементарного приличия. И надо было энергично, смело противостоять уже давно, когда еще только у Табакова со сцены МХАТа полетели первые матюки… Увы, ни Ульянов, ни Лавров, ни Басилашвили, ни ВТО в целом не проронили ни словечка осуждения. Они были уже деморализованы либеральным трепом о толерантности, консенсусе, о том, что «все разрешено, что не запрещено законом» – обо всем этом думали как о высших моральных ценностях. Лично Басилашвили вместо отпора нашествию мерзости был занят защитой и поощрением «Pussy Riot», бесстыжих девиц, бесновавшихся в храме, как те 30 мужиков в Александринке. А сейчас, что после той его защиты вполне естественно, мы слышим от 85-летнего мэтра стеснительное, невнятное ни то, ни се. То ли он вместе с тридцатью пушкинскими витязями, то ли с тридцатью нынешними охальниками.

И тут весьма примечателен рассказ Басилашвили о том, как он играл кода-то роль Войницкого в чеховском «Дяде Ване». Долго не мог он найти ключа к образу. 47-летний Войницкий безумно влюблен в 27-

летнюю красавицу Елену Андреевну, жену старого профессора Серебрякова. Он возвышенно и бурно выражает ей свои восторги. Ее отношение к этой страсти однозначно, она ему говорит: «Оставьте меня. Это, наконец, противно». И уходит. Басилашвили уверяет, что он спросил Георгия Товстоногова: «А если бы она ему сказала: хорошо, дядя Ваня, идем скорей в спальню, пока Серебрякова там нет. Что бы сделал дядя Ваня?».

Во-первых, совершенно непонятно это «если», откуда оно взялось? Такое допущение могло возникнуть только по причине полного непонимания образа Елены Андреевны. В пьесе нет ни единого слова о ее женском интересе или симпатии к Войницкому, более того, ни малейшего намека на способность к таким грязным поступкам. Она говорит и повторяет: «Я застенчива». Она просто порядочная достойная женщина.

Так что предположение Басилашвили о спальне, пока нет Серебрякова, совершено несуразно. И столь же неправдоподобно уверение, будто Товстоногов в ответ на гипотетическую «спальню» сказал ему, что Войницкий побежал бы в свой кабинет и там застрелился, потому что Елена Андреевна была для него воплощением высокого идеала.
И Басилашвили продолжает: «Когда Войницкий видит целующегося с нею Астрова», то понимает, что «она, оказывается, такая же, как все. Так же похотлива, так же сексуально озабочена, как все остальные женщины. У него рухнул этот самый его идеал». И Товстоногов будто бы сказал ему, что надо играть не ревнивца, а человека с таким идеалом в душе.

Прекрасно, только отнюдь не все женщины похотливы, Басилашвили просто не везло в жизни, и свой опыт он распространил на всю лучшую половину человечества.

Астров тоже восхищается Еленой Андреевной как женщиной, но пошловато и грубо, прямо в лицо ей восклицает: «Роскошная женщина!». И при этом, однако, подобно Басилашвили, совершенно не понимает ее: «Хищница милая… Красивый пушистый хорек… Вам нужны жертвы!.. Вы – хитрая!». Она в изумлении: «Хищница? Ничего не понимаю». Ее мысли вот о чем: «Вы безрассудно губите человека, и скоро из-за вас на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете равнодушно видеть женщину, если она не ваша? Потому что в вас сидит бес разрушения. Вам не жать ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга». Она ведь вот о чем мечтает: «Улететь бы вольной птицей от всех вас, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете». От кого улететь? От постылого самовлюбленно хныкающего старого мужа, от назойливого в своей любви Войницкого, от бесцеремонного Астрова…

Он, Астров, зная, что Елена Андреевна все-таки не совсем равнодушна к нему, сперва приглашает ее в свое «именьишко», а в другой раз умоляет

завтра же приехать в знакомое ему уединенное лесничество, «на лоно природы». Ее реакция на это второе грубое домогательство мгновенна и однозначна: «Вы с ума сошли!.. О, я лучше и выше, чем вы думаете! Клянусь вам!.. Вы забылись. Уходите…».

И вот еще одна подобная сцена. Астров без ума: «О, какая чудная, красивая! Какие руки! (Целует руки)… Ты видишь, это неизбежно, нам надо видеться (целует ее)»… Если мужчина целует женщину даже с ее согласия, это никак не свидетельствует о ее похотливости. А уж если против воли женщины, как в данном случае, то это характеризует только мужчину.

В последней сцене Елена Андреевна действительно целуется с Астровым. Но как! Она уезжает, лошади уже поданы, они расстаются…

«Астров: Позвольте мне… поцеловать вас… на прощанье… (целует ее в щеку)

Елена Андреевна: Желаю вам всего хорошего. (Оглянувшись.) Куда ни шло, раз в жизни! (Порывисто обнимает его, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.) Надо уезжать».

И в таком взволнованном прощании, в этом внезапном мгновенном поцелуе Басилашвили видит похотливость! Да как же после этого он может удивляться, что режиссер Александринки, допустим, за ремаркой, в которой так или иначе упомянуты штаны персонажа, увидел тридцать мужиков без штанов!

* * *

В конце беседы, как итог, Басилашвили сказал студентам: «Я смотрю на себя в 19–20 – 30–35 лет как на идиота тупого. Тупой идиот. Мог бы сделать в тысячу раз больше, но не сделал, не мог, потому что я ничего не знал, ни о чем не думал, как думал Бродский моего же возраста, как Шемякин, как Довлатов. Почему не я?..». Странное совпадение: все трое названных в 70-е годы оказались в Америке, двое и умерли в Нью-Йорке.

Упомянув эти три заветных имени, Басилашвили продолжал, обращаясь к студентам: «Вы должны задуматься, чтобы в 84 года, как мне, вас не посещали бы такие траурные мысли, и вы могли бы сказать: нет, я сделал все, что мог…».

Итак, он предлагает молодежи задуматься… О чем – о голых мужиках на сцене, о Чехове, о Елене Андреевне? Нет, скорее всего, о трех его кумирах. И тут пора оставить шутки и внести окончательную ясность. Артист уверяет, что до 35 лет был тупым идиотом, прошло пятьдесят лет, он узнал Бродского, Шемякина, Довлатова и все-таки, как помним, уверяет, что остался малообразованным человеком, советским Митрофанушкой. Все это, конечно, притворство и туфта, кокетство и лажа. Как он мог оставаться таким до глубокой старости, если окончил столичный театральный вуз, потом до 35 лет и до глубокой старости в

первоклассных театрах Ленинграда под руководством замечательных режиссеров играл во множестве спектаклей по пьесам Шекспира, Гоголя, Грибоедова, Чехова, Горького, выдающихся современных драматургов, советских и зарубежных?..

Все это, как и многое другое в жизни, не могло сделать Басилашвили человеком очень широко образованным, но дело в том, что почерпнутые в жизни и в пьесах знания, прочитанные и произнесенные им со сцены мысли, увиденные и воспроизведенные чувства остались ему чужды изначально или рухнули под напором консенсуса и толерантности, больше того: у него такое ощущение, что все это сделало его тупым идиотом. Дайте ему Бродского! Не может он жить без Довлатова! Ах, если б еще разок взглянуть ему на творения Шемякина! И он зовет к этому молодежь…

Возьмем хотя бы первого из названных. Вот, допустим, открывает студент столь знаменательное и, конечно же, интересующее русского юноши стихотворение Бродского «Смерть Жукова». Думаю, он сразу удивится: что за Жуков? Их, Жуковых, много, а маршал Жуков одни. Так и надо было озаглавить стихотворение, а не амикошонствовать.

Поэт в Америке смотрит по телевидению похороны маршала Жукова в Москве на Красной площади. И что видит?

Вижу в регалии убранный труп…

Тут каждое слово вопиет против здравого смысла и духа русского языка. «В регалии убранный»!.. А уж «труп»… Представьте, если в известном стихотворении Пушкина о Кутузове было бы:

Перед гробницею святой,
Стою с поникшей головой…
В ней труп для русских дорогой…

Бродский, видимо, хочет возвысить образ почившего и с этой целью ставит его в ряд других знаменитых полководцев. Думаю, что естественно, если это были бы русские полководцы прошлого или товарищи по Великой Отечественной войне. Нет, это заморскому поэту не приходит в голову. Он вытаскивает из многовековой дали Ганнибала из Карфагена, Помпея из Древнего Рима и Велизария из Византии. В его глазах маршал Жуков – полководец,

Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Велизарий или Помпей…

Первый действительно кончил плохо: его отстранили от армии, конфисковали огромные поместья и даже, по некоторым сведениям, ослепили. Второй еще хуже: потерпев поражение в войне против Цезаря, бежал в Египет и там был коварно убит. Не лучше оказалась судьба и Ганнибала. После нескольких блестящих побед над римлянами он в конце концов все-таки был разбит, бежал аж в Армению, потом в Вифинию и там, опасаясь выдачи, отравился.

Ничего и отдаленно похожего не было и не могло быть в жизни маршала Жукова. Да, его понижали в должности, как это бывает со многими, исключали из ЦК, посылали в Одессу, потом в Свердловск, но это были вовсе не ссылки, там он шесть лет работал на высокой должности командующего военными округами. А в 1952 году по предложению Сталина его снова избрали в ЦК. При Хрущеве маршал даже стал членом Президиума ЦК и министром обороны. Правда, в октябре 1957 года злобный и мстительный Хрущев коварно выставил его с этих высоких постов в отставку. Но и оставшиеся семнадцать лет жизни (он умер 18 июня 1974 года) маршал прожил вовсе не «глухо». Встречался с боевыми друзьями, с писателями, журналистами, участвовал в создании фильмов о войне. А главное, работал над книгой «Воспоминания и размышление». Она вышла в 1969 году тиражом в 600 тысяч экземпляров, потом переиздавалась еще большими тиражами. Так что бежать куда-то, как Помпею, опасаться за свою жизнь, как Велизарию, или думать о самоубийстве, как Ганнибалу, Жукову приходилось.

Нельзя не сказать и о том, что ведь ни одному из трех полководцев древности не довелось сказать своему главному противнику то, что маршал Жуков сказал генерал-фельдмаршалу Кейтелю: «Прошу подойти к столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции». Ставить полководца-победителя в один ряд с теми, которые имели успех, но потом оказались разгромлены, бежали, были убиты или покончили с собой, совершенно безосновательно, несуразно и свидетельствует лишь о желании автора блеснуть знанием древних имен. Чему-то подобному молодежь и должна учиться у Бродского?

* * *

А тот еще вот что пишет в этом стихотворении о Жукове:

Воин, пред коим многие пали
Стены, хоть меч был вражьих тупей…

Вернее, это уже не о Жукове, а о Красной Армии, о стране: наше оружие было, дескать, «тупей» немецкого. Но, во-первых, и немецкое оружие вовсе не было тупым. Это он вроде хочет похвалить нас: наше оружие «тупее», однако в руках Жукова оно стены крушило. А на самом деле тут

не похвала, а один из вариантов старой песенки либералов: мы немцев трупами завалили.

Это уже самодовольное невежество: человек уверенно пишет о том, чего не знает. Откуда взял, что «тупее»? Ничего подобного такому нашему оружию, как легендарная «Катюша», танк «Т-34», штурмовик «Ил-2», немцы, как ни лезли из кожи, так до конца войны создать и не смогли…

И еще о стране и армии:

У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном стою
Смело входил в чужие столицы,
Но возвращался в страхе в свою.

Редкая по концентрации смесь невежества и лжи, а либералы то и дело цитируют две последние строки как непререкаемый нобелевский аргумент, это для шакалов гуманизма сахарная косточка.

В чужие столицы «входили» не мы, а немцы, поскольку эти столицы, как Париж, противник объявлял открытыми городами. Мы же не входили, а врывались, как в Софию, вламывались, как в Бухарест, или вгрызались, как в Будапешт. И надо бы понимать, что делать это «в строю» невозможно, тут приходилось бросками, перебежками, а то и ползком на брюхе.

О том же, как мы возвращались в свою столицу и в сотни других советских городов, в тысячи и тысячи сел, деревень, сегодня уже мало кто помнит, еще меньше тех, кто сам и возвращался, но есть же кинохроника, сохранилось множество фотографий. Неужели ничего этого не видел поэт?

Но вот минуло тридцать лет, многие фронтовики умерли, вот хоронят и маршала Жукова. И что на уме у «великого русского поэта Бродского» (Б. Бондаренко):

Сколько он крови пролил солдатской!..

Редко кто из либералов и антисоветчиков до такой подлости договаривается. Не враг, а наш собственный полководец губил наших солдат! Ну как же было не дать Бродскому Нобелевскую премию! Одна эта мысль стоит того:

Что ж горевал?
Вспомнил ли их умирающий в штатской
Белой кровати? Полный провал…

Он уверен, что, конечно же, не вспоминал и не горевал.

Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?

Возвышенный поэт, кумир Басилашвили и Владимира Бондаренко, гражданина Израиля, отправил в ад и маршала Жукова и всех павших в Отечественной войне. Вот так однажды известный телевизионный гладиатор Леонид Гозман отправил туда же Сталина. А сам Бродский, надо полагать, блаженствует в раю и забронировал там лежаки для помянутых единомышленников – Басилашвили, Бондаренко, Гозмана…

Кончается стихотворение так же несуразно, как и начинается:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прохаря…

Стихотворец хотел уверить нас, что у него и у маршала Жукова одна судьба, ждет один и тот же конец – забвение. Конечно, «эти слова» Лета давно поглотила, никто не вспомнил бы их, если бы я случайно не натолкнулся на беседу Басилашвили со студентами и не захотел кое-что сказать о ней. А главное, как можно ставить в один ряд, словно что-то сопоставимое, «эти слова» и «прохаря»? Первое – работа автора, можно сказать, его человеческая суть, во всяком случае, нечто весьма существенное и характерное для него, а второе – так «по фене» уголовники называют сапоги (Словарь лагерного жаргона. М., 1992).
И какое отношение к человеческой сути маршала имеют его сапоги? Ну да, на Германской войне и в годы Гражданской он ходил в сапогах.
И что? А то, что как древними именами, так и блатным словечком стихотворцу хотелось создать впечатление широты своих познаний, пустить людям пыль в глаза.

* * *

Так вот, фигуры, подобные Бродскому и Гозману, с их самовлюбленностью и высокомерием, с пылью в глаза людям, с желанием святых защитников родины видеть в аду – они и были зачинателями той новой чудовищно эпохи, о которой говорил Басилашвили, но он, вместо того, чтобы встать на пути этих «новаторов», сожалеет, почему сам не такой. Да, прямо так и говорит: «Почему не я?». Почему он не Бродский, почему не он отправил маршала Жукова в ад?

Это и есть крах либерализма в искусстве. Такой же крах ждет ее в политике.

А нам от этих первопроходцев и их последователей в искусстве и в политике надо спасать молодежь!

Что за прелесть эта Наташа!

Был на Инвалидном рынке, купил там «Литературную газету» № 11 за 20 марта 2019 года. Пришел домой, развернул. Ба! На трех полосах с двумя портретами – не обойти, не объехать – беседа с Натальей Ивановой. Давненько я не встречал ее. Где она? Что она? Оказывается, все там же, в журнале «Знамя». Сколько себя помню, всегда там и была. Поди уже лет пятьдесят. Сколько главных редакторов пересидела… Но тогда, в молодые годы, работала, конечно, рядовой сотрудницей, а вот теперь при ельцинско-путинском благовонном расцвете России, она уже первый заместитель главного редактора. Первый! О-го-го! Ведь есть и второй заместитель, а может, и третий. Какую блестящую карьеру сделала. И всего-то за полвека!

Но дело не только в блестящей журнальной карьере. Редакция, уверенная, что после этого читатели так и кинутся к сей публикации, сочла нужным сообщить: Наталья Борисовна – доктор филологии, профессор кафедры теории литературы в МГУ, член Американской ассоциации содействия славяноведению, член еще какой-то, возможно, сомалийской Литературной академии, она и автор «множества статей и эссе», а также «множества книг, переведенных на разные языки мира», в том числе книги «Гибель богов», она лауреат множества премий, в том числе, конечно же, премии имени Иосифа Бродского.

Да ведь и это не все! Она к тому же разъезжает по всему свету и читает лекции о своих богах и их гибели: с Большой Садовой – в Польшу, из Польши в Японию, из Японии о Францию, из Франции в Китай, из Китая в Швейцарию, из Швейцарии в США, из США – на Берег слоновой кости… И везде Иванову ждут, конечно же, аплодисменты, цветы, тосты… Как видим, Наталья Иванова – это наша главная литературная дама. Я не знаю, кого можно поставить рядом с ней в северном полушарии.

Да сколько же ей годочков при такой резвости, плодовитости и прославленности? Я заглянул в интернет… О, скоро меня догонит! Это обещают и обе ее фотография в газете. А почему в скобках интернет указывает еще одну фамилию – Аронова? Оказывается, мадам Иванова была замужем за сыном известного когда-то талантливого писателя Анатолия Рыбакова, настоящая фамилия которого как раз Аронов и есть. Две фамилии. Прекрасно! С двумя удобней. А Рыбакова я помню. Как же! «Дети Арбата». Ледокол антисоветчины. Меня Анатолий Наумович очень хвалил и в глаза и заочно, однако, будучи председателем приемной комиссии, пустить меня в Союз писателей почему-то не хотел. Пришлось пробираться огородами….

* * *

А имя Наталья откуда взялось у Ивановой? Просто нравилось родителям имя и назвали? О, нет! В жизни таких людей ничего просто так не бывает. Она рассказывает, что родители очень любили Льва Толстого и его знаменитый роман «Война и мир», и потому, когда женились, решили детей называть именами героев великого романа, надо думать, в надежде, что дети будут такими же замечательными. Вот и нарекли они будущего доктора филологии и профессора МГУ Натальей – «в честь Наташи Ростовой», говорит профессор. Великолепно! Живи и радуйся тому, что ты вроде как подобие толстовской героини.

Да, есть родители, любящие называть детей именами литературных или исторических героев. Например, гоголевский Манилов и его супруга Лизанька назвали сыновей именами древнегреческих героев, старшего – Фемистоклом, младшего – Алкивиадом. И отец любил при гостях спросить: «Фемистоклюс, хочешь быть дипломатом?». И тот всегда отвечал: «Хочу». Ну, как и ныне: «Дима, хочешь быть премьером великой России?» – «Хочу!». И стал, и уже сколько лет…

И младшего сына Манилов спрашивал: «Алкид, какой лучший город во Франции?». Он отвечал: «Париж». А сейчас если спросишь такого Алкида, работающего на телевидении: «Где лучше всего прятать награбленное?», он ответит: «В Лондоне, у меня там и гражданство есть»

Возможно, и Иванову года в три-четыре родители тоже спрашивали: «Натуся, хочешь быть профессором?». И она, конечно же, отвечала: «Хочу, и не только профессором, но и главным редактором журнала «Знамя»».

А имя названной толстовской героини находится немало охотников приватизировать. Например, известный когда-то сочинитель Александр Солженицын. Ему при Путине даже отгрохали несколько памятников, на которых почему-то в дни полнолуния сами собой появляются вывески «Иуда». Так вот, по воспоминаниям его первой жены Натальи Решетовской, муж до того, как ушел к другой, часто твердил ей, что она, ни дать ни взять, истинная Наташа Ростова.

Читатель, вероятно, помнит, что толстовская героиня была столь живой, непосредственной девушкой, что иногда у нее вырывалось даже о себе самой: «Ну что за прелесть эта Наташа! Как можно не любить ее?». И действительно, ее все любили.

Возможно, товарищ Иванова, выйдя замуж за сына известного писателя, лауреата Сталинской премии и получив в ЗАГСе его фамилию, тоже воскликнула: «Ну что за прелесть эта Аронова!». Да ведь и мы, читая ее новейшую статью в «Литературке», готовы за непосредственность и откровенность автора воскликнуть то же самое.

Ну, хотя бы вот это признание: «На первую аспирантскую стипендию я купила 40-томное собрание сочинений Достоевского, издательства Маркса, только не того, а издателя». Как мало слов, но как много сказано в порыве душевной откровенности! Ее аспирантура – это 80-е годы. И вот – «на первую стипендию…». Сколько здесь пламенной любви к русской литературе!.. Но закрадывается сомнение: во-первых, могло ли хватить стипендии на все 40 уникальных букинистических томов почти столетней давности? Едва ли. Во-вторых, 40-томного собрания сочинений Достоевского никогда и не было. До революции и в Советское время издавали ПСС по 10, 13, 14, 15, 23 тома, самое большое 30-томное собрание вышло в издательстве «Наука» в 1972–1990 годы. А названное издание А.Ф. Маркса 1894–1895 годов с предисловием В. Розанова – бесплатное приложение к журналу «Нива», это не 40 томов, а только 12. Ну, на это стипендии, может, хватило бы.

Зачем же профессор Иванова приплюсовала еще аж 26 томов, т. е. преувеличила без малого – солженицынский размах! – в четыре раза? А чтобы показать нам, с одной стороны, свою помянутую любовь, с другой: смотрите, как до революции щедро издавали Достоевского, которого – это по умолчанию – не любил ваш Ленин. Наконец, сообщая читателям писательской газеты как новость для них, что кроме «того Маркса», был и Маркс-издатель, профессор Иванова делает последний мазок в своем автопортрете. И ведь как все это проделано легко и просто, почти изящно. Ну, прелесть что такое! Дальше статью можно бы и не читать, но все же, все же…

* * *

С аспирантурой связана еще одна ивановская победа. Мне, говорит, предложили для диссертации тему «Достоевский в американской критике». Странно. Я тоже побывал в аспирантуре, и никто мне ничего не предлагал. Я сам выбрал Макаренко, которого очень люблю. И написал диссертацию.

И Наталья Борисовна написала, представила к защите, но, говорит, «до защиты не дошло». Почему? Представьте себе, «из-за обострения холодной войны и моего упрямства». Откуда оно взялось? Тему предложенную безропотно взяла, писала без упрямства и вдруг!.. Тут что-то загадочное. Но как бы то ни было, а свою незащиту она сейчас зачислила в подвиги: «Не дала себя использовать в пропагандистских целях». Из этого можно понять, что диссертация имела антиамериканский характер, но автор спохватилась: не ко времени это! Тем более, что тогда Анатолий Рыбаков, все-таки свекор в прошлом, умыкнув у моего друга Е.В. молодую жену, укатил в Америку. Вдруг его там спросят: «Что вы скажете о своей бывшей невестке?».

А начинает беседу Наталья Борисовна с родителей: «Моя мама, выпустившаяся из ИМЛИ накануне войны вместе с Ржевской (тогда – Леной Коган), Павлом Коганом, Сергеем Наровчатовым, вспоминала

замечательные лекции Абрама Белкина и навсегда осталась «досоветской» по душевному влечению». (Сколько сразу одноцветных имен! Впрочем, Ржевская была не Коган, а Каган.)

И вот по этому дореволюционному, то есть несоветскому душевному влечению мама вышла замуж за папу, имевшего такое же влечение, и они родили дочь, и привили ей такое же несоветское влечение, которое с годами стало еще более.

Но позвольте, а причем здесь в самом начале статьи известный Абрам Белкин, который читал «замечательные лекции» неизвестно о чем? Можно понять Маяковского, который поддевал другого Абрама, хорошо ему известного:

В белом венчике из роз
Впереди Абрам Эфрос.

А тут? Зачем Иванова вдруг вспомнила о мамином Абраме? Для полноты картины? Мы поймем загадку, только дочитав статью до конца. Там автор ведет речь о другом Белкине, об Иване Петровиче, которого породил Пушкин. Помните «Повести Белкина»? И вот какое тут изящное идейно-художественное решение: статья как бы окольцована двумя однофамильцами, но – Абрамом и Иваном. Здесь во весь голос звучит тема дружбы народов и пролетарский интернационализм. Не так ли? Ну что за прелесть эта Иванова!..

Но минутку… Помянутый ею ИМЛИ – это Институт мировой литературы им. Горького, институт научно-исследовательский. Абрам Белкин не имел к нему никакого отношения, как и названные почитательницы его. Они накануне войны «выпустились» не из ИМЛИ, а из ИФЛИ, известного Института философии, литературы и истории. Кто-то может тут злорадно воскликнуть: «Эх, ты, черноногая!». Как, дескать, незадачливая гоголевская девчонка Пелагея не знала, где право, где лево, так и ты перепутала ИФЛИ с ИМЛИ… Но мы тут промолчим. Ничего не скажем о смелом речении «мои мама и папа выпустились из института».

* * *

Публикация озаглавлена «Вся эта критика. Все это критика». Вся… Все… И вот что говорит Иванова о главном предмете беседы, о всей: «Я считаю, что критика – тоже литература, как проза или поэзия». А кто не считает-то? Назовите. Я могу даже и добавить: «как и драматургия».

«Но(!) у критика сегодня есть еще искушение властью над умами читателей, над судьбой книги, если не писателя». Коли «но», значит, у прозы, поэзии и драматургии такой власти над умами и судьбами нет, одна только критика властвует над ними. Да! – подтверждает профессор:

«Критика пишет небу…». О!.. И небо выносит приговор. И кто посмеет возражать небу!..

Так обстоит дело с критикой, а о прозе вот что читаем: «Как завещал нам Пушкин, проза все-таки(!) требует мыслей». Наталья Борисовна, зачем по таким вопросам взывать к великим авторитетам: гений, мол, чуть ли не на смертном одре завещал?.. Да это и без Пушкина всегда всем было ясно, как ясно и то, что критика тоже все-таки требует неглупых мыслей.

И скорей всего не на смертной одре, а под шипенье пенистых бокалов Пушкин между делом и мимолетно напомнил об этом собутыльнику. А на очередном пиру он скажет собратьям совсем другое:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Для звуков! И ни слова о мыслях. Тоже завещание, которому надо следовать?

А вообще-то, говорит, картина-то грустная: «Писателей все больше, читателей все меньше…». Но – «для литературы мертвых нет!». Неужели? А жив ли, например, хотя бы когда-то ужас как известный Николай Шпанов (1896–1967) или… Да ведь числа нет литературным покойникам! Чехов очень боялся: «Вот умрет Толстой, и будет все дозволено…».

Мы работаем, говорит, в присутствии Толстого, Достоевского и Андрея Битова… Прекрасно! Но Андрей-то Битов работал в присутствии не только Толстого и Достоевского, но еще и в компании с Кондолизой Райс. Он на страницах «Литературной газеты» в день своего 75-летия повторял под ее диктовку: «Россия должна отдать Сибирь мировому сообществу», которое-де за это нас ужасно полюбит. А от себя, как живого классика, добавил, что Толстого у нас издавали строго выборочно, «Войну и мир», например, только-де Шолохову удалось один раз где-то издать, видимо, за свой счет. Я тогда живо откликнулся на эти умственные протуберанцы Битова статьей «Закусывать надо».

А если говорить вообще о литературе, то Иванова нас извещает: «Единого литературного процесса после 1917 года никогда не было». А до 17 года был? И в чем это выражалось? Нет ответа… Но продолжает: «Не было даже в советские унифицирующие (господи, словечко-то!) годы, когда были «советские писатели» и «писатели советского времени»».

Скажите, пожалуйста, разделила, обособила. Но никого по имени не называет. Что ж так? Да ведь не трудно догадаться, кого куда она сажает. Советские это, конечно, в доску унифицированные Горький, Маяковский, Алексей Толстой, Симонов, Твардовский, Смеляков, Бондарев… А кто «писатели советского времени»? Тут по умолчанию

имеются в виду прежде всего, конечно, Пастернак, Мандельштам, Ахматова… Они, дескать, никакого отношения к делам и событиям советской эпохи, к ее духу не имеют. Да, у них есть нечто невнятное, однако же Пастернак воспел не только мятежного лейтенанта Шмидта, но и самого Сталина; Мандельштам не только состряпал убогий пасквиль на Сталина, но, одумавшись, тоже воспел его, и Ахматова… Ни небо, ни кто другой не заставлял их писать эти вполне советские вещи.

*** * ***

Среди всех многочисленных литературных симпатий и страстей, богов и героев Ивановой особое место у нее занимает Солженицын. Она негодует по поводу того, что «националистическая критика не вписывает(!) Солженицына в положительный контекст». А надо, говорит, обязательно вписывать! Она вне себя из-за того, что эта критика «не включает Солженицына в список писателей – героев русского народа». А надо непременно включать! Кто же, как не он, Александр Исаевич, истинный герой? Он, например, высмеивал наши победы над Карлом XII под Полтавой и над Наполеоном. Да и о Второй Отечественной войне говорил, что если бы она завершилась победой немцев, ну и что? Сняли бы портрет с усами и повесили бы с усиками, да елку стали бы наряжать не на Новый год, а на Рождество – всего и делов! Героическое заявление!

А с какой страстью мечтал он об атомной бомбе на наши головы, с какой яростью грозил нам ею. Геракл двадцатого века! Ахилл! Илья Муромец!..

Ну, что за прелесть эта Наташа!..

«30 лет свободы»

(письмо писателю Макарову)

Писатель Макаров, вам сколько годков-то? Поди, уже за 70? Значит, лет 50 прожили при Советской власти. Носила мама вас в ясли, ходили вы в детский сад, поступили в школу, были пионером, комсомольцем, лечили геморрой, получили квартиру – и все это почти или совершенно бесплатно.

Что потом? Стали вдруг писать сочинения, печатали их огромными советскими тиражами, может, и фильмы по ним были, а за это – огромные гонорары, которые ныне считаются пережитком проклятого прошлого, кроме, конечно, таких как Улицкая и Радзинский.

Что еще? Удачно женился, пошли детки, потом внуки, и тоже получали бесплатно квартиры, лечили зубы, вырезали аппендиксы. И вот только лет в 50, после того, как пьяный орангутанг расстрелял парламент и укокошил сотни две сограждан, после того, как это воспел Окуджава, –

только после этого вы почувствовали, что пришла долгожданная свобода. И на страницах «Литературной газеты» сейчас вы объявляете: «30 лет свободы!».

Чего ж вы, писатель, пророк, такой подслеповатый? Неужели не видите буквально на соседней с вам странице ЛГ большую статью «Через голодовки и самосуд. Зарплату приходится выбивать и таким путем»? И тут же фотография отчаявшихся людей с плакатом в руках «Наши дети хотят есть!».

Вы за 50 лет советской жизни выдели что-нибудь подобное? А как ваши детки, внуки? Думаю, что они сыты, ибо 30 лет тому назад свободу до полоумия получили только Чубайсы, Жириновские, Собчачки и вы с ними. А русский народ, который вы защищаете от каких-то не названных по трусости врагов, и все другие народы России брошены в нищету, в рабство, в крепостное право.

Будьте здоровы, пророк, но не забывайте, что ваши соседи – это Чубайсы и Жириновские, которых ждет…

Впрочем, пророк должен ведать, что их ждет.

Демагоги с барабаном на животе

Борис Хавкин опять открыл Америку

Знаем мы
эти
жидовские штучки —
разные Америки
открывать и
закрывать…

Маяковский. Христофор Колумб, как пишут газеты,это испанский еврей Коломб

В наших нынешних бесконечных словопрениях о прошлом, настоящем и будущем, о тех и других персонах, в наших порицаниях и похвалах почти никогда не упоминаются две вещи – умственные данные персонажа и его национальность. А это самые важные константы человека. Особенно глухи в вопросе национальности члены КПРФ и ее пресса.

Странная стыдливость и умолчание в национальном вопросе распространились давно. А уж произнести слово «еврей» у нас все равно, что написать себе на лбу «антисемит». После выдачи

американцам государственной тайны давно залегший на дно Вадим Бакатин чистосердечно признавался, что всегда стесняется, не смеет спросить человека о его национальности. Словно это неприличная болезнь. А ведь он был секретарем обкома партии, потом министром МВД.

Но национального вопроса не чурались все классики марксизма, начиная с основоположника. А почитайте статью Ленина «Как чуть не погасла «Искра». Она о том, как они с Плехановым в 1900 году в Швейцарии обсуждали вопрос, принимать ли в РСДРП бундовцев. Женатый на еврейке Плеханов был решительно против: «Вы молоды, вы их не знаете. Это эксплуататоры, шовинисты!..».

Да, Ленин тогда был молод. Но пройдет тринадцать лет, и у него вырвется: «Мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». И Сталин в статье о Лондонском съезде партии не постеснялся сказать, что большевики – в основном русские, потом евреи, грузины, а меньшевики – в основном евреи, потом грузины, русские. Тогда за это еще не обвиняли в антисемитизме.

А что до ума, то даже когда человек с державного лобного места порет несусветную чушь, вроде той, например, что Ленин развалил Советский Союз, или что Сталин истребил крестьянство, или что в Советском Союзе для внешней торговли не было ничего, кроме галош, – даже в этих комических случаях никто не скажет вслух: «Парень совсем сбрендил». Мало того, Ирина Яровая, Никита Михалков или Жириновский с замиранием сердца могут прошептать: «Ваше превосходительство, извините за дерзость, но это та именно суровая правда, без которой невозможно жить. Спасибо!».

Граждан любого государства больше всего должен интересовать ум его руководителей, в первую очередь – самого главы государства. В. Путин вот уже больше двадцати лет на вершине власти, да еще лет пять был совсем рядом с ней, и только недавно мне довелось услышать публично высказанные суждения о его уме двух известных людей. Живущий в Ленинграде коммунист Юрий Белов, известный историк, политолог и литературный критик на страницах «Правды» писал: «Путин умен. Очень умен!». А беглый коммунист и антисоветчик Михаил Полторанин, ельцинский вице-премьер и сподвижник, в недавнем интервью решительно заявил, что Путин глуп. Ну, мы пока оставим без рассмотрения этот интересный диссонанс, а подумаем о природе стыда и совести, о возможности воззвать к ним как к аргументам.

* * *

Когда-то человека, совершившего какой-то недостойный, стыдный поступок, могли упрекать и упрекали: «Как ты мог это сделать? Ты же советский человек!». Или: «Ты же член партии!». Или: «Как ты посмотришь в глаза товарищам по работе!». Да, так было, это не

выдумка. Но можно ли ныне представить упреки вроде бы такого же рода: «Как ты мог! Ты же гражданин новой России, великой либеральной державы!». Или: «Ты же член партии «Единая Россия»!». Или: «Как ты посмотришь теперь в глаза Чубайсу и Рабиновичу, товарищам по разбою?!». Известно, что во время войны некоторые беспартийные солдаты перед боем писали заявления: «Прошу считать меня членом партии Ленина-Сталина» (или просто – коммунистом). И шли в бой, и не всегда возвращались. И их считали коммунистами… Мыслимо ли вообразить, чтобы сейчас в подобной ситуации кто-то написал бы: «Прошу считать меня членом партии Медведева-Володина»? (К слову сказать, ВЦИОМ сообщил, что ее рейтинг скатился до 28 %.)

Однако, несмотря на крайне обедневшие возможности будить стыд, взывать к совести, и сейчас в иных случаях можно все-таки воззвать к чему-то для многих дорогому и незабытому, – например, к национальности человека: «Как ты мог? Ты же русский человек!». Или: «Ты же татарин!», «Ты же еврей!»…

Говорят, что когда в 1931 году Мандельштам прочитал Пастернаку свой гнусный стишок о Сталине, Борис Леонидович именно так воскликнул: «Как он мог! Он же еврей!». А в интернете можно прочитать вот что: «Мандельштам прочел Пастернаку про «кремлевского горца». Выслушав, тот сказал: «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, который я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому»».

Надо полагать, если Пастернак действительно воскликнул «Он же еврей!», то имел в виду при этом то обстоятельство, что ведь после революции от Советской власти евреи получили больше других: была при царизме «черта оседлости» – если бы ее не уничтожила Февральская революция, то, несомненно, это сделала бы советская власть; была для евреев процентная норма при поступлении в гимназии и вузы, что как раз испытал на себе Боря Пастернак, – советская власть ликвидировала ее; при царе даже таким знаменитым евреям как художник Левитан приходилось нелегально жить в Москве – при Сталине смешно было и подумать о чем-то подобном; наконец Мандельштам, как и другие образованные евреи, мог знать ответ Сталина на запрос Еврейского телеграфного агентства в Америке об антисемитизме. Он тогда напомнил, как сурово карает антисемитизм советский закон. Ответ был дан еще в 1931 году.

И вот при всем этом человек пишет и охотно читает собратьям по перу оскорбительный стишок о человеке, олицетворяющем советскую власть. Вполне естественно изумление и возмущение Пастернака, для которого Сталин был «ростом с шар земной». Да ведь и сам Мандельштам потом понял, какую непотребщину придумал, если через несколько лет сочинил оду Сталину.

А упомянутый в заголовке этой статьи Хавкин Борис Львович решил превзойти несчастного Мандельштама с его забытой выходкой. Узнав о его деянии, я заглянул в интернет. Оказывается, он доктор наук, профессор Академии военных наук и Историко-архивного института, а также сотрудник Института всеобщей истории Академии наук. Одного места службы ему мало, в трех каретах по науке едет. На экране мелькнули слова: «Хавкин…. Солженицын… мерзавцы…».

Но что же предпринял тот, кого там именуют? На радио «Эхо Москвы» в передаче из цикла «Цена победы» ведущий спросил Хавкина как специалиста по истории Германии XX века, чем объяснить, что немцы яростно сопротивлялись даже и тогда, когда всем было очевидно, что вот-вот полный разгром, конец гитлеровской Германии, капут.

Его, ведущего по имени Владимир Рыжков, вроде бы русского человека, не интересует, как так, что многие крупные политики и военные специалисты того времени, в том числе военный министр США Генри Стимсон и сам Гитлер, его генералы были уверены, что Советский Союз будет разбит и повержен в два-три месяца, и действительно, дела наши были очень плохи, немцы дошли до Москвы, потом – до Волги… Казалось бы, надо просить мира, сдаваться, а советский народ, его армия, обливаясь потом и кровью, все стояли и стояли, а когда всем стало очевидно, что вот-вот конец, Красная Армия перешла в наступление и гнала оккупантов до самого Берлина. Это ж чудо! Но советско-русские чудеса хавкиных-рыжковых не интересуют, их жжет любопытство: почему немцы до самого Рейхстага так яростно сопротивлялись?

Впрочем, сопротивлялись-то далеко не все даже среди тех, кому это решительно полагалось по должности и званию. Иные, предчувствуя развязку и зная свою персональную ответственность за все, что немцы натворили, предпочли не просто дезертировать, а вообще исчезнуть, т. е. дезертировать на тот свет.

Кажется, первым еще 15 ноября 1941 года, видя, что блиц-криг не состоялся, и понимая, что впереди – неминуемое поражение, застрелился генерал-полковник Эрнст Удет. Вполне возможно, что последней каплей, переполнившей чашу смертельного ужаса генерала перед будущим, были слова Сталина, сказанные за девять дней до этого в докладе о 24-й годовщине Октябрьской революции: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что ж, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат». И эти слова были встречены бурными аплодисментами участниками торжественного заседания. А ведь они прозвучали в подземелье, на станции метро «Маяковская». Казалось бы, вот куда загнали… Но какая сила, уверенность, спокойствие в его словах! А на другой день – этот кошмарный парад на Красной площади… Генерал Удет не мог вынести…

То была первая похоронная ласточка. Вторая прилетела только в июле 1944 года, когда под ударами маршала Рокоссовского вдребезги рушилась оборона немцев в Белоруссии: застрелился генерал-полковник Бек. 18 августа этого же года – генерал-фельдмаршал Клюге. 28 сентября 1944-го между генералами затесался Йозеф Бюркель, рейхскомиссар Австрии. 14 октября – знаменитый и непобедимый генерал-фельдмаршал Роммель. Но ведь Красная Армия была еще далеко от Берлина. А уж когда приблизилась, 21 апреля 1945 года присоединился к большинству генерал-фельдмаршал Вальтер Модель. Когда на всю Европу запахло жареным, тут уж посыпались, как горох: 30 апреля вместе со своей несчастной Евой – сам Гитлер, 2 мая – Геббельс с женой Магдой, и прихватили с собой, изверги, шестерых детей, 21 мая – Гиммлер. В те же майские дни – чехословацкий гауляйтер Конрад Генлейн, главком флота адмирал Фрейдебург, министр культуры Бернхард Руст, начальник имперской канцелярии Филипп Бюлер, начальник всех лагерей смерти Одило Глобочник… 15 октября 1946 года их догнал Геринг…

Это и был истребительный вихрь среди гитлеровской верхушки. А об истребительной войне в широком смысле Сталин тогда, в ноябре 1941 года, сказал, конечно, только для острастки и в ответ на людоедские заявления гитлеровцев. Подлинную нашу позицию он высказал позже: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, германское государство остаются». Этим и определялись как наша политика в отношении Германии, так и пребывание Красной Армии на ее территории.

* * *

Ученый Хавкин об этих самоубийствах, вызванных страхом за чудовищные преступления в СССР и других странах, – ни слова. Неужели не знает? А ведь он – «специалист по истории нацизма». Или среди названных не было ни одного нациста? Его это не интересует. Он говорит:

«Тут я скажу неполиткорректную вещь. Дело в том, что когда война шла на территории СССР, она была для советских народов Отечественной и справедливой. А когда война пришла в рейх, и Красная Армия далеко не гуманными средствами боролась в том числе с мирным населением, то каждый немецкий солдат защищал свой дом».

Вот как! До чего ж деревянный склад ума, как дровяной склад… Тут не о корректности и некорректности говорить полагается, а о скудоумии и подлости. Суть дела, видите ли, в территории, а все, что было до этого, не имеет никакого значения. Вот, допустим, бандит ограбил и убил человека, которому раньше клялся в дружбе. (А Гитлер клялся нам в двух договорах, да еще каких; в декабре 1939 года прислал любезнейшее поздравление Сталину по случаю его шестидесятилетия.) За бандитом смелые люди кинулись в погоню. Он, отстреливаясь,

побежал в свой хорошо укрепленный дом и, как только переступил порог, тотчас в глазах ученого мудреца Хавкина из бандюги превратился в жертву. Он отстаивает с оружием в руках свою жизнь и свободу, а его хотят поймать и за что-то наказать. Да где же справедливость?! – вопиет Хавкин. И вот такую науку своими хавкинскими устами он проповедует во всех трех институтах, где ему дают пищу.

А ведущий Владимир Рыжков, коллега по деревянному складу, подводит итог: «Теперь война и для них стала Отечественной!». Фашисты начали Отечественную войну… Геббельс, мол, просто не успел объявить об этом, некогда было, искал яд послаще для отравления своих детишек. Вот Рыжков и объявил то, что не успел чадолюбивый доктор Йозеф. Странно, что это детоубийство Рыжков не использовал для доказательства решимости и героизма фашистов в борьбе против Красной Армии. Ну, это в другой раз.

Тогда, надо думать, Рыжков объяснит нам и то, почему в Германии, когда мы, душегубы, туда пришли, не возникло партизанское движение. Какая же Отечественная без партизан? Где их Денис Давыдов и старостиха Василиса Кожина из нашей Первой Отечественной? Где из нашей Второй Отечественной Сидор Ковпак, дважды Герой Советского Союза, и тоже дважды Герой Алексей Федоров? Где Петр Вершигора, опять же Герой, и Кирилл Орловский, Герои и Союза, и Труда? А всего 249 партизан стали Героями. А сколько Фрицев и Гансов получили Железные кресты на таком поприще?

Рыжков родом из алтайского города Рубцовска, многократный депутат Думы, вельмигласный оратор, без борьбы за правду-матку не может прожить дня. Теперь его в Думе, слава Богу, давно нет, воздух там стал все-таки чуть-чуть почище. Но вернуться в любимый Рубцовск бывший депутат, кажется, почему-то не захотел, его нередко можно видеть на бесчисленных московских телеговорушках. Последний раз, когда я его видел на экране, он поведал леденящую кровь историю какого-то своего знакомого. Тот очень хорошо, говорит, учился в школе, но поехал в Москву поступать в университет, и его не приняли. Рыжков возмущен, негодует, спрашивает: как так? Тот отвечает: «Сказали, что прием окончен, но я-то понимаю… еврей…». Это его бескорыстная версия. Ведь правда же, что он еврей! Как можно не верить? А почему не поверить, что в самом деле опоздал? Заурядное дело: ведь Рубцовск не Мытищи. «Не могу, не хочу, наконец, не желаю…»

О, сколько таких жутких, даже с летальным исходом историй мы наслушались в свое время хотя бы от критика Бенедикта Сарнова! И каждая – даже без имен и жертвы, и убийцы, а только – «одна моя знакомая», «один мой приятель» и т. д. То же самое и у Рыжкова… Так что же, так и сказали несчастному отличнику, как когда-то отцу Бори Пастернака: «Увы, не можем принять, норма уже выполнена. Приходите в следующем году»? И чем же дело-то кончилось – поехал он на другой год, поступил в конце концов или сейчас работает дворником?

Неизвестно. Рыжкову важно было только тот ужасный антисемитский эпизод поведать. Заклеймить советские порядки, которые ему мерещатся.

* * *

Позволю себе пару штришков из семейной биографии. Я поступал в Литературный институт летом 1946 года. Фронтовик, орденоносец, член партии, немало публикаций…. Уж чего больше! И что? Не приняли: «Конкурс не прошел». А в приемной комиссии были и евреи, и не один-два. Да к тому же, как я знал, помянутый выше Б. Сарнов был принят со школьной скамьи, и без единой публикации. И были у меня веские основания думать, что до конкурса мои публикации и рукописи даже не дошли. Вот мне и возопить бы: «Не приняли как русского!»… Но я отправил рукопись директору института Федору Васильевичу Гладкову (царство ему небесное!), который меня и не знал. Дней через десять телеграмма: «Вы допущены до приемных экзаменов»… А в 1987 году не приняли в МГУ мою нееврейскую дочь. Что делать? Пошла работать. Через год – опять в МГУ. Ну, приняли… Так почему бы, тираноборец Рыжков, и вашему другу не пойти поработать годик? Ах, вы привыкли непременно сейчас и все сразу, а любая заминка для вас – уже антисемитизм! Читали, видели, слышали… Знаем мы эти рыжковские штучки…

Самое поразительное в этих жутких историях то, что взрослые люди, профессора, депутаты, вольнодумцы, вольтерянцы надеются, что им кто-то, кроме полоумных, поверит. Будто никто не знает, что самый высокий процент людей с высшим образованием – у евреев, среди кандидатов наук, докторов, профессоров – тоже; что в редакциях газет, на телевидении, среди режиссеров, юмористов и пацифистов… Перечислить, что ли?..

Прочитав Рыжкова-Хавкина, я, конечно, чертыхнулся, сплюнул и перекрестился: «Чур меня!». А потом прочитал вслух жене. Она чуть не зашлась в хохоте! И это, конечно, самая естественная реакция нормального человека на такой вздор: наша Отечественная превратилась в захватническую, а их захватническая стала Отечественной. Как в цирке…Расхохотался и я. И даже как человек, которому по профессии все интересно, порадовался: ведь какую редкость довелось увидеть! Ну, где еще, кроме путинского питомника, могут водиться такие человекообразные?..

В свое время академик Д. Лихачев, которому мы во многом обязаны избранием Горбачева президентом, предваряя профессора Хавкина, говорил, что войну нам следовало закончить изгнанием немцев с нашей земли, а дальше идти не было, мол, никакой необходимости. И при этом ссылался на «Войну и мир» Толстого: он, дескать, не стал же описывать наш поход во Францию, наше пребывание в Париже, вот и нам надо было в 1944-м году встать на границе – и все. Это было поразительно!

Писательский замысел, художественное произведение, литературный сюжет академик уподобил, вернее, представил примером, образцом для реальной исторической действительности, да еще другой эпохи… Толстому просто не было нужды продолжать повествование, он исчерпал сюжет, а у нас была насущная необходимость завершить разгром фашизма. Гитлеровская Германия, конечно же, зализала бы раны и снова ринулась на нас. Тем более, как стало потом известно, немцы были близки к обретению атомного оружия и уже пугали нас своим Wunder-Waffen. А Черчилль готовил операцию «Немыслимое» – удар по Красной Армии в Германии силами англичан, американцев и пришедших в себя немцев. Словом, было вполне вероятно новое нападение на нас недавних союзников и старых врагов. Нет, медлить, тем более останавливаться на границе, зачехлять пушки нам было никак нельзя, надо было изо всех сил спешить к Берлину, к Рейхстагу, к канцелярии Гитлера. И слава Богу, мы не опоздали. Хотя хавкины и рыжковы и тогда под ногами мешались.

* * *

Что касается «далеко не гуманных средств борьбы Красной Армии с мирным населением Германии», которые профессор Хавкин, родившийся через десять лет после войны и в армии не служивший, разглядел, поди, сразу, как только к радости Рыжкова явился на Божий свет, то вот что я записал в своем фронтовом дневнике в 1945 году, находясь в составе 50 армии Третьего Белорусского фронта в Восточной Пруссии:

«12 февраля. Хайльсберг.

Это самый крупный из всех городов В.Пруссии, что мы прошло. Бой за него был упорнейший…

Эренбург пишет: «Только бы не расслабиться, только бы не забыть!». А по-моему, уже смягчились. Мы же не убиваем стариков, детей, женщин. Если такие факты и есть, они единичны. За все время я видел только один раз труп ребенка, неизвестно как погибшего. И раза 3–4 стариков. А ведь пятилетний ребенок, как напоминает Эренбург, через 15 лет может быть солдатом. Нет, нет, убивать нельзя!

Случаи насилия тоже широкого распространения не имеют.

22 февраля. Лоттенбрух.

Бой с невероятной силой гремел весь день. Сейчас смолк. У нас особенно активно работают артиллерия и авиация. Такое впечатление, что самолеты ходят сотнями. Капитан Завязкин говорил, что немцы подбросили несколько танковых дивизий, чтобы успеть вывезти драгоценности.

Все хутора здесь побиты. На хуторе метрах в сорока от нас приютились беглые немцы: две старухи, старик, женщина средних лет и шесть ее

детей. Я довольно легко с ними говорю. Жаль детей. Старший Франц, ему десять лет. Они мне вчера сказали, что у них нечего есть. Ночью я принес им хлеба… Валуев всех их рассмешил, развеселил. Они перестали его бояться» («Я жил во времена Советов». 2014. С. 79–79).

Ах, как жаль, Борис Львович, что вас там не было с нами. Может, тоже от своих академических заработков хлебушком поделились бы с голодными немецкими детишками. А уж развеселили бы их, как сержант Валуев, наверняка! Чем? Да тем же самым, чем мою жену и меня, – рассказом о гитлеровской Отечественной войне, закончившейся подписанием безоговорочной капитуляции. Или вы и капитуляцию считаете сталинской пропагандой?

А напоследок хочу спросить, что, по-вашему, как евреи еврею, сказали бы вам знаменитый комбат Цезарь Куников, герой Малой земли и Советского Союза, погибший в 1943-м году, и мой одноклассник Леня Гиндин, в девятнадцать лет безвестно погибший в 1942-м, что сказали бы они, если воскресли и узнали, что вы хотите перезахоронить их в одной братской могиле с гитлеровцами как павших в Отечественных войнах?

И самое последнее: не опасаетесь ли вы, что ни на Востряковском, ни на каком другом еврейском кладбище Москвы в надлежащий час вам за ваши деяния не найдется места?

Сталин и Соломон

Прочитав восторженное предисловие Владимира Теодоровича Спивакова к сочинениям заморского обитателя Соломона Волкова «Шостакович и Сталин», я, отложив все, углубился в чтение. Правда, сразу бросилось в глаза обилие безымянных персонажей и источников разного рода изрядных странностей: «Один из приятелей Эйзенштейна», «один профессор в США», «один певец Большого театра», «одна пожилая ленинградка», «один чиновник» и т. д. Это напомнило мне несправедливо забытый «Архипелаг» Солженицына. Там то же самое: «один узбек», «две комсомолки», «одноглазый сторож», «хитрый плотник» и т. д. без конца. Разумеется, это сильно подрывает доверие к тем гадостям, которые обычно следуют за такими адресами.

Но, тем не менее, перед моим изумленным взором засверкали перлы и диаманты ума, эрудиции, тонкого вкуса. Передо мной открылись новые горизонты там, где этого меньше всего ожидал, я увидел то, что должен был знать, но, к стыду своему, не знал, не ведал и не подозревал.

Даже не знаю, с чего начать перечисление радостных открытий… Ну что ж, по своей советской замшелости начну с классиков марксизма, с самого Ленина. «Это был человечек неказистый и простецкий». Таким, говорит, впервые увидел его Сталин. «Есть все основания полагать, –

уверяет нас проницательный друг Спивакова, – что именно тогда Сталин понял, что он, тоже маленький, невзрачный человечек, может стать великом вождем». И вот что еще пишет Волков о Сталине: «На меня из полумрака выдвинулся человек, похожий на краба. Человек-карлик, похожий на двенадцатилетнего мальчика, но с большим старообразным лицом». Волков говорит, что именно так описывал Сталина поэт Пастернак. Вот оно что! Выходит, как лицемерил поэт, когда писал о нем же:

А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек – деянье,
Поступок ростом с шар земной.

Каков масштаб лицемерия! Карлик, краб и – земной шар! Горько узнать это…

А какие льстивые письма он писал Сталину! Помните? «Я повинуюсь чему-то тайному, что, помимо всем понятного и всеми разделяемого, привязывает меня к Вам… Я давно мечтал поднести Вам какой-нибудь скромный плод моих трудов, но все это так бездарно, что мечте, видно, никогда не осуществиться…» Лучше не знать бы и это.

Ведь и о Ленине писал возвышенно:

Он управлял теченьем мыслей,
и только потому – страной.

Между прочим, во время не столь давней встречи президента В. Путина с учеными в институте им И. Курчатова директор института академик М. Ковальчук в ходе беседы по какому-то поводу вспомнил именно эти строки о Ленине, а Путин отверг, даже высмеял их. И что же академик? А он виновато улыбался. Можно ли представить себе было с такой улыбкой на устах, допустим, советского академика Алферова?..

А Соломон неутомим и поведал нам много нового. Я знал, допустим, что Сталин встречался, беседовал, переписывался или разговаривал по телефону со многими писателями – с Горьким, Демьяном Бедным, Шолоховым, Булгаковым, Афиногеновым, Фадеевым, Симоновым, Эренбургом, Вандой Василевской, даже с забытым ныне Биль-Белоцерковским… Из иностранных – с Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу, Роменом Ролланом, Фейхтвангером, Андре Жидом и другими. И все это опубликовано, и все многократно описано. Но Соломон Мудрый уверяет, что Сталин не по телефону разговаривал, а в облике краба встречался накоротке еще и с Маяковским, и с Есениным, и с Пастернаком. Вот новость!

А с какой целью? Оказывается, уговаривал заняться переводом грузинских поэтов, видно, хорошие гонорары сулил. Но удалось уговорить только Пастернака – и не грузин переводить, а англичан в лице Шекспира, и не стихи, а «Гамлета». А Маяковский? Великий знаток темы Б. Сарнов в книге «Сталин и писатели» пишет: «У Маяковского никаких личных контактов, не говоря уж о личных отношениях, со Сталиным не было». Выходит, врет Сарнов? Конечно. Как и дальше: «Можно предположить (очень они горазды с Соломоном на всякого рода предположения. – *В.Б.*) о надеждах, которые Сталин возлагал на Маяковского». Каких надеждах? Да известное дело, чтобы он воспел его. Мало ему было од и псалмов Пастернака, Ахматовой, Мандельштама и Джамбула.

Но странное дело: Маяковский упомянул Сталина в своих стихах всего два раза. И больше – ни строчки о Сталине. Вот упрямец! Это дает все основания полагать, что поэт не застрелился, а убили его по приказу Сталина. Не так ли?..

*** * ***

Уважаемый Владимир Теодорович, не могу продолжать в шутовском притворно-восторженном духе. Пора сказать прямо: книга Соломона Волкова даже для нашей лживой эпохи – редчайший образец невежества, бездарности и злобной клеветы на Шостаковича, на советское время, на советскую литературу и музыку. И в книге его все, чем я притворно восхищался, чушь и вздор, – от «краба» до встреч Сталина с Маяковским, Есениным и Пастернаком. Ничего этого не было.

Впрочем, Ваш друг лжет не только о советском времени. Так, знаменитые стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» он именует «националистическими опусами». И Вы согласны с ним: на клевету о твоей родине непозволительно дать отпор клеветникам, а отметить годовщину великой битвы – это национализм?.. Вы за то, чтобы запретить празднование?

Особенно возмущают Вашего обличителя такие строки:

Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От *минских* хладных скал до пламенной Колхиды…

Да, именно так и пишет этот заатлантический пушкинист: не «от финских», а «от минских скал».

Но что читаем дальше! «По распоряжению Сталина в годы войны приведенная строфа широко перепечатывалась, но, разумеется, без

упоминания о царе» (с.75). Строфа перепечатывалась! И без царя, однако с «минскими скалами»? Да неужели Вы верите в это? Неужели сам Сталин приказывал: «Напечатать строфу, но без Николая Палкина!». Да каким же образом у нас фильмы-то ставились, книги-то издавались о князьях и царях – об Александре Невском, Иване Грозном, Петре Первом? Или при этом царей именовали бригадирами стахановских бригад? Как же у нас берегли их памятники?..

Неудивительно, что при таком взгляде на патриотизм Волков ухитрился в «Борисе Годунове» разглядеть «сочувствие Пушкина к самозванцу». Да что там сочувствие! Поэт «просто любуется» ставленником Польши. Ну, как, допустим, Солженицын любуется генералом Власовым, ставленником фашистской Германии. Более того, «самозванцу Пушкин дает выразить некоторые из своих заветных мыслей: «Я верую в пророчество пиитов»». Да это мысль-то и не Пушкина вовсе. Так издревле, еще во времена Гесиода, кое-кто думал. Однако же какое единение душ великого национального поэта и безродного авантюриста, врага России, сконструировал Ваш умник. И не может налюбоваться на плод ума своего.

И вообще, что касается Пушкина, то над ним в советское время, уверяет Волков, просто глумились: в 1937 году из столетия со дня его смерти устроили не что иное, как настоящую «вакханалию» (с.79). О, я помню эту вакханалию: по радио и с эстрады Владимир Яхонтов, Эммануил Каминка, Дмитрий Журавлев читали именно его «Вакхическую песню»:

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!..

Сплошная вакханалия!

Андрей Платонов, уверяет литературный террорист, ухитрился в эти ужасные дни напечатать хорошую статью о Пушкине, но – под псевдонимом. Почему так? А потому, что еще в самом начале 30-х годов после резкой надписи Сталина на журнальной публикации его рассказа «Впрок» Платонова-де «выбросили из литературной жизни». Да как же узнали о надписи Сталина, сделанной в тиши кабинета на собственном экземпляре журнала? Разве он тотчас и опубликовал свои маргиналии, то бишь заметки на полях? Владимир Теодорович, Вы же должны понимать, что надпись стала известна только после смерти Сталина, а Платонов умер раньше.

Да, у писателя были немалые трудности в жизни и в творчестве, но все тридцатые годы он активно работал и напечатал немало прекрасных вещей. Вспомните хотя бы «Такыр» (1934), «Третий сын» (1935), «Фро» (1936), «Река Потудань» (1937), «На заре туманной юности» (1938), «Родина электричества» (1939)… А сколько было у него именно тогда критических статей! О Горьком, Николае Островском, Юрии Крымове, о

Чапеке, Олдингтоне, Хемингуэе… А пьесы для Центрального детского театра!

Статья Платонова «Пушкин – наш товарищ», которую имеет в виду Волков, была напечатана в журнале «Литературный критик» № 1 за 1937 год, и вовсе не под псевдонимом. В том же «ЛК» вскоре появилась его статья «Пушкин и Горький». В журнале «Красная новь» № 10’37 против обеих статей выступил известный тогда критик Абрам Гурвич. 20 декабря в «Литературной газете» Платонов ответил ему вовсе не как человек, живущий в страхе: «Критический метод Гурвича крайне вульгарен и пошл…». Так вот, ответ А. Гурвича тоже в «ЛГ» так и был озаглавлен: «Ответ тов. Платонову». Где же псевдоним?

****

Сочинение Вашего любимого прохиндея изобилует нечистоплотными выдумками и о других писателях. Так, он хочет уверить нас, что в двадцатые годы стихи Пастернака были запрещены. Владимир Теодорович, сообщите этому куму хотя бы списочек основных изданий поэта именно в ту пору: «Сестра моя – жизнь» (1922), «Темы и вариации» (1923), «Избранное» (1926), «Девятьсот пятый год» (1927), «Поверх барьеров» (1929)…

Еще, говорит, тогда были запрещены и стихи Николая Заболоцкого. И у этого писателя судьба была не простая. Но у него в ту пору и запрещать-то было нечего, кроме разве что несколько рассказов для детей, напечатанных в журнале «Еж». Неужто злодеи их и запретили? А первая знаменитая книга поэта «Столбцы» вышла в самом конце тех лет – в 1929 году. Вокруг нее бурно кипели страсти, но никто ее не запрещал.

Нет конца измышлениям и фантазиям этого типа о нашей литературе. Дело доходит вот до чего. Иосиф Бродский, говорит, уверял меня, что Достоевскому, как его герою Раскольникову, «вполне могла придти мысль об убийстве ради денег». А мне кажется, что Бродскому вполне могла придти мысль об убийстве Волкова просто ради того, чтобы он замолчал.

Но Соломон этого не понимает и гонит облезлого зайца своего домысла дальше: «Схожие идеи об убийстве ради денег обуревали молодого Шостаковича». Вы только подумайте, великий композитор, а вот вам, пожалуйста… И как это доказывается? Очень убедительно. В одном из писем, говорит, у него прорвалось уж совсем «достоевское»: «Хорошо было бы, если бы все мои кредиторы вдруг умерли. Да надежды на это маловато. Живуч народ». Да, «заимодавцев жадный рой» ужасно живуч…

Владимир Теодорович, неужели Вы и теперь не понимаете, что за создание Божье Ваш друг, и какую книгу Вы осенили своим славным именем?

Провозвестник

Исполнилось сто лет со дня рождения Бориса Слуцкого. «Литературная газета» почтила память талантливого поэта широко: на первой полосе его портрет и стихи, а дальше еще три восторженных статьи с фотографиями. Илья Кириллов в статье «Земля и небо» пишет: «Слуцкий не гениален, однако талантлив», и «гордая фигура Слуцкого возвышается над многими!». Конечно, возвышается… Постоянный мемуарист «Литгазеты» Сергей Мнацаканян в таком же возвышенном духе пишет о том, к сожалению, что ему неведомо, в том числе о самых важных и простых вещах жизни. Например, уверенно заявляет: «С фронта вернулись немногие. Слуцкий выжил». Как, дескать, один из немногих. Для старого, но не слепого же, не глухого же человека из Союза писателей это заявление поразительно!.. С фронта вернулись миллионы. Точнее, миллионов 10–12. Неужели он не видел их возвращение?

Мемуарист вынуждает пояснить и такие строки: «Во время(!) войны Слуцкий был добровольцем, рядовым, а закончил вону майором». Как лихо, добровольцем из рядовых без военного образования в майоры! Да, много было добровольцев, формировались целые дивизии добровольческие, но не всегда были добровольцами те, кого ныне называют. Вот еще пишут, что Виктор Астафьев, Окуджава были добровольцами. На самом деле обоих мобилизовали осенью 1942 года, когда им шел девятнадцатый год, а призывной возраст – 18 лет. И это не бросает никакую тень на их фронтовые биографии.

А в данном случае, во-первых, по своему возрасту Слуцкий подлежал мобилизации в самом начале войны. Во-вторых, да, он попал в армию рядовым, но у него же было высшее гуманитарное образование, и его довольно скоро направили в политотдел дивизии, где назначили инструктором. А с апреля 1943 года он уже старший инструктор политотдела армии. На этой должности полагалось звание майора, он его и получил.

Понятно желание сдуть все пылинки с любимого образа, но все-таки не стоило уверять нас в том, что Слуцкий в свое время резко осудил Пастернака в связи с романом «Доктор Живаго» и его Нобелевской премией, но «потом страдал всю жизнь, расплачиваясь за это выступление». То же самое сын С.С. Смирнова говорит о своем отце, который тоже резко осудил Пастернака. Но эта история – 1958 год, после чего Смирнов прожил почти двадцать лет, а Слуцкий почти тридцать. И никаких свидетельств их страданий и раскаяний, ни устных, ни письменных, не осталось. К тому же одним из мотивов выступления Слуцкого автор странным образом назвал то, что для него «поэтика Пастернака была неприемлема». Едва ли она стала для него приемлема и через тридцать лет…

Но что погоны майора и образ страдающего грешника по сравнению с тем, что Мнацаканян пишет о Слуцком дальше: «Живой классик… великий поэт». Мало того: «Он говорил от имени России».

От имени России говорил Пушкин в стихотворении «Клеветники России» и не только; от имени России говорил Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» и не только; от имени России говорил Толстой в «Войне и мире» и не только… Тут был и Слуцкий?..

* * *

Под статьей фотография: Виктор Фогельсон, Борис Слуцкий, Владимир Корнилов. Случайно, что все трое соплеменники? Нет, вполне закономерно: тема своей национальности занимала важное место в творчестве Бориса Абрамовича. И. Кириллов сейчас вспомнил в «Литгазете» одно его стихотворение на столь животрепещущую для обоих тему и привел второе из вот этих четверостиший:

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют…

Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Несу в себе, как заразу,
Особую эту расу.

Текст дает возможность по-разному толковать его, но уж никак не возможно одно: считать, что автор сказал это от имени России.

Дальше, видимо, в подтверждение его талантливости критик уверяет: «У Слуцкого есть стихи «на все случаи жизни»». Ну, в самом деле, «начнешь размышлять о Сталине, и невольно всплывет в памяти стихотворение Слуцкого «Бог ехал в пяти машинах». Да, у Кириллова закономерно всплывает именно эта литературная вонючка, но очень у многих в таком случае всплывает о Сталине совсем другое. У одних, например, это:

И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни придавить, не убавить —
Так это было на земле.

У других это:

Товарищ Сталин! Слышишь ли ты нас?
Ты слышишь нас, мы это твердо знаем!
Не мать, не сына, в этот грозный час —
Тебя мы самым первым вспоминаем…

У третьих это:

Россия. Сталин. Сталинград.
Каждому свое…

Именно о таких стихах, что вспомнились ему, Кириллов говорит: «Я не знаю в отечественной поэзии слов, которые ставили бы тирана «на место» так уверенно, насмешливо, превосходно».

Нет, есть у Слуцкого и другие слова того же пошиба, он немало потрудился на этом поприще. Так, о тосте Сталина 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии Борис Абрамович смастачил стишок «Терпение», который Виталий Коротич, доставленный А.Н. Яковлевым из Киева, напечатал в «Огоньке». Вот:

Сталин взял бокал вина
(Может быть, стаканчик коньяка),
Поднял тост, и мысль его должна
Сохраниться на века:
– За терпение!

Банальная фальсификация покойника в духе благополучно здравствующего Сванидзе. На самом деле Сталин сказал:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него ясный ум, стойкий характер и терпение».

И все понимали, о чем идет речь: о терпении, давшем народу силы перенести страшные тяготы и невзгоды Великой Отечественной войны, как и всей своей многотрудной истории. Слуцкий и знать о том не желает. Ему только позубоскалить бы при мысли об этом великом тосте.

Это был не просто тост

(Здравицам уже пришел конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
За терпение.

Сталин – «малец»!.. Это, Мнацаканян, от имени России или от вашего?

Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть.

Сталин – «трус»!… Это, Мнацаканян, может, от имени вашей Армении?

– Вытерпели вы меня, – сказал
Вождь народу. И благодарил.

Благодарил Сталин вот за что: «Русский народ верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом».

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил,
Только прокричал «Ура!».
Вот каковская была пора.

«Пьяных зал»… Вы, Мнациканян, понимаете, что эти «пьяные» – маршалы Жуков, Василевский, Рокоссовский, эти «пьяные» – авиаконструкторы Туполев, Яковлев, Илюшин, эти «пьяные» – директора военных заводов, ученые, писатели, артисты?.. Вы знаете, зачем, по какому поводу эти люди, цвет советского народа, собрались в майский день 45 года в знаменитом Георгиевском зале Кремля?..

Страстотерпцы выпили за страсть,
Выпили и закусили всласть.

Какая неизбывная ненависть!.. А ведь в жизни был деликатным человеком, я знал его. Почему-то запомнилось, как однажды приехал я в Коктебель, иду нагруженный с автобуса в свой коттедж, а он навстречу: «Помочь с вещами?».

Знал бы я тогда об этом стишке…

* * *

Извините, читатель, что я целиком привел это рифмованное глумление «мальца» над нашей великой Победой, отвратительней которого трудно что-то себе представить.

Но все-таки, Мнацаканян, от чьего же имени говорил это Слуцкий? Может, от лица нынешней «Лигазеты»?

Нет, он говорил это как провозвестник от имени появившейся вслед за ним орды злобных, бесстыдных, тупых антисоветчиков – Жириновского, Сванидзе, Доренко, Петра Толстого, митрополита Иллариона… Хватит?..

Демагоги с барабаном на животе

Демагогия, как и все на свете, тоже бывает разная – по размаху, звону, пошибу… Самая подлая демагогия та, в которой идет спекуляция на смерти. А тут, о чем мы хотим сказать, не одна смерть, а две, и к тому же демагог, точнее демагогша, их еще и сталкивает. Это смерти Сталина и композитора Прокофьева, случившиеся в один день – 5 марта 1953 года. А столкнула их сотрудница известной музыкальной школы Гнесиных мадам Кирнарская Дина Константиновна, доктор музыковедения, нередко появляющаяся на экранах наших телевизоров то с хлопушкой в руках, то с барабаном на животе. Эти музыкальные инструменты помогают доктору вколачивать свои прогрессивные идеи в головы телезрителей.

Дина Константиновна не застала те великие смерти, еще не успела родиться, чтобы наводить порядок в этом мире, но когда бабушка ей рассказала ей, что в тот день в Москве невозможно было купить цветы для похорон Прокофьева, она бурно вознегодовала: да как же так? Ведь его знаменитую ораторию «Вставайте, люди русские!» в фильме «Александр Невский» надо понимать как призыв всем до одного встать и идти на его похороны!

Затем Дина Константиновна опять появилась на наших экранах с барабаном на животе и начала гневно барабанить: какой позор! 5 марта 1953 года народ пошел на похороны тирана, а не великого композитора, что это за народ!..

Мадам, вероятно, уверена, что если бы одновременно умерли президент Рузвельт и Чарли Чаплин, то американцы пошли бы только на похороны знаменитого артиста. Великая нация!..

Да, на похоронах Сталина было так много народа, что даже их организаторы не ожидали, и на Трубной площади образовалась давка, и, увы, были жертвы. А на похоронах Ленина народа было, может быть, и

больше, да еще невероятный мороз. А люди шли, мерзли, жгли костры… И вот Маяковский, который был не менее знаменит, чем Прокофьев, писал:

Кто сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре вот этой
безграничной смерти…

Судя по всему, Кирнарская думает, что это ей впервые пришло в светлую голову так эффектно и разоблачительно столкнуть две великих смерти. Мадам, до вас это делали неоднократно люди вашего закваса – доктора, профессора, повара… Как и вы, они делали вид, будто эти смерти, так сказать, в одной плоскости. И ханжество, демагогия этой спекуляции давным-давно были разоблачены и высмеяны.

Но бесстыдное столкновение двух смертей для мадам Кирнарской – лишь повод для очередного словесного фонтанирования о «культе личности и его последствиях».

Писатель Юрий Аракчеев в «Российском писателе» убедительно показал истинную цену этого дамского фонтанирования. Статья тем более убедительна, что в свое время, еще будучи студентом, автор поверил клеветническому докладу Хрущева в 1956 году на XX съезде партии и даже выступал в печати с поддержкой этого лживого доклада. Но вот прошли годы, никто ему медовый пряник не давал, он просто сравнил, сопоставил то, что было, с тем, что есть, и понял: Сталин – великий государственный муж, под его руководством наша родина добилась невиданных успехов: она стала второй экономической державой мира, первой – космической, единственной – по вкладу в разгром фашизма и небывалой – по социальным благам для народа…

* * *

Читатели дружно и горячо поддержали Ю. Аракчеева как в правде о сталинской эпохе, так и в разоблачении нынешней благодати. Но, конечно, нашлось и несколько бурно несогласных. Нет нужды цитировать и разбирать их измышлизмы, это и мадам Кирнарской не интересно, ибо все они люди ее уровня, ее потенции, ее круга. Но для иллюстрации один читательский отклик я все же приведу. Вот он.

Валерий (из Ленинграда): «Сталин, эта «великая личность», планомерно уничтожала собственный народ, выдергивая лучших – в городах, деревнях. Поэтов, писателей, ученых…».

И сразу вопрос: зачем истреблял-то свой народ, да еще планомерно, как при Ельцине шло – вымирали по миллиону в год? Он, Иосиф

Виссарионович, что, был агентом мирового империализма, засланным в Советскую Россию? И как объяснить, что при всей планомерности и длительности истребления население все росло и росло, да так, что, несмотря на огромные потери в Гражданской воне и тем более в Отечественной, выросло примерно со 150 миллионов человек почти до 300 миллионов? А вместе со всем народом росла и культура, плодотворно работали замечательные ученые, писатели, художники, музыканты, в 1946 году в трудную послевоенную пору, например, на Украине восстановили взорванный немцами великий Днепрогэс, а в Москве открыли школу Гнесиных.

А есть ли ныне, в путинско-кирнарскую эпоху, что-то персонально сопоставимое, допустим, с таким ученым как Курчатов, с такими художниками как писатель Шолохов, скульптор Вучетич, режиссер Герасимов, композитор Шостакович, артист Смоктуновский, певец Магомаев, да хотя бы и шахматист Карпов, хотя бы и футболист Яшин, хотя бы хоккеист Бобров?.. Вот недавно умер последний российский нобелиат Жорес Алферов. Его последними словами были: «Власть без мозгов». Кто его заменит – Жириновский? Ирина Яровая? Мария Захарова?..

Читаем дальше: «Недаром великий психиатр Бехтерев поставил Сталину диагноз – "паранойя" и был уничтожен через день». Неужели через день? В.М. Бехтерев умер в 1927 году, тогда на первом плане еще Троцкий красовался, и еще не было ни Ежова, ни Берии. Кто же уничтожил?.. Но какой диагноз, Валерий, вам поставить, если человек тридцать лет вел великую страну от победы к победе и сделал сверхдержавой, а вы голосите: параноик?! Значит, какая замечательная штука – паранойя! Вот вам бы хоть кусочек, хоть бы граммов сто на двоих с Диной Константиновной…

А кроме того, советую поинтересоваться, что говорила о диагнозе своего знаменитого деда его знаменитая внучка Наталья Петровна Бехтерева, академик (1924–2008). Ведь до вас для подтверждения достоверности знаменитого диагноза господа из своры ваших собутыльников ссылались именно на нее, хотя ей не было и трех годочков, когда дедушка преставился. Есть сведения, что Наталья Петровна любезно пригласила их, ваших однодумов, зайти в возглавлявшийся ею Институт мозга для обследования. К слову сказать, Наталья Петровна не вынесла благоухания кирнарско-путинской эпохи, уехала в Германию, умерла в Гамбурге в 2008 году, когда президентом стал еще и Медведев, умнейший человек северного полушария и Мытищ.

***

Дальше у Валерия много всего подобного сорта, скучно в этом копаться, перейдем сразу к войне: «Огромные потери в войне – тоже заслуга Сталина…». Известно ли вам, маэстро, о гитлеровском плане «Ост»? Вот там была действительно программа планомерного истребления

русских, и она осуществлялась с немецкой пунктуальностью, помимо прочего были специальные зондеркоманды, занимавшиеся истреблением населения с помощью новейших тогда достижений науки… Именно поэтому наши не боевые, а общие потери в годы войны гораздо больше немецких. А боевые примерно одинаковы. Но вы о таких делах фашистов – ни слова, будто их и не было. У вас виноват в гибели наших солдат Верховный главнокомандующий.

Валерий неколебим: «Почитайте воевавшего тогда писателя В. Астафьева, его «Прокляты и убиты». Перед Берлином американцы остановились, а наши положили 400 000 убитых солдат за его взятие…».

Приходится и тут горько разочаровать правдолюба-кирнарца: Виктор Астафьев, дружок, был в военном отношении человеком, увы, малограмотным. Он не умел даже читать военную карту. Стрелки на картах указывают, куда войско движется, его направление, отступает оно или наступает. Иногда у основания стрелки пишут, что это за войско – дивизия, корпус, армия… Астафьев же почему-то решил, что все стрелки – это непременно армия. И, подсчитав, что красных стрелок больше, чем синих, сделал еще более нелепый вывод: будто мы всегда, во всех сражениях имели трех-четырехкратное превосходство в силах над немцами, чего не было и не могло быть.

И вы, Валерий, как ваш любимый писатель, пишете о том, чего не знаете: «Перед Берлином американцы остановились, а наши…». Интересная картина: те подошли с запада, наши – с востока, стоят и думают, что дальше делать. Американцы решили: больно он нам нужен, этот Берлин, у нас в штате Нью-Гэмпшир есть своей Berlin, а этот пусть русские берут, если хотят… Ах, Валерий, ах, Митрофанушка, ведь есть же книги, где все это описано, заглянул бы. Некогда ему, надо Кирнарскую смотреть по телевидению…

А дело-то было вот как: 25 апреля западнее Берлина в районе Кетцин танковые воска 1-го Белорусского фронта (маршал Жуков), наступавшие на Берлин с юго-востока, и танковые войска 1-го Украинского фронта (маршал Конев), наступавшие на Берлин с северо-запада, соединились, и город, вся громадная берлинская группировка немецких войск оказалась в окружении. И никаких американцев поблизости – хоть шаром покати —не было, и как ни голосили в сторону запада танкисты 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского и танкисты 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского «Янки, где вы?! Жмите сюда!! Вместе будем Берлин брать!!!» – никто не отозвался…

И вскоре Красная Армия начала штурм. 30 апреля Гитлер и Геббельс дезертировали на тот свет, первый прихватил жену Еву, а второй – жену Магду, да еще и шесть детишек. И 2 мая над рейхстагом полыхнуло знамя Победы…

Кирнаровец уверяет, что «наши положили 400 тыс. убитых солдат за взятие Берлина». Интересно, это он тоже у Астафьева прочитал, или они вместе с Диной Константиновной докопались?

Астафьев – это военное невежество, но еще хуже, что он был сознательным лжецом. Однажды в беседе с критиком И. Курбатовым он в непонятном порыве откровенности признавался, что за хорошие деньги может написать что угодно. Это было напечатано в «Известиях». Да мы и раньше видели его угодливую лживость. В Советское время на страницах «Правды» Астафьев проникновенно, со слезой восторга лгал, как лихо при ничтожных потерях, словно играючи, мы громили немцев, а после контрреволюции на страницах «Московских новостей», выходивших на пяти европейских языках, так же проникновенно, с того же качества слезой ельцинский Герой социалистического труда лгал, как лихо при ничтожных потерях, словно играючи, немцы громили нас.

В свое время, прямо обращаясь к нему со страниц газеты «Завтра», я уличал Астафьева во лжи…Могу прислать вам газету, Валерий, дайте адрес. Впрочем, можете и сами прочитать в моей книге «Честь и бесчестие нации». Там есть «Письмо ровеснику Виктору Астафьеву о нашей солдатской молодости». Эту книгу можно найти и в интернете. Мой адресат ни разу не ответил, хотя ведь мы были хорошо знакомы, – ответить было нечего.

«400 тысяч»… Да, наши безвозвратные потери были большими, но все-таки не 400 круглых тысяч, а 78 291 человек (Г.Ф. Кривошеев и др. Книга потерь. М., 2009, с.171). Это во сколько же раз тут вранье превышает правду? Раз в пять. Обычное дело для Солженицына, Астафьева, Соколова, Солонина… Вот вы и начитались такой литературы, Валерий. А раскинуть мозгами, сопоставить факты вам то ли некогда, то ли не умеете или не желаете. А ведь речь-то идет об истории вашей родины!

Но Валерий неисчерпаем, ведь до него было столько страниц написано, столько часов наговорено, такие вороха натасканы… И он все освоил, поглотил, не подавился. Вот и еще: «В колхозах работали крепостные по сути люди…».

Мне, как внуку председателя колхоза им. Марата в деревне Рыльское Тульской области, есть что сказать. В этой заурядной деревне в 30-е годы были и работали не только церковь, но и больница с родильным отделением, и школа-десятилетка. Назовите вы мне сейчас такую деревню хотя бы под Москвой или под Ленинградом…

В деревне жили с крепостным отцом и крепостной матерью мои двоюродные крепостные сестры Клавдия и Антонина. В надлежащее время крепостные девушки окончили свою деревенскую школу, и, получив дипломы, поехали учиться – Клава в Ленинград, а Тоня в Москву. И со своими деревенскими дипломами они в столицах прошли конкурс и были приняты в столичные институты, которые успешно окончили. Сейчас они в почтенных летах, и обе живут в прекрасном

Минске. Хотите, Валерий, телефон? Можете поговорить. Они вам прочистят ваши крепостные мозги. Вы-то, безоглядно кирнарствуя, не можете назвать ни одного имени, ни одного примера, кроме нелепых, а тут вот вам – живые люди…

* * *

В заключение хочется напомнить слова из оратории Прокофьева, с разговора о которой я начал эту статью:

Вставайте, люди русские
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте люди вольные
За нашу землю честную!
Живым бойцам – почет и честь,
А мертвым – слава вечная!
За отчий дом, за русский край
Вставайте, люди русские!

Козлы и бараны о Великой Отечественной войне

Кровь и манипуляции

Свою статью, посвященную годовщине со дня рождения И.В. Сталина, К. Душенов озаглавил «Наша слава боевая». Не все поймут, что это слова из старой советской песни:

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет…

У статьи есть и подзаголовок: «Почему русские любят И.В. Сталина?». Слово «любят» не совсем подходит. Оно многозначно. Ведь сказать «Я люблю «Жигулевское»» – тоже правильно. В данном случае правильнее говорить об уважении, о понимании великой роли Сталина в истории родины. Но нельзя забывать и многочисленных восторженных заявлениях о Сталине.

И непонятно, почему автор говорит о любви только русских. Можно, конечно, но можно и шире. Куда, например, деть хотя бы евреев? Многие

из них – от давно почившего Бориса Пастернака до благополучно здравствующего известного интеллектуала Анатолия Вассермана – неоднократно говорили и писали о Сталине не просто «положительно», а даже весьма восторженно и выступали против клеветы на него. Так, первый писал о Сталине: «Поступок ростом с шар земной» и негодовал: «Культ личности забрызган грязью». Второй заявил в интервью:

« – Изучив огромное количество самых разных источников, я, антисталинист в прошлом, пришел к совершенно неожиданному для себя выводу: репрессии началось не благодаря, а вопреки воле сталинского Политбюро!

– И сколько же людей погибло при Сталине?

– Наиболее авторитетным в этой области считается историк Виктор Земсков. Ему можно верить хотя бы потому, что он готовил статистические данные для известного «суда над КПСС», который «либералы» учинили в 1989 году. А поручили эту работу именно ему, поскольку он слыл ярым антисталинистом. Земсков сравнил архивы разных ведомств и установил, что число смертных приговоров с 1922 года по статьям «Измена родине» и «Бандитизм» за все время составило примерно 800 тысяч. Из них минимум сто тысяч не приведены в исполнение.

В эту цифру входят и реальные изменники, которые сотрудничали с фашистами, и жертвы Великой чистки, в результате которой Сталин ликвидировал устроителей Большого террора – таких как Ежов, Ягода, Эйхе.

Никто не спорит с тем, что погибали и невинные. Однако если они и на счету Сталина, то уж точно не на его совести. Люди гибли либо в результате прямого противодействия государственной политике, либо по вине слишком ретивых исполнителей.

– А Сталин, выходит, святой?

– Нет, разумеется. Просто неправильно то время судить нынешними мерками. Изучая судьбоносные для страны решения, я невольно ставил себя на место Сталина. И приходил к выводу: из всех возможных вариантов он выбирал наиболее адекватный. В отличие от того же Хрущева, который, обвиняя Иосифа Виссарионовича в страшных злодеяниях, сам не то что по локоть – по ноздри в безвинной крови».

Так считает Вассерман, человек, умеющий преодолевать свои заблуждения.

К слову сказать, автор упомянутой песни тоже еврей – талантливый композитор Матвей Блантер, автор многих замечательных советских песен, в том числе бессмертной «Катюши», Герой социалистического труда.

* * *

Но дело не только в несправедливо забытых Душеновым честных и талантливых людях, огорчает и еще кое-что. Например, Сталину, как известно, оборотистые мыслители приписали немало самых нелепых, позорящих его высказываний. Например: «Неважно, как проголосуют, важно, как подсчитают», «У нас нет пленных, есть предатели», «Нет человека – нет проблемы» и т. п.

Если бы даже Сталин действительно так думал, он был достаточно умен, чтобы не пороть вслух такой вздор. В самом деле, например, как это нет проблемы, если нет человека? Ведь тут по умолчанию имеется в виду не просто какой-то человек вообще, homo sapiens, а некое должностное лицо, может быть, даже весьма высокопоставленное, и если оно исчезло, то немедленно и возникает проблема: как, кем его заменить? В некоторых случаях удалось установить авторов подобных «сталинских афоризмов». Так, автором последнего афоризма оказался писатель Анатолий Рыбаков. Это у него сказано в «Детях Арбата»

Так вот, и в этой статье не обошлось без «афоризмов»: «В 1943 году Сталин сказал Молотову: «Когда я умру, на мою могилу нанесут много мусора, но ветер истории безжалостно сметет его»». Мусора действительно нанесли много, но все-таки Сталин этого не говорил ни Молотову, ни Коллонтай, как уверяют другие. О «мусоре» есть действительно принадлежащее Сталину высказывание: «История нашей партии знает факты самых чудовищных сплетен против ее руководящих деятелей» (Известия ЦК КПСС № 11, 1989, с.192).

И непонятно, зачем автор начинает статью с небольшой, но зловонной кучки помянутого «мусора» на могиле Сталина и притом именует его Джугашвили, как генерал М. Гареев? Какой он вам Джугашвили? Он Сталин для всего мира, а вы хотите свести его до размеров Грузии.

Нельзя пройти мимо и такого заявления о Сталине: «Неудивительно(!), что его отношение к русским не раз(!) менялось… Было время, когда в «великорусском шовинизме» Сталин видел главную опасность для построения своей(?) империи». Правильно. Но надо же различать народ и шовинизм. Тут отношение не к русскому народу, а к русскому шовинизму, к шовинизму. Любой шовинизм, хоть русский, хоть турецкий, т. е. враждебное и презрительное отношение к другим народам, вреден и опасен. И против него надо бороться.

А по поводу заявления, будто бы «Сталин запустил(!) политические механизмы, приведшие к масштабным кадровым чисткам 1937–1938 годов», – по поводу этого автору следовало бы побеседовать с известным историком Ю.Н. Жуковым или с цитированным выше Анатолием Вассерманом.

Но он продолжает в том же разоблачительном направлении: «Накануне смерти вождя весной 1953 года эшелоны(!) ГУЛага уже стояли на подъездных путях в Подмосковье, готовые вывести столичную еврейскую верхушку в Сибирь, в Биробиджан». Да неужели эта верхушка

была так многочисленна, что для ее вывоза требовалось несколько эшелонов? Тут автор только старательно повторяет то, что твердили и твердят такие злобные антисоветчики как Бенедикт Сарнов, к сожалению, еврей: «Для евреев на Дальнем Востоке уже построили бараки» и т. д. (Скуки не было, М., 2004, с. 600). Об этом можно сказать словами самого автора статьи, сказанными им по другому поводу: «При внимательном рассмотрении все это оказывается враньем». Впрочем, нет, никакого рассмотрения тут и не требуется: невооруженным глазом за версту видно – убогое антисоветское вранье. Но прошло 15 лет, и вот человек разыскал, подхватил и, как русскую мечту, принес в «Газету государства российского».

* * *

Есть в статье Душенова и такое суждение: «История творится железом и кровью, подвигом и жертвой, самоотверженностью и бескомпромиссной готовностью к борьбе». Верно. Именно так, всенародным подвигом и личной жертвой, железом и кровью, а вовсе не мистическими манипуляциями, как уверяет автор, были спасены в 1941 году Москва и Ленинград, а в 1942-м – Сталинград, которые он упоминает, и вся страна, вся Европа, весь мир.

Царь Николай в 1904 году пытался воевать против Японии с помощью подобных манипуляций, и кончилась затея очень печально. Это с одной стороны. А с другой, если в 1941 году такие манипуляции вдруг все-таки обрели чудодейственную силу, то почему же их не использовании против немцев на самой границе и при защите множества городов, больших наших территорий, захваченных ими в первые полтора года войны? У автора нет ответа.

Еще более странно читать, что Советский Союз был «страшной(!) Красной империей, добавившей к владениям Романовых огромный(!) кусок восточных земель Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии, Монголии, Китая, Кореи». Посмотреть бы хоть на кусочек наших владений, допустим, в Корее. А в Индонезии или Австралии наших кусочков нет? Но между прочим, и без чужих кусочков эта Красная империя в 1945 году мир спасла. Слава Советскому народу и его доблестной Красной Армии!

А манипуляции продолжаются…

Козлы и бараны о Великой Отечественной войне

Клевета о Великой Отечественной войне советского народа против немецкого фашизма, о Сталине как Верховном главнокомандующим Красной Армии, о наших маршалах и генералах, – клевета эта в том или

ином виде велась давно, но особенно широко развернулась после известного доклада Н. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде партии в 1956 году. Если бы не этот кремлевский почин, на Западе, в том числе в Германии, никто и не посмел бы вякнуть что-то неприличное. «Но если уж вы сами!..» И началось…

Однако главный очаг клеветнической заразы процветает все-таки здесь – в России, в Москве, недалеко от Кремля, а есть клеветники и в самом Кремле, но сейчас они примолкли. Занимаются этой грязной работой антисоветчики и русофобы разных поколений. С приближением 75-летнего юбилея нашей Победы их пронырливость и бесстыдство будут нарастать.

Вот недавно, минувшим летом, в Германии появилась публикация, в которой немецкий историк утверждает, что в великом сражении на Курской дуге в июле 1943 года никакого поражения его отец или дед не потерпели, а отступили – ну просто потому, что захотелось быть поближе к фатерланду, они, патриоты, очень скучали о нем.

Клеветников много, они воздвигли горы лжи, но русофобом и антисоветчикам хочется еще больше, и они из кожи лезут, чтобы оживить, пустить в оборот хотя бы какую-нибудь дохлую книжонку забытого клеветника. Вот едва мы ответили на ту немецкую чушь, как тут же теперь уже на родине Победы появилось нечто еще забористей, правда, уже давно знакомое. Это сочинение некого Николая Никулина, его будто бы воспоминания о войне. Не один год накануне Дня победы где-то непременно вылезет его зловонный текст. Я натыкался на него не однажды, но – зажимал нос, плевал и проходил мимо.

Однажды на книжной ярмарке в павильоне ВДНХ я беседовал с посетителями, что-то сказал о войне. Вдруг голос:

– А Никулин пишет совсем другое!

– Да мало ли что пишут сейчас! – ответил я. – Вон, Чубайс уверял, что в СССР была линия обороны, обращенная не в сторону возможного противника, не вовне, а внутрь страны. Почему? Зачем? А чтобы народ, говорит, не разбежался. И с таким представлением о стране этот полоумный прохвост стал главным ельцинским реформатором.

Вдруг женский голос:

– Так это он и есть, Чубайс!

Действительно, оказалось, реплику бросил Чубайс, но не тот висельник, а его старший брат. Он лучше младшего только тем, что никогда не располагал властью.

И я думал, что он имеет в виду знаменитого клоуна Юрия Никулина, у которого тоже есть воспоминания о войне. Но потом понял: речь шла о другом клоуне, о том, который паясничал на могилах героев войны…

* * *

Когда я встречался с его книгой, мне и в голову не могло прийти, что страницы такого сорта изящной словесности могут с похвалами появиться и в «Литературной газете». Все-таки принято считать, что там главный редактор и сотрудники грамотней, ответственней, добропорядочней, чем в каком-нибудь подметном листке. Увы, оказалось – того же порядка. И теперь только плюнуть уже нельзя, приходится разгребать навозную кучу…

В номере ЛГ за 9 октября 2019 года видим и читаем: «Правда солдата Никулина». Его личная, персональная, так сказать, окопная правда о Великой Отечественной войне. Тут и портрет, где он вовсе не рядовой солдат, а сержант, как свидетельствуют погоны, полученные, конечно, далеко не сразу по прибытии на фронт. И здесь же фотография его книги «Воспоминание о войне».

Замечательным примером личных воспоминаний о войне, настоящей окопной правды о ней была сразу после войны в 1946 году появившаяся повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Говорят, такое заглавие дал ей сам Сталин при обсуждении выдвижения ее на Сталинскую премию, которой в 1947 году она и была отмечена. Повествование ограничено рассказом о боевых делах, о жизни взвода, которым командовал автор. В ней нет суждений о делах фронта или всей армии. Автор рассказывает лишь о том, что сам видел и знает, и ему веришь. А Никулин то и дело судит обо всей Красной Армии, о положении на фронтах, о ходе войны в целом, т. е. о том, чего он тогда, как рядовой солдат или сержант, видеть и знать мог разве что только из газет, но он о них не упоминает. И потому то и дело возникает вопрос: да где ты это взял, откуда знаешь? Но находятся высокопоставленные люди, которые охотно верят свистуну, изображающему себя очевидцем, свидетелем всего, что было на войне.

Воспоминания, как сообщает ЛГ, Никулин написал не сразу после войны, как Некрасов и другие писатели, а через 30 лет, «когда броня страха, стискивавшая наши души, стала давать первые трещины». Но ведь не обязательно было сразу бежать с рукописью в редакцию журнала. А что за «броня страха»? Что за трещины? В советское время, что вполне естественно, в страхе жили антисоветчики, такие, например, как мой однокурсник по Литературному институту критик Бенедикт Сарнов. Он с девяти лет сочинял антисоветские стишки, отец за это драл его за уши, а он потом всю жизнь писал о своем личном страхе перед отцовской выволочкой как о всеобщем, всенародном. Еще помню по Литературному институту нечесаного, словно и немытого поэта Наума Коржавина (Манделя), который бродил в огромных валенках по коридорам и бормотал: «Повальный страх тридцать седьмого года…».

А на самом деле народ никакого повального страха не ведал. Почитайте книги тех лет, сотруднички «Литгазеты», посмотрите советские фильмы, которые до сих пор показывают, послушайте тогдашние наши песни, – хотя бы, например, это:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака!
Знамя страны своей, пламя души своей
Мы пронесем через миры и века!

Это мы пели, умирая от страха? Мы пели с гордостью за Валерия Чкалова и Михаила Громова, которые, действительно одолевая льды и облака, первыми в мире перелетели через Северный полюс в Америку, мы пели это с радостью за свою прекрасную страну…

Сопоставьте это с нынешней «художественно продукцией». Она по-своему правдива. Что там преобладает? Бесчисленные убийства, низость разных красок, погоня за выгодой, предательство, измена… Все как в жизни.

А наш 37-й год – это успешное завершение второй пятилетки, по плану которой было построено 4500 крупных и даже гигантских промышленных предприятий: чего стоят хотя бы Уралмаш, Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), Ташкентский текстильный комбинат… А канал имени Москвы! А первая очередь столичного метро…

37-й год – это триумф Советского Союза на Международной выставке в Париже, где наш павильон получил 270 наград, в том числе 95 гран-при, среди которых – за паровоз серии ИС (Иосиф Сталин), за трактор «Сталинец» (и никто никакого культа в этом не видел), за станцию метро «Сокольники», за дворец культуры в Ленинграде, а также за фильм «Чапаев», за скульптуру «Рабочий и колхозница» гениальной Веры Мухиной…

Кроме того – 70 золотых медалей, 40 серебряных, 6 бронзовых и 50 почетных дипломов. Кто же из творцов всего этого ходил с броней страха на пузе? Уж не братья ли Васильевы, создатели «Чапаева»? Не Вера ли Мухина?..

В известной «партии воров и жуликов» (ПВЖ) давно сидит Константин Затулин. 16 октября в передаче «60 минут» для подтверждения справедливости народного названия его партии он на всю страну заявил: «Коммунисты умели хорошо критиковать, а строить не умели!». И вот такая балаболка полжизни сидит в Думе, получает 500 тысяч в месяц и учит нас жить.

37-й год – это первая сшибка на Парижской выставке красной звезды и черной свастики: павильон гитлеровской Германии был против нашего и удостоился одного гран-при. Сопоставьте 95 и 1! Это мистический знак, символ: 9.V – 9 мая. Вот чем был для нашей страны 37-й год.

* * *

Когда-то в Союзе писателей было три Брагиных – Алексей, Владимир и Михаил. Возможно, родственник кого-то из них Виктор Брагин пишет в «Российском писателе» по поводу моей статьи об одной публикации Д. Кирнарской: «Кирнарская – такой же советский человек, как и Бушин». Как так? Мы люди разных генераций, профессий, жизненного пути, взглядов. Для него это все не имеет значения, а главное вот что: «Оба они не знают и знать не желают о сущности советской власти, о Сталине и СССР. Разница только в том, что Бушин навсегда отравлен советской пропагандой, а Кирнарская – антисоветской». Скажите, какая категоричность, решительность, безаппеляционность! Как Угрюм-Бурчеев. Этого хватило бы на трех Брагиных и двух Брагинских, тоже членов СП. И все-то он знает, а я не знаю.

Но в чем же ядовитость советской пропаганды? Она была человеконенавистнической? Ничего подобного. Она возглашала: человек человеку друг, товарищ и брат. Она сеяла рознь между народами, ксенофобию? Наоборот, пропагандировала интернационализм. И был даже орден, который так и назывался «Дружба народов». Или она прославляла шкурничество, наглость, как Чубайс? И подумать невозможно! Мне кажется, Виктор Брагин, вы не знаете и не желаете знать своей собственной сущности, совершенно неинтересной для других.

А что касается трещин на броне страха, то, как увидим дальше, они прошли в мозгу самого Никулина, когда ему в 1973 году стукнуло пятьдесят, и он начал писать воспоминания. Трещины пошли и у его издателя Михаила Пиотровского, директора Эрмитажа, известного антисоветчика, трещины обнаружены сейчас и у мыслителей «Литгазеты».

О страхе в родной стране вот что сказал не революционер, не большевик, не член КПРФ, а герой деликатного, интеллигентного писателя Чехова в связи с тем, что крестьянка Анна умерла родами: «Все эти Анны, Марфы, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней. Всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и вони; их дети, подрастая, начитают ту же музыку, и так проходят сотни лет, миллионы людей живут хуже животных – только ради куска хлеба, испытывают постоянный страх, животный страх». И чеховский герой мечтал: «Нужно облегчить ярмо народа, дайте людям почувствовать себя на свободе»

Это было сказано в 1896 году, а в октябре 1917 года большевики изгнали этот вечный страх трудового народа. Всего через двадцать лет, в 1937 году на выставке в Париже можно было видеть, как воспрял народ, и на что он теперь способен. А впереди еще были разгром фашизма, атомное оружие и атомные электростанции, порыв в космос. Но вскоре тихой сапой, лепеча добрые слова о любви к народу, в Кремль проползли предатели, они отворили Спасские ворота Ельцину, Чубайсу,

Путину, и те, мурлыча еще более прекрасные слова, под диктовку американцев вернули то, о чем мы читали у Чехова: животный страх. Страх за детей, страх потерять работу, страх заболеть, страх сгореть, утонуть, разбиться на самолете или в такси…

А еще и жуткий страх войны из-за невежественной и бездарной политики правителей, которые сперва долго холуйствовали перед Западом, а потом, отринутые им, пересобачились со всем миром и даже позволили натравить на нас братскую Украину.

В этом контексте не лишним будет к слову заметить, что в «Литературке» в тот же день, что и Затулин на телевидении, Юрий Лужков, бывший мэр Москвы, бывший руководитель той же затулинской «партии воров и жуликов» вспомнил, что до войны на месте разрушенного Храма Христа Спасителя началась стройка гигантского Дворца Советов, но после войны от этого отказались, позже на месте Храма появился огромный бассейн. И вот, говорит, когда решили восстановить Храм, надо было проверить фундамент Дворца. Он оказался в идеальном состоянии, но под бассейном обнаружили 41 баллон жидкого хлора, которого-де хватило бы для уничтожения всего населения города. Что такое? Кто их туда поместил? Когда? С какой целью? Почему-то никак, даже предположительно, не объясняет, но выносит эпохальный приговор, видя виновными во всем прежде всего, как и Затулин, коммунистов: «Вот наш русский XX век как на ладони: разрушение храмов, возведение фундаментов (фундаменты не возводят, а закладывают. – *В.Б.*) под непостроенные дворцы, смертельные угрозы, созданные своими руками».

Ну, как язык повернулся у старого, лысого, луноликого человека, лет 25 носившего у сердца партбилет, получившего когда-то орден Ленина! Да, кое-где храмы были разрушены, но после такого землетрясения сколько прекрасных храмов все-таки сохранилось – от Василия Блаженного в Москве и Исаакиевского собора в Ленинграде до Покрова на Нерли. А сколько дворцов возвели – от Дворца культуры им. Горького в Ленинграде, получившего гран-при на Парижской выставке, до Дворца съездов в Кремле.

Еще и «смертельные угрозы своими руками»? Коммунисты во главе народа, да, своими руками, да кровью и потом трижды отвели смертельную угрозу от родины: в 1917–1920 годы спасли от развала, в 1945-м защитили от порабощения, в 1949-м, создав ядерный щит, уберегли от уже запланированной американцами и утвержденной 19 декабря 1949 атомной бомбежки (операция «Dropshot»). Слышите, Лужков, заслуженный химик РСФСР? За 30–35 лет над нашей родиной нависала смертельная опасность трижды, и трижды коммунисты спасали ее, в двух последних случаях – в том числе и вас лично со всеми вашими женами, тещами и детьми.

А репрессии, которые могли внушить страх, на что намекает газета, – да, были, но они коснулись не более двух-трех процентов населения, т. е. не носили массовый характер, как заложили многим в треснувшие мозги Хрущев и Солженицын, и потому на самочувствие народа в целом не влияли. И ни в какое сравнение не идут так называемые «сталинские репрессии» с репрессиями ельцинско-чубайсовско-путинскими, которые именуют строительством «новой России».

Когда я писал эти строки, день начался сообщением о том, что ночью погибли 15 рабочих Красноярского края из-за прорыва дамбы и бешеного потока воды на общежитие. На другой день в самой Москве огромный пожар на каком-то складе. Словом, если вчера посетители торгового центра были лишены жизни огнем и дымом пожара, как в Кемерово, то позавчера убили ни в чем не виновных людей посредством катастрофы самолета, а завтра их родственники утонут в реке или в море…

И ведь так чуть неу каждый день. И это действительно массовые репрессии. Если все эти репрессии – все взрывы, катастрофы, пожары, наводнения, убийства и самоубийства – подсчитать, суммировать и, естественно, как на создателей этой жизни, разложить на всех нынешних правителей, то тяжкий груз раздавит в лепешку даже таких вроде бы тихих дам, как Элла Памфилова и Вероника Скворцова, а что останется от Путина и Медведева, от Матвиенко и Володина? И ведь так будет! Тайные аэродромы не спасут. Их отправленные за бугор жены, любовницы, дети горько осиротеют…

* * *

В этот же день «Советская Россия» под заголовком «Я изменил свои взгляды» напечатала присланный читателем текст одного выступления известного сатирика Михаила Задорнова. Когда-то, когда он был с Ельциным, я сурово писал о нем. Но вот что он говорил об репрессиях. Высказав свое отвращение к таким передачам телевидения как собчачий «Дом-2», он продолжал: «Не надо говорить, что в советское время все было плохо. Вон девчонки сидят… Что за чушь! У меня в советское время было минимум три тысячи друзей, и ни одного не посадили. Ни одного! Что вы придумываете все, что у нас вот так просто сажали! Мне один бизнесмен говорит: «А у меня пятерых друзей посадили». Я говорю: назови. Он назвал. Да они все жулики! Они и должны сидеть. А сегодня они повылезали, они помощники депутатов…

Мы живем при капитализме, при самом негодяйском строе, но нам говорят, что это демократия. Капитализм, Маркс и Ленин правы, самое отвратительное устройство общества. Почему? Потому что самые плохие качества человека делают его внешне успешным».

Ах, как жаль, что я не успел помириться с Задорновым!..

Эксгумация лжи

Мою недавнюю публикацию «Козлы и бараны о Великой Отечественной войне» читатели встретили с интересом и пониманием, и я решил вернуться, как говаривали в старину, к нашим баранам, да и к козлам тоже, любящим говорить и писать о советской истории, об Отечественной войне и о своих жутких страданиях под игом коммунистов.

«Литгазета» уведомляет, что Н. Никулин – доктор искусствоведения, профессор, да еще член ученого совета Эрмитажа, член Академии художеств. А книжка его о войне вышла в издательстве Эрмитажа с предисловием его директора-антисоветчика Пиотровского, тоже доктора, профессора и члена. Да как же при таких высоких научных регалиях, предполагающих одновременно не только широкую образованность, но и честность, порядочность, вкус и, конечно же, ум, здравый рассудок, – как в книженции этой пропасть таких мест, которые ни процитировать, ни пересказать даже невозможно – такая мерзость!.. Но я все-таки надел бы противогаз, сделал несколько выписок и повесил над письменным столом Максима Замшева, главного редактора «Литгазеты», нахваливающей все это. Ешьте, ваше благородие, на завтрак, в обед и ужин.

Но – по порядку. Вот с чего книга начинается: «Объявление войны (имеется в ввиду выступление по радио наркома иностранных дел В.М. Молотова 22 июня 41 года. – *В.Б.*) я и, кажется, большинство(!) обывателей встретили не то чтобы равнодушно, но как-то отчужденно. Послушали радио, поговорили…». Вы подумайте, над страной нависла смертельная угроза, уже разносят повестки военкоматов, а ему – «отчужденно»! И только. Для антисоветчика отчуждение от народной беды вообще-то закономерно, но он, антисоветчик, не имеет права отождествлять себя с большинством народа, у которого в тот день от той речи сердце оборвалось. Есть же замечательные фотографии: советские люди слушает выступление Молотова. Какие лица!.. Что на них написано!..

Тут вспоминается другой антисоветчик более крупной весовой категории – Солженицын. Вот как он изображал в своем давно забытом «Архипелаге» отношение народа к другой речи тех роковых дней – к великой речи Сталина: «В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: «Братья и сестры!..» – один мужик ответил черной бумажной глотке: «А-а-а, б…дь, а вот не хотел?» – и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают.
И зароготали мужики».

Ах, как живописно. Однако, во-первых, повесить репродуктор около кузницы, которые всегда бывали на окраине деревни, на околице, и где постоянный грохот, мог только человек, никогда в русской деревне не бывавший. Радио ставили у сельсовета, у правления колхоза или на площади, если она была в деревне. Не зная такие обыденные вещи, где ж ему было знать непростую душу русского мужика.

А вообще-то такое село с такими мужиками, как не трудно догадаться, находилось вовсе не в Рязанской области, а в черепной коробке сочинителя. И потому его сообразительная вдова, готовя по указанию президента Путина эту книжечку покойного супруга для детского чтения, выбросила из текста все село вместе со всеми картонными мужиками. Ну, в самом деле! Ведь все мужики всех сел, деревень и городов страны, все, кроме идиотов, понимали, что пришла великая беда, надо спасать родину, и не кому другому, а им, и если еще не пришла, завтра придет повестка из военкомата. Потому слушали они речь Сталина, как и вся страна, с великим вниманием. Да и самые лютые антисоветчики – тоже, ибо одни из них, самые тупые, надеялись, что немцы придут и вручат им власть, другие мечтали перебежать к ним. Впрочем, надеялись на Гитлера не только тупые. Разве Михаил Осоргин тупой? Да ведь и Минкина с Гусевым, до сих пор сожалеющих на страницах «Московского комсомольца» о том, что Сталин перед майским праздником в 1945-м году заставил Гитлера пустить себе пулю в лоб, а не Гитлер – Сталина, и не в 1945-м, а еще в 1941-м, – ведь и этих дружбанов тупыми не назовешь. Жизнь многолика…

Но, несмотря на его отчужденность, смотрите-ка, что пишет этот Никулин о первых днях войны: «Мы ожидали скорых побед нашей армии».

Кто ожидал? Как разумные люди могли ожидать, если на их глазах немцы в кратчайший срок распотрошили всю Европу? А сейчас каждый день публиковались сводки Совинформбюро, с каждым днем все тревожней? С другой стороны, хотя сам Никулин не мог это видеть и знать, но он пишет, что на фронте все было из рук вон плохо: ни опытных командиров, ни хорошего оружия в достатке, ни боеприпасов, как полагается, да еще «в бой шли необученные новобранцы…».

Если все так и ему известно, что именно так, то откуда же взялось ожидание скорых побед? Ум врастопырку. Ясно же, что все это ему кто-то наплел, или он прочитал где-то уже после войны, и вот изображает как личные достоверные воспоминания. Да еще издевательски добавил: «Так ковалась наша победа». И не соображает, что квакает из лужи.

*** * ***

Никулин продолжает глумиться: «Ожидали скорых побед, ведь наша армия непобедимая и лучшая в мире, как писали газеты».

И правильно писали-то! – они с Пиотровским и этого сообразить не могут! Армия ни одной европейской страны не смогла оказать немцам

хоть сколько-нибудь длительного и достойного сопротивления. Поляков немцы разнесли в две-три недели. О Бельгии, Голландии и говорить нечего. И даже объединенные силы Франции и Англии, которые сами объявили войну Германии и имели после этого не только восемь месяцев для подготовки отпора, но и существенное превосходство сил, были разбиты в считанные 5–6 недель. А Красная Армия пришла в Берлин! Есть разница? Пришла и спасла всех этих цивилизантов. Так чего ж художественные доктора-профессора ухмылялись и зубы скалили по адресу нашей армии да еще и наших газет? Или им так и не известно, чем закончилась война? Сообщаем: нашей великой Победой! Поэтому глумление тут не над Красной Армией, а персонально над самими собой – над Никулиным в могиле и над Пиотровским и Замшевым в кабинетах.

«В первые военные дни, – повествует сочинитель, – в Ленинграде сложилась (Кто ее сложил? – *В.Б.*) праздничная обстановка… Повсюду слышалось пение, звуки патефонов: мобилизованные спешили в последний раз напиться и отпраздновать отъезд на фронт».

Подумайте только! Газеты и радио каждый день сообщают, что враг прет и прет, мы оставляем один город за другим, а во второй столице – ликование, патефоны, пьянство… Что за диво! Казалось бы, и в первой столице, в Москве-то, должны бы еще более оголтело ликовать, но ничего подобного не было, я это отлично помню. Правда, в первые же дни на Белорусском вокзале прогремела великая песня Александрова:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Это было торжественно, грозно, но вовсе не празднично. Без шума и суеты в Москве и Ленинграде полным ходом шла мобилизация, велась запись добровольцев, города обретали военный облик….

«Литературка» уверяет, что, несмотря на чувство отчужденности при известии о начале войны, Никулин идет добровольцем на фронт. Добровольцев было много, формировались добровольческие полки, дивизии. Но сейчас повелось объявлять добровольцами тех, кто просто не мог быть добровольцем, например, писателей В. Астафьева, Г. Бакланова – им исполнилось 18 лет, и согласно закону их, даже с некоторой отсрочкой, призвали в армию. И Никулин родился 7 апреля 1923 года, его должны были призвать еще до войны, весной 41-го. Как же он позже мог стать добровольцем? Почему не призвали в срок, почему он слушал речь Молотова не в армии, а дома, почему имел возможность любоваться «праздничной обстановкой» первых дней войны в Ленинграде, неизвестно.

ЛГ старается наделить дорогого ей сочинителя ореолом бывалого фронтовика по высшему разряду – он у них и доброволец, и вся война с первых дней за плечами, и четырежды тяжело ранен, но, несмотря на это, дошел аж до самого Берлина… Не хватает только участия вместе с Егоровым и Кантарией в водружении знамени Победы над Рейхстагом. Но его добровольчество, как уже сказано, придумано, а четыре ранения – не перебор ли? Да и участие Никулина в штурме Берлина озадачивает. Газета пишет, что он воевал на Ленинградском фронте, в его тексте однажды упомянут Кольский полуостров, т. е. Карельский фронт. Но ни тот, ни другой фронт в Берлинской операции не участвовали. Может быть, Никулин был таким великим специалистом по штурму городов, что маршал Жуков выпросил его у Сталина с Карельского фронта в штаб 1-го Белорусского как помощника себе? Ну, если так, то возможно…

Однако вот что еще очень странно: прошел всю войну, четырежды ранен – и никаких наград! Ну, повесили хотя бы медальку «За боевые заслуги», которой в конце войны награждали даже девушек-телефонисток просто за добросовестную работу. А за ранения без всяких рассуждений и бумаг давали ордена Красной звезды, Славы, а то и Красного Знамени. Может, уже тогда начальство догадывалось, что это будущий антисоветчик и любимец Замшева? Разве что…

* * *

Вообще-то, если говорить серьезно, эта книга вовсе не воспоминания о войне. Как правило, в ней не указывается ни время, ни место действия описываемых событий, а есть какая-то безымянная деревня, бесфамильный сослуживец, с потолка взятый факт… То есть это не воспоминание о конкретных событиях войны и ее участниках, а изложение того, как автор представляет себе события Великой Отечественной войны.

Так писал о войне и Солженицын. Помните? Ему хотелось, чтобы Сталин, выступая 3 июля по радио, едва не плакал – то ли от страха, то ли от безнадежности. Ну, если Сталин так плохо владел собой, что на него совсем не похоже, то ведь его речь в совершенно безукоризненном виде можно было записать на пленку и так передать по радио. Эта простейшая мысль не достигает светлой головы писателя, даже в трезвом виде называвшего себя «мечом Божьим».

Солженицыну блазнилось, и он писал в своем сборнике анекдотов «Архипелаг ГУЛаг», что наша армия отступала по 120 километров в день. И опять не хватало ума спросить себя: если по 120, то почему через две недели немцы не были в Москве, а ползли к ней чуть не полгода, во всяком случае, со своей мощной и быстроходной супертехникой карабкались гораздо дольше, чем Наполеон с пехтурой да конной тягой? А ведь оба вторжения начались с одной и той же границы, причем Наполеон-то перешел ее на два июньских дня позже.

А главное, оказался в Москве, в Кремле. А Гитлер? Именно под Москвой схлопотал первую за всю войну с 1939 года взбучку. И какую! Отправил домой, к женам, командующего группой армий Центр генерал-фельдмаршала фон Бока и еще десятка два генералов.

Вот и Никулину являются видения, подобные солженицынским:

«– Атаковать! – звонит Хозяин из Кремля.

– Атаковать! – телефонирует генерал из теплого кабинета.

– Атаковать! – приказывает полковник из теплой землянки».

Где? Когда? В какой ситуации? Ведь вполне возможно, что такая команда была и нужна, просто необходима. Его это не интересует. Изобразив такого рода картину, он хочет внушить нам, что атаковать всегда вредно, даже бесполезно. И как вы смеете не верить мне, четырежды раненному герою штурма рейхстага?

Или вот такая анонимная батальная сцена, предназначенная убедить олухов царя небесного, что Красная Армия не умела воевать: «Уже третий день (когда? Хоть бы год указал. – *В.Б.*) пехота штурмовала деревню (где она? Хоть бы фронт или область указал. – *В.Б.*). Сперва подошла одна дивизия, 6 тысяч человек. Через два часа осталось от них две тысячи (значит, погибли четыре тысячи. Он сам считал! – *В.Б.*). На другой день новая дивизия и остаток той (6 + 2 = 8 тысяч. – *В.Б.*) повторила атаку с тем же результатом», т. е. погибли еще четыре тысячи никулинских солдат. Но – «сегодня ввели в бой третью дивизию, и пехота опять залегла. Густая россыпь трусов нам хорошо видна…». Он наблюдает это откуда-то со сторонки. Почему сам не участвует в сражении, неизвестно. Итог таков: за три дня положили тысяч 12–15 солдат, а деревню так и не взяли. И это изображается как нечто типичное для Красной Армии, для всей Отечественной войны. Да что ж это за деревня? Может, там была Ставка Гитлера? Пока не установлено.

Иногда Никулин упоминает события, которые действительно имели место, например, упомянута ленинградская блокада… Но он, житель этого города, не знает даже, когда она началась.

Или: «В начале войны немецкие армии вошли в нашу страну, как раскаленный нож в масло… Кадровая армия погибла на границе…». Видеть это, а потом вспомнить в книге Никулин, попавший на Ленинградский или Карельский фронт, конечно, не мог, но где-то слышал или прочитал у какого-нибудь Марка Солонина.

«Кровь лилась и лилась… Весь 42 год лилась…». А в 1943-м перестала? Увы, на войне действительно льется кровь, и она лилась до мая 1945-го. Но Никулин странным образом видит только нашу кровь. А немцы, что, бескровно наступали? Вот что 3 июля, подводя двухнедельные итоги военных действий, записал в своем известном дневнике генерал-полковник Ф. Гальдер, начальник немецкого Генштаба: убито 11822 человека (в том числе 724 офицера), ранено 38809 (в т. ч. 1403

офицера). «Всего потеряно около 54000 человек (с. 93). А в Польше немцы потеряли убитыми 10600, ранеными 30300 (ИВМВ. С. 31)». Значит, всего 40900. То есть за две недели боев против Красной Армии потери немцев оказались почти на 15 тысяч больше, чем за всю войну с поляками, а главное, там такой ценой они в итоге захватили столицу, добились полной победы.

Но Гальдер – начальник Генерального штаба сухопутных войск, и приведенные им цифры относятся к этим войскам. А как в начале войны, хотя бы в те же первые две неделе обстояло дело в авиации?
В 1957 году у нас перевели книгу «Мировая война 1939–1945», вышедшую в ФРГ. И вот что писали там сами немцы, бывшие гитлеровские генералы и офицеры: «Потери немецкой авиации не были такими незначительными, как некоторые думают. За первые 14 дней боев (тех самых, потери которых подсчитывал и Гальдер. – *В.Б.*) было потеряно самолетов даже больше, чем в любой из таких же последующих отрезков времени. За эти первые две недели с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 июля по 19 июля – 477. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую нами внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного отпора» (с. 472). А эти 807 машин были, как известно, не беспилотники, так что к данным Гальдера о потерях живой силы надо кое-что еще приплюсовать… А на море разве можно было обойтись без потерь?

Вот какая картина в реальности. А то у нас часто твердят, что мы в первый день войны будто бы «безответно» потеряли 1200 самолетов, и только. Нет, несмотря на внезапность нападения, наши летчики и зенитчики в тот страшный день ответили немцам уничтожением около 200 их самолетов. Это, конечно, разница большая, но все же в этом можно видеть знак того, что немцев ждали впереди такие горести как бои в 1943 году над Кубанью, когда в небе сходились в беспощадной схватке сотни самолетов, и они, немцы, тогда окончательно потеряли господство в воздухе.

Так на самом деле выглядит раскаленный фашистский нож в нашем вологодском масле. Да, мы отступали, да, драгоценные, у нас большие потери, но все же в самые первые дни – оборона Брестской крепости, потом – 73 великих дня Одессы, потом – 250 героических дня Севастополя… И все это только в начале войны. Вы хоть слышали об этом?

* * *

Вашему Никулину мало действительных потерь соотечественников, он измышляет: «Кровь лилась и лилась. Так сгорело ленинградское ополчение. 200 тысяч лучших, цвет народа». Все 200 тысяч, как один, и погибли? У него и у Пиотровского никаких сомнений. Конечно, все!.. Да ведь так не бывает, олухи!.. В Ленинграде в июне-сентябре было

сформировано 10 дивизий народного ополчения и 16 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов (ВОВ, энциклопедия. 1985. С.479). Никулин истребил их всех поголовно, но их было все-таки не 200 желанных ему тысяч, а 135 (там же). Всего по стране записались в ополчение свыше 4 миллионов человек, после отбора по здоровью и возрасту для обучения осталось 2 миллиона.

Конечно, как и вся Красная Армия, эти дивизии несли в боях потери, а три из десяти ленинградских, вероятно, понесли особенно тяжелые, ибо были расформированы, но 7 дивизий в сентябре 1941-го года, когда началась блокада Ленинграда, были преобразованы в кадровые под номерами 13-я, 44-я, 56-я, 80-я, 85-я, 86-я и 189-я (там же).
И продолжали воевать. А всего в Красной Армии было 36 таких дивизий, из которых 26 прошли всю войну до конца, 8 стали гвардейскими… Вы, товарищ Пиотровский, в каких войсках служили? Не в военторге?

А Никулин, в сущности, излагает план немцев, их сладкие мечты. Они действительно планировали окружить и уничтожить наши войска у границы, захватить три главных города страны – Москву, Ленинград, Киев, и после этого – устроить парад победы на Красной площади. И все это в два-три месяца. Так до начала войны считал сам Гитлер. Но какие там месяцы!.. Уже 4 июля он заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл» (Ф. Гальдер. Военный дневник, с. 9). То же самое накануне, 3 июля, записал в своем дневнике и сам генерал Ф. Гальдер, умудренный военной наукой начальник Генерального штаба: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в 14 дней» (с. 79). Будет некоторым преувеличением, будет…

В этот день, 3 июля, как раз и выступил Сталин по радио, тогда он и возгласил: «Братья и сестры!.. Вперед, за нашу победу!».

А немцам из грандиозного плана удалось только одно: в конце сентября они захватили Киев. А ведь на то время планировали парад победы, уже и пригласительные билеты отпечатали… Блицкриг, на который была вся надежда, не удался. Тогда среди гитлеровских главарей и началась эпидемия самоубийств. Первым 14 ноября, еще до начала нашего контрнаступления 5 декабря под Москвой, застрелился генерал-полковник Люфтваффе Эрнст Удет…

И представьте себе, этот Никулин, сделав все, что ему позволила черепная коробка, чтобы опорочить Красную Армию и нашу Победу, тут же заявляет вроде бы с досадой: «Многие не понимают, почему русские победили». Да, многие из тех, кто читает о войне книги М. Солонина, Б. Соколова, Н. Сванидзе и этого самого Никулина, которого эксгумировали Пиотровский и Замшев.

Шакалы воют, а караван идет…

И смех, и грех

(воспоминания Даниила Гранина о войне)

Почти двадцать лет назад, 16 января 2001 года, по НТВ сообщили, что умер Герой социалистического труда и лауреат Ленинской премии старый писатель Даниил Александрович Гранин. Удивляться не приходилось: он был стар. И дали репортаж с похорон. Мы видели и покойника в гробу, утопающего в цветах, и плачущих родственников, и скорбящих друзей, и лилась траурная музыка…

Все как полагается. Но шло время, а в «Литературной газете» некролог почему-то не появлялся. В чем дело? И смех, и грех: оказалось, что в гробу лежал не тот Герой и лауреат, а другой – известный ученый академик Виталий Иосифович Гольданский, умерший на 78-м году. Гранин же, которому шел 83-й год, слава Богу, был жив-здоров и продолжал писать романы, давать интервью и путешествовать…
В физической химии известен эффект Гольданского-Карагина. А тут был трагикомический эффект Гольданского-Гранина. Разве это удивительно для НТВ? Там и коммунизм давно похоронили, и о советской власти панихиду отслужили, и свечку за упокой нашей Победы поставили…

Говорят, что после такой ошибочно объявленной его смерти человек живет очень долго. И действительно, Гранин дожил до 98 лет. Он, как ни в чем ни бывало, в миллионнотиражных изданиях, таких как «Российская газета» да «Аргументы и факты», разъяснял нам, что такое Великая Отечественная война, почему мы победили, какие были созданы «ложные мифы» о войне и т. д. Как же! Надо было внести свой вклад.

Мы рассмотрим этот вклад, но прежде поучительно вдуматься в такое общего характера заявление автора о нашей стране, о нашем народе: «Нас всегда боялись и потому ненавидели». Так уж и всегда? Да, можно сказать, что золотоордынские ханы Батый, Мамай и крымский хан Давлет-Гирей, поляк Болеслав Храбрый, швед Карл XII, Наполеон и Гитлер действительно ненавидели нашу страну и наш народ, но ведь не боялись же, если шли на нас войной, сметая все на своем пути.

А вспомним годы Второй мировой войны и Великой Отечественной. Кто нас тогда ненавидел? Только немцы да их прислужники. А все народы мира смотрели на нашу страну и на Красную Армию как на единственную силу, которая может спасти от фашистского рабства. Наше сопротивление немецкому фашизму, а потом и разгром его вызвали восхищение всего человечества. Тогда не только в СССР, но и во всем мире царил культ личности Сталина и культ народа России. Полистайте хотя бы переписку тех лет Рузвельта и Черчилля со Сталиным. Какие там восторги западных руководителей!

А двадцать четыре года до войны и эпоха после нее? СССР был ярким маяком надежды для трудящихся и всех честных людей мира.

В 1977 году к 60-летию Октябрьской революции у нас был издан фундаментальный двухтомник «Я видел будущее». В нем собраны разных времен статьи, речи, воспоминания о Советском Союзе, о наших людях, об Отечественной войне многих писателей, художников, артистов обоих полушарий, большинство которых в ту или иную пору побывали у нас. Там американец Эрскин Колдуэлл, англичанин Джеймс Олдридж, немец Эрих Вайнерт, француз Жан-Ришар Блок, румын Михаил Садовяну, исландец Халдор Лакснес, ирландец Шон О'Кейси, чилиец Пабло Неруда, итальянец Карло Леви, бразилец Жоржи Амаду, поляк Леон Кручковский… Десятки знаменитых имен того времени. И какие там высокие прекрасные слова уважения к нашей стране, любви к нашему народу.

* * *

Но Гранин продолжал свое: «И это понятно». Ему была понятна придуманная им всеобщая и вечная ненависть к нашей родине! Да почему же? А вот: «Страны Европы жили и развивались во взаимосвязи друг с другом». Только развивались! И не желает он знать, что это безмятежное «развитие» и эта замечательная «взаимосвязь» доходили до Семилетней войны, в которой чуть не дюжина «стран Европы» потрошили друг друга, до Тридцатилетней, а была еще и Столетняя война между доброй Англией и прекрасной Францией. Я уж не говорю о двух мировых войнах, вспыхнувших не где-нибудь, а в Европе.

Нет, говорит, там только развитие да взаимосвязь. «Мы же всегда жили замкнутой жизнью». Замкнутой? Позвольте, сударь, но русское «развитие» доходило до того, что наша княжна становилась королевой Франции. А что за сочинение «Хождение за три моря»? Это рассказ тверского купца Афанасия Никитина как он во второй половине 15 века побывал в Индии, посетив попутно Персию, Африку, Турцию.

Нет, нет, говорит, «выезд за границу и из царской России был большой проблемой». А вы хотели бы безо всяких проблем? Да они всюду. Но что мы видим, если взять даже только одних писателей? Ломоносов прожил в Германии пять лет, да еще и жену оттуда привез в Петербург. А уж позже-то! Герцен и Огарев, Гоголь и Достоевский, Чехов и Короленко, Горький и Блок, Бунин, Маяковский, и Эренбург… И это только широко известные имена. Мережковские даже квартиру имели в Париже.
А художники – от Брюллова и Александра Иванова до Репина…
В советское же время выезжали за бугор и театры, и ансамбли, и отдельные артисты, и ученые, и спортсмены, и, опять же, писатели. Перечислить? Места не хватит.

Но одну цитатку приведу. 14 сентября 1945 года Сталин в конце телеграммы Молотову, находившемуся в Лондоне на совещании министров иностранных дел, писал: «Можешь ответить англичанам, что их пожелание относительно приезда наших футболистов, а также оперно-балетной группы не вызывает возражений» (т.16, ч.1, с.13).

И в начале ноября московское «Динамо» явилось в Британию. Наши футболисты в Лондоне и других городах встретились с четырьмя лучшими командами Англии, Шотландии и Уэльса, в том числе с командой «Челси», ныне купленной Абрамовичем. Тогда эта работорговля никому и на ум не приходила. По всем данным мы должны были проиграть футболистам родины футбола, мы были обречены.
И что же было на деле? Две игры мы выиграли, две – вничью. На играх побывало 275 тысяч зрителей. А общий счет – 19:9 в нашу пользу. И это всего через несколько месяцев после окончания войны, с которой наши футболисты только что вернулись.

Вот такая наша замкнутость. Но, между прочим, ведь ее можно преодолевать, и не выезжая никуда. Именно такой отрадный эффект давали нам многочисленные огромных тиражей издания мировой литературной классики, а также ответные посещения нашей страны известными писателями, артистами, художниками, начиная с Герберта Уэллса, встречавшегося и с Лениным и со Сталиным.

Где Гранин прожил свои сто лет, если ни о чем подобном не знал? Он писал, что при демократии «мы по телевизору смотрим американские фильмы, ходим на выставки европейских художников, читаем книги заграничных авторов». А прежде не читали? Но тут есть большая разница: прежде через разумный, высокогуманный и нравственный фильтр, который вы называете «железным занавесом», в советскую страну поступали лучшие произведения современного искусства, сюда приезжали такие их творцы как Хемингуэй, Поль Робсон, Рокуэлл Кент, а теперь в настежь распахнутые ворота нескончаемым потоком прут шедевры вроде фильма «Мастера секса», где во всех четырех сериях нет никакого занавеса. Любуйтесь!..

* * *

Но обратимся, наконец, к главной теме размышлений Гранина – к войне. Елена Боброва, журналистка «Российской газеты», сказала когда-то перед беседой с Граниным, что «его книги причисляли к «лейтенантской военной прозе»». Кто причислял? Никто, ибо «лейтенантская проза» – это Виктор Некрасов, Юрий Бондарев, Григорий Бакланов… И когда выходили их книги, Гранин писал о чем угодно, но не о войне, видимо, полагая, что его опыта комсомольской работы на фронте и двух училищ за годы войны маловато. Он развернулся и стал главным авторитетом по Великой Отечественной войне только после краха СССР.

Приходится признать, что Гранину, увы, не шибко повезло с собеседницей. Она была плоховато осведомлена не только в «лейтенантской прозе», Гранину пришлось услышать от нее и такое: «У нас в стране в ХХ веке постулировалось (словцо-то!), что «и кухарка может управлять государством»».

Гранин пропустил этот афоризм мимо ушей, а нам интересно, это кто же постулировал? Ах, да что там! Это застенчиво-наглый намек на известное высказывание В.И. Ленина, которое демократы превратили в лжецитату и замусолили до лоска. Но, мадам, ведь Ленин говорил нечто совсем иное, даже прямо противоположное. А именно: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, вести будничную ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления начато было немедленно, т. е. чтобы к этому обучения немедленно начали привлекать трудящихся, бедноту». (Удержат ли большевики государственную власть? ПСС. Т.34, с.305).

Но с кухарками дело давнее, обратимся к вопросу, который интересовал Гранина: почему мы победили в Великой Отечественной войне? По всем данным, говорил писатель, войну мы должны были проиграть. Это его излюбленная мысль, он ее огласил еще в давнем фильме о войне телеведущей Светланы Сорокиной, которой однажды вздумалось превзойти своего коллегу Алексея Пивоварова. Ныне оба они куда-то сгинули.

Позже писатель опять повторил: «Как случилось, что, обреченные потерпеть поражение, мы, тем не менее, победили?» (РГ, 25 марта 2015). Это почему же обреченные, по каким данным? По экономическим? Но еще в конце 30-х годов наша страна в этом отношении вышла на первое место в Европе. По историческим? Да, Россия иногда терпела поражения в войнах, так сказать, локального характера – в Крымской кампании, в войне с Японией, в польской агрессии 1920 года, но все полновесные нашествия всегда кончались крахом захватчика и его изгнанием, даже если он захватывал столицу, как поляки в 1612 году и французы в 1812-м. Такая судьба постигла и татаро-монголов, и тех же поляков и французов, и Антанту в купе с Деникиным, дошедшим с юга до Орла, и с Колчаком, дошедшим с востока до Екатеринбурга.

По каким же данным еще? По недостатку квалифицированных военных кадров или боевого опыта у них? Но в стране было достаточно и военных учебных заведений, в том числе несколько академий, и офицеров, имевших опыт кто Первой мировой или Гражданской войн, кто – боев на озере Хасан и Халхин-Голе, кто – Гражданской войны в Испании, кто, наконец, – войны с Финляндией. Были офицеры с опытом и нескольких войн или те, у кого были за спиной несколько кампаний.

Некоторые из военных операций были краткосрочны, и, конечно, их опыт далеко не то, что самый свежий двухлетний опыт немецких войск, именно войск, всего вермахта, а не только командного состава, но все

же. А численно к началу войны Красная Армия возросла до 5 миллионов солдат и офицеров.

Наконец, что ж, может, по недостатку патриотизма мы были обречены? Но этот вопрос дали веский ответ тысячи и тысячи добровольцев, пошедших на фронт в первые же дни войны, не говоря уже обо всем другом общеизвестном. Только в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения, в Ленинграде – 10.

Пожалуй, остается лишь один довод: Гитлер разгромил и захватил 10 стран. Что же может помешать ему разгромить 11-ю? Но Гранин этого арифметического довода не приводил, видно, стеснялся.

Он говорил о другом: «Ведь была отдана (не отдана, сударь, а захвачена, и очень часто – после боев, изумлявших немцев своим упорством, ожесточенностью, бесстрашием. – *В.Б.*) вся Украина, вся Белоруссия, большая часть России…». Да, это так. А когда немцы устремились уже к Волге, Сталин в приказе № 227 все это назвал и подчеркнул, что у нас уже нет превосходства над Германией и по численности населения. Тем более, что ведь в одном ряду с немцами против нас воевали и войска Финляндии, Румынии, Италии, Испании, Франции, других стран, а почти вся Европа снабжала Германию оружием, техникой, продовольствием.

И ошибался Гранин, когда заявлял: «Люди (наши) погибали безо всякой надежды, что их смерть не напрасна». С чего он взял? Откуда возникнуть такому чувству, допустим, у летчика Виктора Талалихина, если, погибая, он знал, что успел уничтожить несколько немецких самолетов? Неужели он, как и множество других наших воинов, которые погибли, но дали крепкий отпор врагу, не понимал, что его смерть, конечно же, не напрасна?

И еще раз задавшись вопросом: «Почему (наша) страна все-таки выстояла?», писатель заявил: «Мы победили по ряду причин. Потому, что на нашей стороне была зима…». Ну, это старая побасенка: будто зима немцев морозила и выводила из строя их технику, а нас она грела, техника же наша только при больших морозах и работала. Или словно мы воевали с сенегальцами, которые никогда и снега не видали.

Но Даниил Александрович звал на помощь Александра Сергеевича Пушкина:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима или русский Бог?

Ну, во-первых, почему назван Барклай, командующий 1-й армией, когда главнокомандующим был Кутузов? К тому же после Бородинского

сражения, в котором, командуя правым крылом и центром наших войск, Барклай показал себя отменно, но вскоре, в сентябре, по болезни отбыл из армии и вернулся только в феврале 1813 года, уже после изгнания Наполеона. В другом стихотворении Пушкин говорит о главной роли именно Кутузова:

Народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!». Ты встал и спас.

Во-вторых, все главные сражения, в том числе Бородинское, произошли не зимой, а летом, и отступление из теплых квартир Москвы французы начали не зимой, а осенью. Так что зима нам не помогала, мусье не мерзли, им было даже очень жарко. А морозы прихватили их далеконько от Москвы, когда песенка нашествия была уже спета.

* * *

А главное, Гранин уверял: «Пушкин остановился на последнем», иначе говоря, он, мол, считал, что нам помог «русский Бог». «То есть чудо, – говорил Гранин. – И я тоже считаю, что мы выиграли войну чудом». И, заметив между делом, что он «не атеист, и не верующий», писатель присовокупил: «Один из руководителей русской церкви отец Илларион тоже пишет: это чудо, что мы выиграли войну» (Великую Отечественную).

Оставим в покое отца Иллариона, у нас разные компании, но из чего видно, что Пушкин-то «остановился на последнем», т. е. на Боге, на чуде? Не логичнее ли считать его ответом на заданный себе вопрос то, что он назвал в первую очередь – «остервенение народа»? Именно это имел в виду и Толстой, когда писал о русской «дубине народной войны» против французской шпаги. А мороз только добивал уже разбитых французов в 1812 году, как и немцев в 1941-м.

Писатель Гранин мог бы во всем этом разобраться основательней.

Обе лучше!

Итак, свершилось: в Ленинграде президент Путин открыл памятник писателю Даниилу Гранину, Герою социалистического труда, почетному гражданину Петербурга. «Судьба Гранина, судьба нашего выдающегося соотечественника и современника, – сказал президент, – была неразрывно связана с Ленинградом, с Петербургом. И сам он, его личность, впитали лучшие черты его родного города. Потому что этот город, безусловно, стал для него родным».

Путин, сообщает пресса, назвал Гранина подлинным русским интеллигентом, выдающимся мыслителем, честным, совестливым и порядочным человеком, которому в своих произведениях писателю удалось отразить события почти всего XX века. «Он заслужил признание и любовь, уважение миллионов людей. При этом никогда не останавливался в своем творческом и духовном поиске. Как и многие герои его книг, он стремился к познанию, к истине».

Российский лидер напомнил, – читаем дальше, – что Гранин ушел на Великую Отечественную войну добровольцем. Защищал Ленинград в самые тяжелые дни блокады. «После войны посвятил себя творчеству, напоминая людям о милосердии и человеколюбии». Завершив свою речь, Путин вместе с дочерью Гранина возложил к памятнику писателю букет алых роз.

«Литературная газета» сообщает: «Инициатива сооружения монумента принадлежит Российскому военно-патриотическому обществу». Это и заставляет меня вернуться еще раз к новому монументу, ибо накануне знаменательного юбилея великой Победы советского народа над немецким фашизмом важно сказать нужное слово именно о военной истории, об истории Великой Отечественной воны.

*** * ***

Что ж, прекрасно. Мы услышали: истинный русский интеллигент, мыслитель, совестливый человеколюб, стремился к истине, с ним была любовь миллионов…

Что еще можно добавить? Только вот насчет подлинного русского интеллигента… Не совсем подлинный. Он писал в анкетах, что украинец. И насчет добровольца…. Согласно указу Президиума Верховного совета от 22 июня 1941 года Гранин по возрасту подлежал мобилизации в первые дни войны. Не совсем правильно утверждение и тех, кто уверяет, что писатель начал войну рядовым, а закончил капитаном. Нет, до войны он работал секретарем комитета комсомола знаменитого Кировского (Путиловского) завода, т. е. был крупным комсомольским работником, и в армии он сразу получил звание капитана. В этом звании еще в октябре 1944 года он и демобилизовался.

Да, ныне, в такой знаменательный час, нельзя не вспомнить некоторые странные суждения мыслителя-фроновика о войнах вообще и о Великой Отечественной в том числе.

Однажды, например, мыслитель заявил: «Правда о войне всегда меняется». Это как понимать? Что за два века изменились в правде о войне 1812 года? Конечно, что-то могло быть уточнено, дополнено, но ведь не об этом же речь… Я знаю только две попытки изменить давно известную правду об этой войне и внедрить новую. Первую совершил известный «меч Божий» Солженицын. В своем несправедливо забытом «Архипелаге» он уверял: «Из-за полесских лесов и ильменских болот

Наполеон не нашел Москвы» (Париж, 1973. YMCA-PRESS. Т.1, с.387). Так что, выходит, никакого Бородинского сражения, никакого пожара Москвы, никакой Березины и гибели великой армии двунадесяти языков не было и быть не могло. Уперся Наполеон в болота и повернул обратно, в любимый Париж. Ну, это кардинально… Выходит, и Пушкин фантазировал:

Напрасно ждал Наполеон,
Последней славой упоенный,
Москвы коленопреклоненной.
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою…

И Лермонтов неизвестно зачем тормошил какого-то старца:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром…

Все это выдумки, твердит нам тот, кто сочинил полубессмертный «Архипелаг». Действительно, сей неожиданный пассаж о болотах дает основание задуматься, кто же автор: взрослый человек с высшим образованием не мог не знать то, что знает у нас любой школьник, а вот какой-нибудь писака из ЦРУ вполне мог не знать то, что знает мой внук Ваня.

Второй факт новой правды об этой войне соорудил сам Гранин, утверждая, что армия Наполеона была армией жутко совестливых, стыдливых, честных людей. И в знаменитом романе «Война и мир» именно такими они и показаны. «Французы для Толстого, – уверял Даниил Александрович – были не только оккупантами, но и людьми, которые страдали, мучились. Толстой относился к французам как к несчастным людям, втянутым в кровопролитие».

Со страниц «Завтра» я тогда попросил будущий памятник назвать в романе образ хоть одного французского оккупанта, который страдал бы и мучился, грабя и убивая русских людей, а Толстой жалел его. Выдающийся русский интеллигент не ответил, не назвал пусть бы одного завалящего французика из Бордо. Да и не мог – нет таких в великом романе. И я высказал предположение: довелось ли Гранину за долгую жизнь прочитать великий роман Толстого?..

В другой раз мыслитель поведал: «Каждая война рано или поздно становится грязной». Каждая!.. Ну, во-первых, бывали войны, которые не

рано или поздно, а с самого начала, даже с замысла были грязными. Таковы нашествие Наполеона и Гитлера на нашу родину, нападение Японии на Китай в 1931 году, трехлетняя агрессия США против Кореи, начатая в 1950 году, с 1959 года длившаяся 15 лет война против Вьетнама и другие кровавые бесчинства США против стран аж на другой стороне земного шара от них, в которых им абсолютно нечего было делать, – против Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии…

А когда же стала грязной Великая Отечественная война, спасшая мир от рабства – не с того ли момента, как Гранин за полгода до ее окончания демобилизовался? Или все-таки успел поучаствовать в грязной войне? Очень странно, однако кумир миллионов не понимал, что все освободительные войны, отпор и изгнание любого захватчика – это благороднейшее дело. Такими и были наши войны против Наполеона и Гитлера, как и позорное изгнание японцев из Китая и американцев из Кореи и Вьетнама.

*** * ***

После всего этого мы услышали от искателя истины еще и такое: «У нас история войны обросла враньем». Это кто же постарался? Кто эти лжецы? Шолохов в романе «Они сражались за родину», в рассказе «Судьба человека» и в статье «Наука ненависти»? Алексей Толстой в «Рассказах Ивана Сударева» и в «Русском характере»? Тихонов в поэме «Киров с нами»? Фадеев в «Молодой гвардии»? Леонов в пьесах «Нашествие» и «Взятие Великошумска»? Эренбург в пламенной и почти ежедневной в пору войны публицистике? Твардовский в «Василии Теркине»? Светлов хотя бы в стихотворении «Итальянец»? Антокольский в поэме «Сын»? Соболев в «Морской душе»? Корнейчук в пьесе «Фронт»? Или Симонов в повести «Дни и ночи», в двухтомнике военных дневников и в таких стихах, как эти:

Опять мы отходим, товарищ.
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной…

Или Некрасов «В окопах Сталинграда»? Бондарев в повестях «Горячий снег» и «Батальоны просят огня»? Сергей Смирнов в «Брестской крепости»? Константин Воробьев в «Убиты под Москвой» и «Это мы, Господи!», Гудзенко, Павел Шубин или Юрий Белаш в стихах? Вершигора в «Людях с чистой совестью»? Полевой в «Повести о настоящем человеке»? Или Ковпак в воспоминаниях «От Путивля до Карпат»? Или Медведев в «Сильных духом»?

Или врали Шостакович в Седьмой симфонии, Калатозов в фильме «Летят журавли», Чухрай в «Балладе о солдате»? Или неправду показали художники Корин и Дейнеко, Пластов и Кривоногов?

Ну, назвал бы хоть одно имечко, книгу, картину, фильм! Надо же и кумиру миллионов отвечать за свои слова. Некоторые из перечисленных имен и произведений были упомянуты в написанной вместе с А. Адамовичем «Блокадной книге» с почтением и уважением, как честные, правдивые свидетельства о войне. Так это же в советское время. А потом это стало для него враньем!

Охотники извратить и оболгать историю Великой Отечественной, действительно, есть и всегда были, но в советское время им не давали хода, а теперь за такую клевету дают ордена, премии, даже ставят памятники. Думаю, что и на Западе не решились бы лгать о войне, если бы не российские клеветники-первопроходцы, прежде всего Хрущев, а потом Волкогонов, Радзинский, Сванидзе, Млечин, Б. Соколов, Солонин и другие. После них на Западе рассудили просто: уж если русские сами такое вытворяют со своей Победой, то почему же нам не воспользоваться, не побежать вслед? И побежали, и потрусили, и поползли – молча мимо наших побед и с увеличительным стеклом, направленным на наши неудачи. Прав президент Ассоциации музыкальных театров страны Юрий Александров, сказавший: «Формально Вторая мировая война закончилась, а фактически нет. Если раньше убивали тело, то теперь – душу».

И вот на круглом столе, посвященном войне, писатель Евгений Водолазкин где-то у кого-то усмотрел «вранье и фальшь» о Великой Отечественной войне, но что именно и кого он имел в виду, понять из текста статьи об этой встрече нельзя – в ней нет имен и фактов.

Вспоминается при этом такой факт из праведной жизни самого Водолазкина. 8 мая 2009 года он писал в «Новой газете», что во время блокады Ленинграда А.А. Жданову, главному руководителю обороны города, спецрейсами доставляли самолетами ананасы. Он без них, дескать, жить не мог! Но почему же многими рейсами? Ведь можно было одним рейсом на всю блокаду обеспечить… И сказана эта чушь с такой уверенностью, словно те ананасы росли на персональном огороде самого Водолазкина, он сам и самолет вел. Ведь тут не просто глупое вранье. После этого надо не приглашать за круглый стол, а посадить под кухонный и там пять лет кормить солеными ананасами.

****

Сильно удивило и выступление директора Института русской литературы Академии Наук Всеволода Багно. Он уверял, что «не в столь давние времена чиновники с партбилетами диктовали, скажем, Ольге Берггольц, что на войну надо смотреть, отдавая предпочтение победным мотивам». От таких «мотивов» у Багно с души воротит, он, видите ли, считает, что

надо «отдавать предпочтение» «мотивам» неудач, поражений. Да известно ли ему, кто и где подписал акт о безоговорочной капитуляции?..

В обстоятельном повествовании о войне, конечно, должен быть «мотив» наших неудач и просчетов, но в полный голос надо говорить прежде всего о нашей великой Победе. А Ольге Берггольц никто ничего не диктовал. Вот строки, которыми она встретила войну:

Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье —
Родина! Возьми их у меня…

Это могли продиктовать ей только русские небеса.

А кто мог продиктовать это:

125 блокадных грамм
С огнем и кровью пополам…

Попробуйте диктовать такому поэту, такой женщине. Я-то знал ее… Ольга Федоровна была голосом блокадного Ленинграда… Она умерла сорок пять лет тому назад, и уж вот кто действительно достоин памятника.

Так почему же Гранин, сокрушаясь о чьем-то вранье про войну, никого не назвал хотя бы во время этого круглого стола, почему не защитил хотя бы Ольгу Берггольц как почетный гражданин Ленинграда – ленинградку? Почему? Да потому что не смел, трусил, и потому, что вранье Водолазкина вполне соответствовало по духу его собственному вранью.

За этим «круглом столом» писатель рассказал, что недавно встретился с бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, его ровесником, в годы войны солдатом вермахта, участвовавшем в блокаде Ленинграда. Он считает его человеком мудрым и симпатизирующим нашей стране.
И спросил мудреца: «Почему вы проиграли войну, хотя могли выиграть? Почему победили мы?». Он до сих пор был уверен, что они могли.

Я думаю, что такой вопрос бывшего советского офицера и советского писателя бывшему солдату вермахта очень удивил многих читателей. Вы подумайте, ему страшно хотелось допытаться, почему же фашисты не разгромили Красную Армию, в которой он служил, и не поработили его родину!..

Что же ответил бывший солдат вермахта? Он сказал: «Вы победили потому, что в войну вступила Америка». И что Гранин? Промолчал. Не посмел сказать: а где она была, могучая Америка, в 1941-м, когда мы, отступая, обливались кровью; в 1942-м, когда мы погнали немцев;

в 1943-м, когда мы гнали и гнали их, уже не надеясь на Америку; где она была до лета 1944-го года, когда мы уже освободили почти всю нашу землю и готовились вступить в Неметчину? Где? Где? Где?..

Не решился кумир спросить и о том хотя бы, кто Берлин-то взял?..

Я молчанию этого интеллигента не удивился потому, что мне памятны его совсем не интеллигентные суждения о войне и о литературе о войнах…

* * *

Президент Путин сказал, что Гранин защищал Ленинград, что он почетный гражданин Петербурга. Да, это высокое звание он получил, когда губернатором была Валентина Матвиенко, может быть, даже читавшая его книги. Но странные вещи говорил иногда защитник Ленинграда и его почетный гражданин именно о любимом городе в пору войны.

Видимо, как один из самых доблестных участников войны и как самый большой знаток ее истории, Гранин однажды был приглашен в Германию, и вот что он сказал там в бундестаге: «Когда на Ладожском озере лед окреп, по нему проложили Дорогу жизни и началась эвакуация». Началась?.. Да неужели Жданов, командующие Ленинградским фронтом Ворошилов, потом генералы Жуков, Говоров и другие руководящие товарищи не догадывались, что ведь можно эвакуировать и по воде? Существовала же Ладожская военная флотилия, в августе 1941 года в ней насчитывалось 66 кораблей и катеров, даже имелась одна подводная лодка. Да еще, надо полагать, были на озере и гражданские суда. А авиация? И помянутые товарищи не соображали, что все это можно использовать, ждали ледовой дороги? Ведь она, как известно, была открыта лишь 22 ноября 1941 года. Вот только тогда и началась эвакуация? Господи, даже в таком деле – вранье!.. Эвакуация началась за два с лишним месяца до блокады – 29 июня 1941 года, на пятый день после того, как был создан Совет по эвакуации при правительстве (А. Волынец. А. Жданов. ЖЗЛ. 2013. Стр. 333).

И дальше: «Пока не растаял лед на Ладожском озере, удалось эвакуировать 376 тысяч человек». И все? И только? Откуда эта цифра? А куда флотилия делась? Чем занималась? Почетный гражданин Санкт-Петербурга обязан был знать, что эвакуация проводилась и зимой, и летом, и по воде, и по льду, и по воздуху. Всего было эвакуировано около 1 миллиона 700 тысяч человек, в том числе немало самолетами (ВОВ. Энциклопедия. М.1985. С. 401). Именно самолетом, между прочим, вывезли Анну Ахматову.

Гранин старательно вешал недоброкачественную лапшу на большие уши немецким парламентариям и тогда, когда рассказывал им и об одной операции Ленинградского и Волховского фронтов: «Синявинская

операция длилась до конца октября. Ничего не получилось с прорывом блокады. Наши войска потеряли 130 тысяч человек». Как потеряли? Ведь потери бывают разные: убитыми, ранеными, умершими от болезней. Он не желал уточнять и сказал так, словно 130 тысяч – это бесспорные потери убитыми. Но, во-первых, Синявинских операций было две: 1941 и 1942 года. Он говорил о первой, которая началась 10 сентября – сразу после того, как немцы 8 сентября захватили Шлиссельбург и замкнули блокаду Ленинграда с суши. Это была первая поспешная попытка ее прорыва, она не удалась. Но в ней участвовали только 54 отдельная армия, которой командовал маршал Кулик, и Невская оперативная группа, они прорывались навстречу друг другу. И войск с обеих сторон было у нас в целом 71 270 солдат и офицеров. А у этого фронтовика-мыслителя одних только убитых почти в два раза больше! Но на самом деле безвозвратные потери в этой тяжелой операции составили 22 211 человек (Г.Ф. Кривошеев и др. Книга потерь. М. 2009. С.178). Он эту цифру преувеличил почти в шесть раз. Размах солженицынский. Словом, дорогой гость из России рассказывал немцам о вещах, о которых не имел никакого представления.

Впрочем, конечно, любой человек может ошибаться, но Гранин все время, долгие годы круто ошибался только в одну сторону – против Кранной Армии, против своего народа. Это дает основание говорить, что мы имеем дело не только с ошибками и плохим знанием предмета, а с обдуманным, сознательным искажением правды. Министр культуры В. Мединский не постеснялся назвать подобные измышления мыслителя «циничным враньем». Депутат Ленинградской Думы Ю. Вишневский потребовал от министра извинений, но он не принес их и имел на это полное моральное право. Это несколько скрашивает участие Мединского в установлении мемориальной доски Маннергейму в Ленинграде. Однако Мединский присутствовал при открытии памятника циничному вралю Гранину. Нетрудно догадаться, как министр себя при этом чувствовал, что думал.

В бундестаге Гранин заявил еще, что «противник мог войти (!) в город», т. е. захватить его. Так почему же не «вошел»? Оказывается, только потому, что понимал: «город и солдаты будут стоять насмерть». А разве в других городах немцев с цветами встречали? Так ведь и в Одессе два с половиной месяца, и в Севастополе больше восьми месяцев стояли насмерть, но немцы все-таки в конце концов «вошли»; и в Сталинград хотели во что бы то ни стало «войти», и «вошли», но, увы, не смогли выйти. Немцы под Ленинградом не знали, что ли, все это? За кого же писатель держит их?..

«Восемнадцатая армия фон Лееба, – просвещал немцев Гранин, – отбивала все попытки прорвать оборону». Как это? В обороне был город и Ленинградский фронт. А генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб блокировал Ленинград и не армией командовал, как можно подумать, а группой армий «Север», в которую помимо 18-й входили еще 16 армия и

4-я танковая группа, всего это 29 дивизий, из коих 6 танковых да еще 1-й воздушный флот – 760 самолетов. И все-таки эти огромные силы прорвать оборону Ленинграда не смогли. В январе 1942 года Лееб был смещен…

Гранин обличал: «Наша пропаганда нравственных запретов не имела». Да, ваша гранинско-солженицынская пропаганда, маэстро, сказал я ему тогда, действительно не имеет никаких запретов. И вот еще пример этого. Дико читать, что немцы, зная о высокой смертности в Ленинграде, радовались и тому еще, что «не надо будет никого кормить». Им – кормить!.. Так мог сказать только человек, имеющий совершенно нелепое представление о том, что это за война была. Это мы, освобождая от фашистов немецкие города, кормили немцев из своих походных кухонь, прежде всего – детей и стариков. У нас в роте было два повара – Годин и Роберман (имена забыл). И я видел, я помню, как в Кенигсберге, в районе Ротенштайн, где мы стояли, они кормили несчастных немецких пацанов… А кого, когда, где накормили фашисты? Они грабили и убивали. И только.

Известно заявление Геринга в первые дни войны, что, да, в этом году погибнет от голода 30 миллионов русских. Весьма примечательно, что в 1991 году именно эту цифру назвал и наш доморощенный Геринг по имени Чубайс: погибающие сами виноваты – они не вписались в его реформы.

* * *

Если вернуться к тому, что мыслитель говорил не об отдельных операциях, а о войне в целом, то опять вспоминаются его пророчества: «По всем данным, войну с Германией мы должны были проиграть!»… «Все преимущества были на стороне немцев, мы потеряли полстраны…»… «Я помню чувство отчаяния, с которым мы жили, те тяжелые вопросы самим себе – почему так произошло, ведь с Гитлером мы недавно братались?» Хватит?..

Однако, во-первых, никакого братания с Гитлером, с немцами не было, были деловые отношения: мы – вам, вы – нам. Неужели взрослый человек, секретарь комитета комсомола большого ленинградского завода не понимал этого, не понимал, что тут были всего лишь вынужденные политические манипуляции?

«Одолевало чувство несправедливости, разочарования – почему мы такие беззащитные, плохо вооруженные, с плохим командованием?» Какой скулеж! Какое вранье! От кого он ждал справедливости – от Гитлера, что ли? В ком разочаровался – в Геббельсе?

Насчет качества оружия и военной техники в начальную пору войны были затруднения. Но вскоре мы получили такое оружие, что немцы, как ни старались, так до конца войны и не смогли перенять его. Например, такие знаменитые дары нашей науки и техники как многоствольный

ракетный миномет «Катюша», танк Т-34, самолет Ил-2. Со временем мы превзошли врага и по количеству первоклассного оружия.

А командование… С большим опозданием, только в марте 1945 года, но Гитлер и Геббельс просто восхищались нашим генералитетом, ставя его гораздо выше собственного.

А если не на генеральском уровне, то я могу назвать хорошо памятных мне офицеров своей части и тех, кому мы подчинялись: полковник Горбаренко, майор Амбрузов, капитаны Шуст и Ванеев, старшие лейтенанты Ищенко, Требух и Пименов, лейтенант Павлов, недавно умерший в Алуште, мы с ним и перезванивались, и виделись не раз в Крыму; лейтенанты Михайлин, Дунюшкин, Этктнд, Гудков, Губайдуллин, Аладушкин… И я совершенно согласен с Геббельсом и Гитлером, готов дополнить их: все названные мной – знающие свое дело умелые офицеры, ни об одном не могу сказать ни единого дурного слова.

А вот еще одно кардинальное открытие: оказывается, на войне бывает страшно, а мы будто бы это скрывали. От кого? Он же бесстрашно рисуете правду о войне: «настоящий страх, страх жутчайший настиг меня… Я мчался, словно по пятам за мной гнались. Ни разу не оглянулся, смотрел только на впереди бегущих, обгоняя одного за другим…». То есть возглавил бегство.

«Я что-то орал, кому-то грозил…» Ну, это уже паника. За такое паникерство могли и пристрелить, как описано, например, в стихотворении Юрия Белаша:

– Стой, зараза! – сержант закричал,
Угрожающе клацнув затвором…
– Стой! Кому говорю!..
Без разбора,
Трус охваченный страхом, скакал…
Хлопнул выстрел – бежавший упал.
Немцы были уже в ста шагах…

Об этом же есть прекрасное стихотворение у Юлии Друниной:

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
Его за этих двух лишь тот осудит,

Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что… смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз читала письма людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

Сурово, жестоко… А что было делать!..

Впрочем, критик А. Турков был в восторге от панического бегства, описанного Граниным: вот, мол, она, правда жизни-то. Конечно, были люди, которые, когда можно было не бежать, все-таки бежали; были и обстоятельства, когда нельзя было не бежать. Но ведь, с одной стороны, были люди, и их много, которые и в самые страшные часы не бежали… С другой, попозже и немцы до самого Рейхстага бежали, ползли, карабкались, землю грызли… Вот описать бы. Но это никогда не интересовал Гранина. Нет, он хотел размусолить картину нашего, вернее, своего героя бегства: «Последнее, что я видел (на бегу), это как Подрезов стоял во весь рост в окопе, стрелял и матерился. Выжить он не мог. Да он и не хотел выжить, это я знаю точно, ему обрыдла такая война, бегство…».

Вот ведь картина! Будто вся война именно такой и была – сплошное бегство. А Подрезов, сознательно идущий на смерть… Допустим, что так. Однако, что же было бы, если и другие не хотели жить и сражаться в ту отчаянную пору?

Но вопреки всей нашей изначальной безнадежности, объявленной еще в 1941 году и военным министром США Генри Стимсоном, дававшим нам на сопротивление два месяца, Советский Союз однако же победил. Как это случилось? Ведь однажды Гранин уверял даже вот в чем: «Я видел, что ленинградцы шли на фронт с косами». Да где было в 1941 году взять косы в Ленинграде хотя бы на один батальон? Или срочно наковали на Кировском заводе? Неизвестно…

Ведь вот до чего доходили те герои, которым Путин ставит памятники. Этому памятнику и дать бы в бронзовые руки бронзовую косу.

* * *

За круглым столом Гранин так объяснил нашу победу: «И когда мы(!) поняли, что проигрываем войну (это когда же именно – в 1942-м? в 1943-

м?), тогда к нам пришло остервенение». Примечательно, что именно так говорит о войне другой мыслитель – Михаил Жванецкий. Он не так давно сказал с телеэкрана, что до 1943 года мы и не воевали, но когда, наконец, стало известно, что немцы истребляют еще и евреев, вот тогда и пошли в бой… «Мы за ценой не постоим…»

А в 1941 году, уверяют эти мыслители, желание дать отпор, бить врага было нам неведомо. А что же делали, как вели себя защитники Брестской крепости, Одессы, Севастополя… Как погибли Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло?

На фронте за ценой стояли. Да еще как! Вот хотя бы что говорилось в телеграмме командующего Западным фронтом генерала армии Жукова командующему 20 армией генерал-лейтенанту Власову во время нашего контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года: «…Не разрушив огневые точки врага, вы бросили на ПТО танки и пехоту. Вы не жалеете людей, не жалеете танки. Приказываю разрушить артиллерией укрепления противника. Запрещаю легкомысленные броски танков и пехоты на укрепленные полосы противника» (Правда, 16 декабря 2011). И ведь таких документов немало!

А Гранин не только ни разу не упомянул добрым словом Сталина или Жукова, Рокоссовского или Василевского, но еще и решительно отрицал роль армии: не она, а народ победил! Оторвать армию от народа и даже противопоставить их по силам только уж очень большому мыслителю.

Нельзя умолчать и о том, что разного рода «фронтовые эпизоды», о которых Гранин рассказывал, весьма сомнительного свойства. И не только потому, что у них, как правило, отсутствуют приметы и времени и места, а просто вот, мол, что случилось однажды где-то когда-то. Так, уверял, например, что где-то когда-то он с сослуживцами лежал днем в кювете, а мимо по дороге шли немецкие войска, и на группу советских солдат и офицеров в армейской форме и с оружием немцы не обращали никакого внимания. Ну, как этому поверить?

В другой раз мы читали, что два велосипедиста – впереди и сзади – вели человек пятьсот наших пленных. Какие велосипедисты? Это на стадионах, на треках, а в армии, на войне имелись когда-то, в начале XX века, в годы Первой мировой войны самокатчики, даже самокатные части были, но во Второй мировой ни в одной армии, в том числе и у немцев, самокатчиков не водилось. Зачем велосипеды, коли давно есть мотоциклы.

И вся ситуация с покорно бредущими пленными, у которых на лице Гранину виделась «печать поражения», неправдоподобна, они же запросто могли прикончить этих двух «велосипедистов», у которых руки заняты рулем, а автомат за плечами, и разбежаться, как это нередко случалось. А еще где-то когда-то Гранин с друзьями «несколько дней шли из окружения» и наткнулись в лесу на группу спящих немцев. И что? Не решаясь нарушить сладкий сон оккупантов – у них «мертвый час» –

тихонько прошли мимо, даже оружие их не забрали… Какая трогательная война…

Какую чушь еще можно придумать? Представьте, мыслитель придумал: «У нас скрывали поражения», – сказал он Гельмуту Шмидту. Да как возможно скрыть, если вермахт допер до Москвы, а потом до Волги? В наших сводках не писали, конечно, так, например: «Под Минском войска Западного фронта потерпели поражение и оставили город», «Под Смоленском советские войска были наголову разбиты и бежали» и т. д. Судя по всему, Гранин именно такие сводки ждал и считал бы их честными. Иной раз в сводках, естественно, случались ошибки, порой что-то умалчивалось из военных соображений, но захват немцами Минска и Кишинева, Вильнюса и Сталино, Киева и Севастополя – всех 727-ми захваченных ими городов в сводках, разумеется, не скрывался. И все нормальные люди понимали, что это значит.

И ведь это еще не вся его персональная правдуха о войне. Он уверял, что нашим солдатам в окопы и землянки присылали для утехи молодых женщин. Вот и нам, бормотал старец, прислали как-то одну на двоих… Это кто же прислал – командующий армией, фронтом, нарком обороны? Много довелось мне читать мерзкой клеветы о Красной Армии, о войне, но такое встретил впервые.

* * *

Не обошел неутомимый труженик правды и проблему наших пленных. Уверял, что они «претерпели голод, нечеловеческие условия» только потому, что не были защищены Женевской конвенцией. Такое заявление опять свидетельствовало бы о полном непонимании, что такое была война, но в «Блокадной книге» приведены многочисленные документы, свидетельствующие о планах фашистского руководства просто истребить наш народ. Приведу лишь одну цитату оттуда: «7 сентября 1941 года в секретной директиве Верховного командования говорилось: «Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником»».

Гранин тут же пояснял: «Москва и Ленинград обрекались на полное уничтожении вместе с жителями. С этого должно было начаться то, что Гитлер имел в виду: «Разгромить русских как народ». То есть истребить, уничтожить как биологическое, географическое и историческое понятие» (с. 22). И плевали они на все конвенции.

Значит, почетный гражданин знал, что если немцы не посчитались с двумя межгосударственными договорами с нашей страной, исключавшими возможность любого противостояния, то никакой роли на пути их истребительных планов не могла сыграть никакая Женевская конвенция. Да, знал, а теперь уверял, что все дело в этой конвенции.

Ведь немцы, мол, такие законники. То есть он опять не заблуждался, а опять лгал сознательно, обдуманно, целенаправленно.

А вот что он говорил о другой стороне этого вопроса: «Одно из тяжких и постыдных последствий войны – отношение к пленным. Плен у нас карался как преступление… Бывших пленных подвергали репрессиям. Они пребывали отверженными, бесправными».

Как всегда – ни фактов, ни имен. «Бесправные»! Назвал бы хоть одного, лишенного пусть бы даже водительских прав. А я могу назвать много людей, в том числе писателей, которым плен не помешал и жить в столице, и учиться или работать там, где хотели, и печататься, и получать премии, ордена, и в партию вступать.

В Литературном, как тогда говорили, идеологическом институте сразу после войны со мной учились и работали изведавшие плен Н. Войткевич, Б. Бедный, Ю. Пиляр, преподаватели русской литературы А.Н. Власенко, Н. Трифонов… Коля Войткевич был до того «отверженным», что все пять лет оставался старостой нашего курса. А Бориса Бедного покарали публикациями многих рассказов и повестей, а также постановкой фильма «Девчата» по его повести, который показывают по телевидению до сих пор. И Юра Пиляр не избежал репрессий в виде издания нескольких повестей и романов. И все они были членами Союза писателей.

Назову имена гораздо более известные – писатели Степан Злобин и Ярослав Смеляков. Оба занимали важные должности в Московском отделении Союза писателей, первый – председатель секции прозы, второй – поэзии; оба получили высокие литературные премии – Сталинскую и Государственную, у обоих выходило много книг, в том числе собрания сочинений в 4-х и 3-х томах. А всего в справочнике «Отчизны верные сыны» (М., 2000) значится более двадцати писателей, которые были в плену.

А факты притеснения, конечно, были, ибо перестраховщиков и долдонов не сеют, не жнут, они сами родятся. Поэтому ЦК и СНК приняли постановление, чтобы утихомирить их. В нем говорилось: «Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника». Но Гранину было лень искать факты, копаться, его и без этого власть осыпала наградами да премиями.

* * *

С крайним изумлением прочитал я у него и это: «Только спустя двадцать лет после войны в 1965 году отметили солдат медалью в честь Победы». А к тому времени, дескать, немало фронтовиков уже и умерли.

Уж и не знаю, что это – опять старческий сбой памяти или злонамеренное вранье. И как не вспомнить Достоевского: «Старику девяносто лет, и он давно мог сойти с ума», тем более, что ему было уже

за девяносто, но почему-то, как уже сказано, все сбои в одном направлении – против Советской власти.

На самом деле в 1965 году фронтовики получили не медаль «За победу над Германией», а орден «Отечественной войны». Это была памятная награда – в знак двадцатилетия Победы. А медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была учреждена Указом Верховного совета СССР сразу после окончания войны – 9 мая 1945 года. Ее получили около 15 миллионов человек. Очень многие – еще до мобилизации, и вернулись домой уже с этой медалью. Я, например, получил ее 9 января 1946 года в райвоенкомате Сталинского района Москвы.

Если Гранину почему-то вручили медаль только через двадцать лет, то это факт его биографии, а не 15-ти миллионов фронтовиков.

Но однажды по воинскому вопросу Гранин сказал правду: «В 1946 году сняли выплату пенсий(?) за ордена. Деньги шли маленькие: в месяц за Красную Звезду – 15 рублей… Ликвиднули, ничего не объясняя».

Это – святая правда из грешных уст! Но, во-первых, 15 рублей это сейчас «маленькие деньги», на одну поездку в метро надо в три раза больше, а тогда это были вполне приличные деньжата, особенно, если ежемесячные.

Во-вторых, из орденов больше всего награждений было как раз Красной Звездой – 2.860 тысяч, почти три миллиона. Сколько же получается всем награжденным ею в год? 15*12(3.000.000 = около 500 миллионов рублей. А всего за время войны за боевые отличия было около 13 миллионов награждений. В тылу же одной лишь медалью «За доблестный труд» награждено свыше 16 миллионов человек.

А ведь было немало награждений и до войны. И платили не только за ордена, но и за медали. Медалью «За отвагу» были награждены около 5 миллионов человек, медалью «За боевые заслуги» – еще больше.
Я получил обе эти медали, и мне платили за них 10 и 5 рублей.

Нетрудно сообразить, какие тут набирались в целом по стране гигантские суммы, каким бременем они ложились на государственный бюджет. А страна-то в каком состоянии после войны находилась? Кто, кроме нас самих, на что, кроме наших средств, можно было восстановить разрушенное хозяйство, поднять города, возродить деревни и села?

Вот почему выплаты были отменены, действительно, «ничего не объясняя». Никакие объяснения фронтовикам и труженикам тыла просто не требовались. Народ и без объяснений понимал, каковы дела. А он голосил: «Отдайте мои 15 рэ!».

*** * ***

Вместе с Виталием Дымарским, главным редактором разухабисто лживого журнала «Дилетант», Гранин благоговейно вспомнил книгу

Виктора Астафьева «Убиты и прокляты»: ах, как досадно, что она «не всколыхнула общественность». Но этот ротный телефонист, попавший на фронт почему-то лишь в 1943-м году, был невеждой в военном отношении и всегда лгал о войне, но в советское время – с тремя плюсами, а в антисоветское – с пятью минусами. Я писал об этом еще при жизни Астафьева.

Да как вообще можно верить человеку, который откровенно рассказывал, что вот еще до войны работал он где-то в вагонном депо и получал 250 рублей в месяц, а потом попал в редакцию и стал получать 600 рублей. Цифры странные, он явно путал, но не в них дело. Он бесстыдно признавался: теперь, при 600 рублях «что от меня ни требовали, я все писал. Пропади все пропадом! Я любую информацию напишу – мне за нее пять рублей дадут» (Известия, 12 августа 1988).

А в другой раз этот вояка уверял, что на фронте «все часто думают: скорее бы меня убили» (там же). Можно ли с солдатами, думающими так, победить врага? Можно было с такой армией гнать немцев от Сталинграда до Берлина и взять его?..

Так Астафьев откровенничал с литеральным критиком Валентином Курбатовым. И тот ни разу не удивился, не переспросил, не сказал писателю: «Виктор Петрович, полно вам наговаривать-то и на себя и на всех фронтовиков!». Нет, критик молча выслушал этот вздор и бесстыдство, все записал и – на полосу столичных «Известий».

А критик Большакова А.Ю. нахваливает Астафьева «за смелость в изображении войны с самой неприглядной стороны». Разумеется, в любой войне, даже в Отечественной, могли быть весьма неприглядные факты и обстоятельства. Зачем далеко ходить? Сам Астафьев со смаком рассказал в «Правде», как однажды «в Польше из карабина врага убил… Котелок у него на спине под ранцем был. Цель заметная. Под него, под котелок я и всадил точнехонько пулю». Чувствуете? – точнехонько… То есть немец-то, может, уже совсем не молодой, отступал, бежал, и молодой телефонист от нечего делать убил его не в бою, а в спину. И хвастается! Уж куда неприглядней.

Большакова восхищается бесстрашием Астафьева при описании штрафных лагерей, «подлого казарменного быта». Но ведь Астафьев вслед за критиком Сарновым так же бесстрашно врал и о быте прекрасных писательских Домов творчества, где ему однажды чем-то не потрафили. Как ему и в этом-то верить!

Критик А. Большакова просто млеет от героизма, с которым Астафьев «вскрывает пороки тоталитарной системы». Да какое же мужество, мадам, какой героизм, если новая власть сама только этим и занималась и хотела, чтобы в книгах, в кино именно таким и было размалевано советское время – с самой неприглядной стороны, сплошным «штрафным лагерем» с подлым бытом, с изощренным унижением человека. Это не мужество, а лживость и холопство, измена и

угодничество, чем ныне пробавляетесь и вы, мадам. И за это именно власть и церковь дают премии, ордена, издания. А Гранина еще и церковь наградила своим орденом Даниила Московского.

А ведь в советское время Астафьев был достаточно скромным и разумным человеком, не претендовал на эпохальные открытия вроде всеобщей жажды смерти на фронте, признавал, что, как рядовому бойцу, ему на фронте со своей «кочки зрения» «не так уж много было видно», да еще иссылался на свою «недоученность», провинциальность, признавал, что «правда о войне складывается из огромного потока книг, посвященных этой теме», и перечислял те и них, которые «могли бы служить «фундаментом» для будущего великого произведения о войне» (Правда. 25 ноября 1985). Но как только власть переменилась, как только стал он получать свои «600 рублей в месяц», тотчас все, что говорил раньше, выплюнул, и вскоре явилось долгожданное «великое произведение» – «Убиты и прокляты». Верно сказал Юрий Бондарев об Астафьеве: «Примкнувший к пятой колонне» (Правда, 14 марта 2014).

А ведь и Гранин там, в этой колонне, в одном ряду с Астафьевым, Сванидзе, Млечиным…

***

И снова Гранин: «У нас до сих пор нет истории Великой Отечественной». И вот он один знает правду и откроет ее нам. И никто не остановил человека, который просто плохо собой владел. На самом деле, помимо художественных произведений, у нас великое множество документальных книг и о войне в целом, и об отдельных сражениях, и о действиях разных родов войск, и о полководцах… Тут и книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», и воспоминания самых высокопоставленных военачальников – Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева, Баграмяна, адмирала Кузнецова, Штеменко, Голованова, тут и воспоминания многих командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, полков, партизанских отрядов, наконец, знаменитых героев войны, как Александр Покрышкин, и ее рядовых участников.

Есть и 5-ти, и 6-томная «История Великой Отечественной войны», и 12-томная «История Второй мировой войны», есть несколько энциклопедий. Я уж не говорю о «Книгах памяти», о «Книге потерь», о многотомном издании «Русский архив» – «Великая Отечественная», где собраны и приказы наркома обороны, и документы Ставки, включая записи переговоров по прямому проводу, и приказы Верховного главнокомандующего, и документы командования фронтов, флотов, армий.

Конечно, некоторые книги не без недостатков. Так если тебе дорога истина, читай, сопоставляй, ищи. Гранин этих книг не читал, они ему

неинтересны. Ему было важно навязать свой взгляд, свою точку зрения, как мы уже видели, часто невежественную и лживую.

P.S. Лет тридцать-сорок после войны Гранин не писал о ней. Видимо, считал, что опыта инструктора политотдела, навыка комсомольской работы и даже двойного танкового образования, как и срока пребывания на фронте, маловато, чтобы писать. Конечно, опыт инструктора и слушателя военных училищ не сравнить, допустим, с трехлетним опытом командира батареи Юрия Бондарева. К тому же тогда были еще живы многие фронтовики, в том числе – писатели, и одна за одной появлялись их прекрасные книги. И Гранин молчал о своей войне.

Но настали иные времена. Фронтовиков, которые могли бы сказать: «Полно врать-то!» осталось мало, и они уже так состарились, что многим было не до этого. И тут Гранин развернулся… Благо, судьба дала долголетие. Он принялся писать о войне статьи, книги, давал интервью, принимал участие в создании военных фильмов, его приглашали в юбилейные дни на телевидение, в газеты, стал охотно рассуждать о войнах вообще и о художественных произведениях, в той или иной мере посвященных войнам. И каково все это, мы видим…

А что касается эпитафии, то читательница, назвавшаяся Мариной, предлагает на памятнике написать золотыми буквами: «Лжецу от клеветников». Подойдет? Или лучше «Клеветнику от лжецов»? Какая эпитафия лучше? Обе лучше!

Орден Иуды

9 декабря в России отмечается День героев Отечества. Он был учрежден в 2007 году. И за предыдущие годы что-то я не помню каких-либо значительных мероприятий на всероссийском уровне. Но в этот раз, надо полагать, в связи с приближением знаменательного юбилея Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, решено было отметить этот День. И что же мы увидели и услышали с самого утра 9 декабря 2019 года?

А вот. В 9 часов в «Новостях» по Первой программе телевидения этому Дню уделили много времени. Нам обстоятельно поведали об орденах, которые учредили Петр Первый, Екатерина Вторая, кого и чем награждал Павел Первый, нам показали эти пышные ордена далекого царского времени, портреты некоторых награжденных ими лиц, мы увидели и величественные портреты царей, и прекрасный Георгиевский зал Кремля, стены которого украшены именами георгиевских кавалеров… Прекрасно!..

А в самом конце сюжета секунд 5-10 – три-четыре фразы о героях и наградах Великой Отечественной войны. Да, были, дескать, и тогда вояки, во времена ваших отцов и дедов. Вот посмотрите, был и орден Славы трех степеней, но – ни имен, ни портретов, ни других орденов,

кроме Славы. И промелькнул перед нашими глазами этот орден, показанный, как видно, только потому, что у него колодка такая же, как у Георгиевского креста… Да показали бы хоть Семена Михайловича Буденного с его тремя Георгиями, или Жукова, Рокоссовского, Малиновского, у которых тоже были кресты. Ни Боже мой… Да это ж глумление! Плевок в лицо народу, детям и внукам, хранящим ордена и медали отцов и дедов.

Президент Путин! Министр Шойгу! Думские дамы и господа! Это что ж вытворяет взлелеянный вами наглый и малограмотный прихвостень с популярной русской фамилией Эрнст, сто лет командующий телевидением?..

Как известно, после победы в Полтавской битве 27 июля 1709 года, в которой гетман Иван Мазепа, считавшийся союзником и другом русского царя, предал его, перебежал к Карлу XII, к шведам, царь Петр приказал отлить из серебра орден Иуды весом в десять фунтов и хотел повесить его на шею Мазепе Увы, не удалось: 22 сентября Ивашка преставился. Но тогдашняя русская церковь все же предала его анафеме. Нынешняя церковь не последовала этому патриотическому примеру, не предала анафеме генерала Власова. Мало того, среди ее служителей ныне есть пламенные почитатели изменника. И что, их осуждают? Как можно, Власов же предал советскую власть, как и нынешние обитатели Кремля…

Давно пора учредить у нас орден Иуды. И ведь многие не улизнули бы от него, как Мазепа. Выстроилась бы длинная очередь из живых и покойников: Горбачев, Ельцин (посмертно), Эрнст, Солженицын (посмертно), Радзинский, Сванидзе… И совсем не обязательно отливать орден из серебра, можно из свинца.

* * *

В Советском Союзе до войны было пять орденов. Высший из них носил имя Ленина, человека, спасшего родину от распада и порабощения. Но Отечественная война была самой великой и страшной по потерям и утратам за всю историю России. В ней народ выстоял против не порабощения, спас страну не от ига, как в 1612 или в 1812 годах, а от уничтожения. Немцам нужны были наши земли, наши просторы, очищенные от нас. Но до сих пор находятся тугоумные люди вроде известной Людмилы Улицкой, которые твердят нам: «Посмотрите на мудрых французов. Они с первого дня войны объявили Париж открытым городом – и Париж с его Лувром, Елисейским дворцом и Нотр-Дамом остался целехонек. А мы? Зачем-то дрались за Москву, Ленинград, Сталинград, за все 727 городов и бесчисленные безымянные поселки. И что? Почти все они оказались в развалинах».

А ведь Улицкой как еврейке, знающей, что к ее соплеменникам во всем мире многие относятся по-другому, чем к иным нациям и народам, – ей,

казалось бы, легче других понять, что отношение фашистов к советскому народу было совсем иным, чем к французам или англичанам, к бельгийцам или голландцам. Этих достаточно было просто отбросить и приструнить, а русских им надо было уничтожить как народ. И какие тут могли быть открытые города, если они, когда удавалось захватить наш госпиталь, добивали и раненых?

Разумеется, в Великой Отечественной, четыре года бушевавшей от Баренцева моря до Черного, неисчислимо больше было не только потерь, но и подвигов, и массового героизма, чем во всех прежних войнах России вместе взятых. В эти годы на фронте и в тылу 41 тысячу раз достойным людям вручались ордена Ленина, свыше 66 тысяч – ордена Красного Знамени, 21,5 тысячу – ордена Трудового Красного Знамени…

Около 11 тысяч солдат и офицеров стали за эти годы Героями Советского Союза. Больше всего среди них, конечно, русских (8160) и украинцев (2069). Да, украинцев, сыновей и внуков которых ныне стараются не только оторвать от русских, но и натравить на нас.
И заметьте, Путин, большинство Героев, около 70 %, на день подвига были членами ВКП(б). (А сколько Героев в вашей «Единой России» за двадцать лет?)

Первыми, буквально в первые дни войны, звание Героя получили три русских летчика, тараном сбивших фашистские самолеты при защите Ленинграда, – М.П. Жуков, С.И. Здоровцев и П.Т. Харитонов. Я помню: их имена были тогда на устах у всех. Двое первых не дожили до победы, Харитонов дожил до горбачевщины.

А начиная с 1942 года советская власть учредила много новых наград: ордена Отечественной войны, Славы, Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого…

8 ноября 1943 года, после освобождения Киева, был учрежден полководческий орден Победы. Им награждены Маршалы Советского Союза И. Конев, К. Рокоссовский, Р. Малиновский, Ф. Толбухин, Л. Говоров, С. Тимошенко, К. Мерецков, а также генерал армии А. Антонов. Дважды награждены этим орденом Г. Жуков, А. Василевский и И. Сталин.

За четыре пятилетки своего катастрофического правления, за двадцать лет ежедневного сладкого говорения с телеэкрана Путин никого из этих доблестных сынов отечества не упомянул ни единым добрым словом, одновременно не отказывая себе в удовольствии время от времени сплясать чечетку на могиле Сталина. Не так давно в разговоре о Курильских островах, знать, по подсказке Жириновского, вот как вывернулся: «Папаша Сталин забрал их и все…». Брянский волк тебе папаша!.. Помянем 9 мая наших маршалов Победы.

На Поклонной горе в музее Отечественной войны есть маршал Жуков. Почему только он один? А потому, что если поставить памятники всем

маршалам, то уж очень будет бросаться в глаза отсутствие памятника Сталину, на который они никогда не решатся, ни в жизнь, хотя бы из-за того, что у Сталина после смерти оказалось на сберкнижке 3 тысячи рублей, а у этих патриотов-альтруистов… Кто сосчитает?..

Раньше в вопросе Великой Отечественной войны властители орудовали отмычкой, которую для них изготовил, кажется, Сванидзе: «Победили не благодаря Сталину, а вопреки ему». То есть по умолчанию имелось в виду, например, вот что: Верховный главнокомандующий приказывал сдать Москву, но Красная Армия вопреки приказу отстояла ее; он приказывал сдать Сталинград, но армия вопреки приказу отстояла его; он приказывал не брать Берлин, но армия вопреки приказу взял его.

Позже свою фомку предложил Медведев, первый умник Кремля: «Победил не Сталин, а народ». По умолчанию имелось в виду: а Сталин сидел в Кремле и размышлял, кого бы еще расстрелять сверх 106 миллионов уже расстрелянных и подсчитанных математиком Солженицыным.

* * *

Но вернемся к советским наградам. Были не только ордена, но, естественно, и многочисленные медали: «Партизану Отечественной войны», за оборону осажденных врагом наших городов (Москвы, Ленинграда, Киева) и целых регионов (Кавказа), за освобождение иностранных столиц (Варшавы, Праги), за взятие вражеских городов (Кенигсберга, Будапешта), наконец, медали «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Надо еще помнить, что в 1944 году были учреждены звание «Мать-героиня» и орден «Материнская слава» трех степеней.

Так вот, президент Путин, повторяю, Петр Первый наградил Мазепу орденом Иуды. Почему бы вам не последовать примеру нашего великого пращура?..

P.S. А как отметили День героя наши самые главные патриотические газеты – «Советская Россия» и «Правда»? Весьма своеобразно.

Во-первых, ни та, ни другая ни словом не упомянули ни один подвиг советского времени, ни одного Героя Советского Союза. Может быть, КПРФ и ее газеты не признают День, учрежденный этой властью? А почему не признавать? Это же прекрасный повод напомнить о величии советской эпохи.

Впрочем, нет, первая из них в заметочке из десяти строк упомянула двух Героев – Советского Союза и России, но как! Она сообщила, что есть у нас люди, которые «из всех эпох считают героями Отечества Георгия Жукова и Сергея Шойгу». Видимо, эти люди считают, что Жуков и Шойгу вместе и Москву защищали и Берлин брали.

А «Правда» напечатала большую статью доктора исторических наук Александра Кругликова «Крестами и местами», которой я во многих положениях просто отказываюсь верить. Решительно! Ну, о том, что в свое время высшим орденом режима был награжден малоумный предатель в мужских штанах Горбачев, мы помним, но все-таки это сделал не Путин, а зиц-президент Медведев, который тоже почему-то ходит в мужских брюках. Вручая награду по случаю 80-летнего юбилея Ставропольского подонка, брюконосец сказал: «Я подписал сегодня указ о вашем награждении нашим высшим орденом – орденом Андрея Первозванного. Я считаю, что это адекватная оценка той большой работы, которую вы проводили в качестве главы государства. Вы достойно руководили страной в очень сложный драматический период». Да, это мы помним. Ворон к вороту летит…

Но в статье историка Кругликова сказано, что орден «За заслуги перед Отечеством» получил и грабитель отечества Чубайс; что орден святого князя Александра Невского, защитника родины, огребли Алишер Усманов, Дерипаска, Мордашев, Миллер, Вексельберг, Ротенберг, Шварценберг… Да уж стоит ли упоминать, что высокие ордена получили и черная вдова Наина, и такие многомиллиардные ворюги как Хорошавин, губернатор Сахалина, и мадам Васильева, финансовая владычица министерства обороны, а также возлюбленная министра Сердюкова. Ее упекли было за решетку на пять лет, но через 34 дня президент выпустил ее, перед ней извинились за невольную отрыжку сталинизма, да еще орден Почета повесили ей на самом чтимом Сердюковым месте. И вот что примечательно: вскоре после получения награды в Кремле, после рукопожатий, объятий, букетов одни оказываются за решеткой, как А. Постригань, мэр подмосковного Клина, оставивший жене и деткам на молочко 9 миллиардов рублей, а другие, более расторопные, как губернатор Челябинской области Борис Дубровский, – в Швейцарии. Буквально схватил орденок, и в марте этого года дал деру на берег Женевского озера.

При получении награды, уверяет автор статьи, Алишер Усманов, за пазухой у которого 15 миллиардов долларов, будто бы сказал: «Только благодаря тому, что Россией руководит такой человек как вы, Владимир Владимирович, могут происходить такие чудеса, как со мной».

Из этого следует, что все награждения – дело рук самого Путина. Ну да, мы знаем, что награждение – это прерогатива президента, но все-таки думалось, что все это проворачивают какие-то чиновники из его администрации, а он ничего не знает, он чист, как белокрылый голубок. Но если Усманов прав, то я должен признать, что Путин – полный болван или последний негодяй, обесценивший, обессмысливший и опозоривший все государственные награды, кроме ордена Иуды, который надо учредить.

Но я, верноподданный российский гражданин, не могу, не хочу, наконец, не желаю признать президента моей родины болваном или негодяем, а

то и врагом отечества. Нет, я не верю доктору Кругликову и убежден, что в ближайшем номере «Правды» будет опровержение его статьи и редакция извинится за ее публикацию. Жду….

Коммунисты и буржуи

Свет с Востока

Какие славные ребята из Бурятии учились со мной вместе в Литературном институте сто лет тому назад. Один Цыденжап Жимбиев чего стоит! Старательный в учебе, деликатный, верный товарищ. Он был лет на пять моложе меня. Вернувшись на родину, много и разносторонне работал, стал народным писателем Бурятии, заслуженным деятелем культуры, лауреатом республиканской премии. А Норпол Очиров? А Африкан Бальбуров, главный редактор журнала «Байкал»? Ах, как знатно однажды погудели в самом роскошном московском ресторане «Националь» мы с ним, Норполом и Иваном Лазутиным, который печатался в «Байкале».

Где они теперь? Что с ними? Живы ли? Заглянул в интернет… Увы, Африкан умер еще в 1980 году, Очириов – в 2003-м, Цыденжап – в 6-м, Иван – в 10-м…

Как не хватает их сейчас в бурлящем Улан-Удэ, жители которого взбунтовались из-за махинаций власти на выборах мэра города! Ежедневно идут митинги, полиция хватает участников, бросили за решетку уважаемых в республике людей… Как убедительно прозвучали бы на этих митингах голоса Цыденжапа и Норпола!.. Но сдается мне, что за них хорошо говорит сейчас Александр Габышев. История с ним имеет явно выраженный мистический характер..

19 сентября 2019 года в утреннем выпуске новостей интернет сообщил, что в пять часов утра по местному времени в Бурятии у поселка Выдрино силами медведевской полиции в составе 40 вооруженных бойцов успешно проведена операция по окружению и захвату Александра Габышева. В это время Габышев с друзьями спали в палатке недалеко от дороги в лесу. Именно на внезапность и рассчитывали составители плана операции. Полицейские, которые почему-то были в масках, ворвались в палатку, схватили Габышева, как опасного преступника, связали, надели наручники и поволокли в свой автобус, который тут же отбыл в неизвестном направлении.

Блестяще проведенная операция, судя по всему, была разработана в Генеральном штабе Российской Федерации уж если не под руководством самого начальника генерала армии Валерия Васильевича Герасимова, то наверняка – его заместителя, тоже генерала армии Татьяны Викторовны Шевцовой, 48-летней красавицы из калужского Козельска. Есть основания полагать, что все доблестные участники операции будут

представлены к государственным наградам, а Татьяна Викторовна, возможно, станет маршалом…

* * *

Кто же такой Александр Габышев? Диверсант? Террорист? Шпион? Нет, мирный житель Якутска, ему 60 лет, он хорошо помнит Советское время, по образованию историк, член КПСС. Человек пережил глубокую драму – смерть любимой жены. В неутешном горе он с чемоданом книг ушел в лес и долго там жил в одиночестве, как известный американский писатель Генри Торо (1817–1862), автор знаменитой книги «Жизнь в лесу». Не так давно Габышев вышел из леса… шаманом.

Видя, что вот уже тридцать лет творится на любимой родине, Габышев пришел к выводу, вернее, как говорит, внял голосу свыше: «Никто ее не спасет, кроме тебя, Александр!». Надо полагать, в свое время этот голос услышали и Минин с Пожарским и, собрав ополчение, двинулись они из Нижнего Новгорода, тоже с востока, на Москву изгонять ляхов. А сейчас Москва захвачена не ляхами, решил Габышев, а демоном.

Этого демона, говорит, природа не любит, в этом вся причина небывалых пожаров, чудовищных наводнений, бесчисленных взрывов, катастроф, аварий. Вспомните хотя бы только недавние пожары в одних лишь торговых центрах – в Москве, Кемерово, Грозном, Владивостоке, Ленинграде…

Ведь ни в царское время, ни в советское ничего этого не было в таких масштабах, с такой повседневной регулярностью, а едва лишь пришел демон, уселся в Кремле – тонет новейший подводный крейсер «Курск», гибнут 118 прекрасных сынов России, и с этого пошло-поехало…

И вот в марте 2019 года отправился Габышев пешком в Москву, чтобы мирными колдовскими средствами изгнать демона из столицы родины, из Кремля. В Якутске у него осталась двухкомнатная квартира, ключи от которой он взял с собой, чтобы в надлежащий час передать демону. «Пусть живет, – говорит, – мне не жалко».

И вот шагает уже седьмой месяц… Конечно, встречается по пути много людей. Он не скрывает от них цель своего похода, почти все одобряют, помогают, чем могут, некоторые присоединяются, вот уже тридцать человек с ним, они называют себя «воронами». Все та же мистика… Помните ворона Эдгара По с его «never more»?

Была у Габышева тачка для необходимых в дороге вещей, ему в Чите кто-то подарил вполне приличного «Жигуленка», но незнакомцы в масках, с самого начала не спускавшие с него глаз, угнали машину. Однако в другом городе вскоре ему подарили купленную вскладчину «Газель».

Помните «Славное море, священный Байкал»?

Шел я и в ночь, и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой…

Как видим, не перевелись на Руси сердобольные бабы и мужики, готовые ради доброго дела скинуться на «Газель» и поделиться махоркой. Но и людей в масках хватает. Они 19 сентября и «Газель» отобрали!

* * *

21 сентября в «Советской России» напечатана статья «Шаман арестован, «вороны» в пути». Она начинается так: «События в Бурятии продолжают развиваться совершенно невероятным образом». Точнее, мистическим. В статье сообщается, что 19 сентября журналисты обратились за разъяснением к пресс-секретарю президента Пескову: в чем дело? Куда исчез собрат Минина и Пожарского? Тот ответил, что, мол, знать не знаем, это не кремлевское дело, обращайтесь к местным властям.

В этот же день МВД Бурятии сообщило, что Габышев задержан за совершенное им преступление. Это оказалось враньем, журналисты установили: никакого преступления за патриотом Габышевым нет. Когда врет министерство республики – это кремлевское дело?..

20 сентября министерство здравоохранения Якутиии сообщило, что Габышев доставлен самолетом в Якутск и направлен в психиатрическую больницу. На каком основании? С чьего согласия? По чьему решению? И это оказалось враньем: в больнице сообщили правозащитникам, что такого пациента у них нет. Если по одному делу врут два министерства – это кремлевское дело?..

Отчего же такая суета, почему столько циничного вранья и беззакония? А дело в том (газета деликатно умалчивает об этом, надеясь, видимо, на сообразительность читателей), что демоном-то Габышев считает не Жириновского и не Медведева даже, а самого президента.

На митинге в Чите он прямо заявил: «Граждане, братья, отныне Путин вам не указ! Живите свободно!».

И за это – наручники?! Да ведь слова шамана с радостью слышит больше половины страны. Наручников не хватит!

Габышева заперли в Якутске, но его «вороны» продолжают марш. Уланудинцы подарят Габышеву уже не «Газель», а «Мерседес» или даже вертолет, и он догонит друзей. А в Москве на Красной площади шамана и его друзей встретят давно стоящие здесь бронзовый

гражданин Минин и бронзовый князь Пожарский. И все вместе они направятся в Кремль.

Друзьям-товарищам в «Правде» и «Советской России»

Забивая читателям голову всяким вздором, вы отвлекаете их от насущных и страшных проблем жизни, т. е. не только работаете против себя, но и работаете на режим, как работает телевидение, коллекционируя кошмары во всем мире. Вот в Парагвае автобус сбил пешехода, он жив, но надо сообщить дорогим россиянам! Всемирная русская отзывчивость по Достоевскому.

Вам ужасно страшно там, где ничего страшного нет, не может быть. Ну что заставляет вас покорствовать перед покойным Собчаком, перед наглой властью и угодливо всегда писать «Петербург»? Вас что, оштрафуют? Успокойтесь, даже не оштрафуют… Неужели не понятно, что такая трусость способствует тому, что люди просто забудут слово Ленинград? Вот вы печатаете хорошее, дельное, полезное письмо, а под ним стоит «Санкт-Петербург». Что это значит? А то, что хороший человек частью души уже стал рабом, подчинился власти. И что вам стоит вычеркнуть к такой-то матери Петербург и написать Ленинград? Но вам и мысль такая в голову не приходит.

Немного скажу и о себе. Ваши газеты, ваша КПРФ не понимают, что Бушин – человек редкой, уникальной судьбы, которого Господь для высшей цели сподобил до таких лет сохранить ясный разум. Я был бы очень полезен в Думе, и не раз предлагал Зюганову свою кандидатуру, но есть некая Останина, которая даже не передала ему мое пожелание.

Вы же не знаете людей и не интересуетесь ими. Я по возрасту открывал бы сессии Думы, произносил бы нашинские речи… А Жириновский у меня не вылезал бы из думского сортира. Вы же теоретизируете о нем: социальные корни жириновщины… В рыло надо бить, а не теоретизировать!..

А в «Правде» недавно напечатали статью Р. Косолапова и еще двух соавторов вроде бы во славу Сталина. Там – людоедские русофобские слова, которые будто бы принадлежат Троцкому. Я вам писал: Троцкий – умнейший, талантливейший человек, не один год он был вторым лицом в партии и в стране. Ничего подобного он сказать не мог. И вообще он не был ни еврейским националистом, ни русофобом. У него совсем другой джентльменский набор врага. И что же? Вы опять недавно печатаете эту чушь в статье какой-то дурры из Ленинграда! И она еще обещает и дальше популяризировать этот вздор. Назло мне, что ли?..

Егор Исаев умер, Бондарев уже несколько лет молчит, даже на мои звонки отвечает только его жена…

Я остался один из писателей-фронтовиков,
Что еще не умолк и держу оборону, как прежде…
Я устал, изнемог и порой не хватает мне слов
То лжеца пригвоздить, то достойно ответить невежде…

И вот мне, последнему из могикан с фронтовым партийным стажем, коммунисты устроили блокаду. А как это иначе назвать?..

Но дело даже не во мне лично, а в тягостном, ужасном положении народа, о котором я пишу прямо, без утайки, без поклонов в сторону власти, и мне удается ободрить людей, внушить веру в себя, в народ. А от вас мне же ничего не надо. Но нестерпимо видеть, что вы не умеете использовать то, что у вас под рукой

С фронтовым приветом! Владимир Бушин, Третий Белорусский фронт.

Коммунист Г. Зюганов и буржуй Д. Корбин

12 декабря 2019 года в Англии состоялись досрочные парламентские выборы. Победу одержали консерваторы. Они из 650 мандатов получили 365 и теперь имеют право сформировать свое однопартийное правительство. Лейбористы потерпели сокрушительное поражение. Они, потеряв 59 мандатов, имеют теперь только 203.

Что последовало для лейбористов из их поражения?

«Советская Россия» 14 декабря писала: «Лидер лейбористской партии Джереми Корбин заявил о намерении выйти в отставку». Корбин выполнил свое намерение.

Что об этом могут думать читатели «Советской России», «Правды», члены КПРФ, да и все разумные люди, сочувствующие коммунистам и не сочувствующие им? Они могут вспомнить, что Государственная Дума – это 450 депутатов, и в Думе первого созыва (1993 г.) КПРФ получала 45 мандатов, а также посты заместителя председателя Думы, председателей двух Комитетов и семи заместителей председателей Комитетов. Что ж, для того времени с его бешеной травлей коммунистов это можно считать неплохим результатом.

В Думе второго созыва (1995) КПРФ имела 56 мандатов. Не такой уж большой, но все же рост. Скрипя зубами, можно было порадоваться.

В третьей Думе (2000) КПРФ завоевала 67 мандатов. Успех! Как он был достигнут? Кто-нибудь проанализировал?

В четвертой Думе (2003) отступление – 51 мандат. В чем дело? Кто виноват? Почему? Шевели мозгами, голова, шевели…

В пятой Думе (2007) – 57. В сущности, топтание на месте..

В шестой (2011) невероятный рывок – 92 мандата! Каковы причины успеха?

И вот нынешняя седьмая Дума (2016) – 42 мандата. Катастрофа. Всего на три голоса оторвались от антисоветчиков Жириновского. А ведь перед выборами Зюганов заявил, и это было напечатано в «Правде»: «У нас есть все возможности увеличить число своих депутатов в два раза». Получили даже больше, чем в два раза, только в другую сторону.

Что означает этот супероптимистический горе-прогноз лидера партии? Только одно: он не знает истинное положение ни в партии, ни в стране. Что должен был сделать ЦК? Он обязан был срочно обсудить и катастрофический провал, и маниловское пророчество своего лидера. Что должен был сделать сам лидер? Поступить так же, как лидер буржуазной партии Джереми Корбин. Ни то, ни другое сделано не было. Тележка КПРФ тем же путем катила дальше: бесчисленные юбилеи, бесконечные призывы к хапугам сделать «левый поворот», несъедобные публикации о «неизбежности диктатуры пролетариата», постоянная забота о том, как бы не задеть президента…

* * *

Геннадий Андреевич не хочет понять, что нельзя же лидерствовать на две пятилетки в четыре года дольше, чем Путин, да еще делая такие пророчества. Тем более, сидя одновременно в трех креслах: КПРФ, Дума, СКП-КПСС. Ведь и Путину уже под 70, совсем лысенький, заговариваться начал, порой бог знает, что лепечет: то о галошах как о единственной радости советского народа, то о Ленине, на моих глазах, говорит, подложившим атомную бомбу под Россию. А тем, от кого слышит «Какой же бардак ты учинил в стране, если у чиновников зарплата – по миллиону в день!», он отвечает: «Иначе они не будут работать. А так работают и взятки не берут». Это ж, выражаясь деликатно, сумеречное состояние ума, признак скорой эпилепсии.

Да и вы, дорогой старый друг Геннадий Андреевич, когда возглавили КПРФ, были моложе Ленина в последний год его жизни на четыре года, и это было хорошо, а теперь вы старше Сталина на шесть лет, и это печально. Уже левую ножку приволакиваете, как я заметил при нашей встрече 9 мая. Многое забываете, не успеваете, просыпаете. Разве не лучше было бы сосредоточить свои усилия только на работе в Думе? Неужели в партии нет помоложе вас лет на тридцать людей, способных возглавить ее?

Ведь вы только посмотрите… Вот недавняя история с выдвижением Грудинина в президенты. Вы уже сколько раз выдвигались, в 1996 году даже победили Ельцина, а Павел Николаевич впервые пошел на выборы, необученный новобранец. Он занимается хозяйством, а не политикой. Вы, многоопытный политик, должны были все объяснить ему,

что и как, в частности, надо было навести порядок с его заграничными счетами, если они были. Ведь по поводу них особенно много и пронзительно то визжали, то хрюкали те, у кого не только счета, но и жены, и дети, и любовницы, и совесть, и стыд давно за бугром. А мы слышали о вас по этому поводу что-то невнятное и не могли понять: есть счета или нет их. А если есть, почему вы не ответите хрюкающим: «Заткнитесь!».

По своей душевной доброте вы забыли, Геннадий Андреевич, что в стране уже 30 лет тому назад произошла антисоветская контрреволюция. И дела активных коммунистов, их поведение власть и ее агентура тщательно наблюдает, исследует, рассматривает в лупу, в микроскоп и даже в телескоп. И при первой же нашей оплошке спускает на нас бульдогов по кличке Вольф или Рудольф. Так было и с губернатором Левченко. На Иркутскую область обрушилось небывалое природное бедствие. Тысячи домов затопило или снесло. Десятки тысяч людей остались без крова. В этих ужасных непредвиденных обстоятельствах требовать от губернатора полного порядка это все равно, что требовать от мэра Помпеи объяснений, почему жители города оказались в таком беспомощном положении, как показано на знаменитой картине Карла Брюллова. Ведь ни одного спасателя там нет, никакого МЧС…

Путин побывал в области сам и послал туда своего проверенного сподвижника Мутко, которого после дерусификации им спорта (типичная картина: в футбольной команде из 11 игроков 8 иностранцы) президент повысил в должности, сделал вице-премьером. Руководить спортом и любым конкретным делом он не годится, но быть соглядатаем, доносчиком – вполне.

Так вот, Путин, говорю, был в области сам и послал туда своего человечка, а вы, Геннадий Андреевич, или кто-то из вашего ЦК, из Думской фракции были там? А ведь можно было не сомневаться, что власть воспользуется народным горем, чтобы охаять губернатора-коммуниста, который за пять лет добился в области огромных успехов, что не дают спокойно спать кремлянам.

Вы шумели на страницах своих газет об этих успехах да о травле губернатора. Но власть, Геннадий Андреевич, сумела сделать так, что газеты ныне не имеют действенной силы. Они только СМИ – средство информации. А вы никакой другой борьбы, кроме газетно-ораторской да словесно-жестикуляторской, не знаете, не обучены. А надо было послать на помощь Левченко человек 20 из своего ЦК, да еще столько же из фракции. Вы в «Правде» из номера в номер повторяете слова Ленина: «Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата». Так надо было сформировать пару таких батальонов. Пусть и не очень железных, и послать в район бедствия. Думаю, такая мысль даже не пришла на ум никому в вашем ЦК или в Думе.

Зато Геннадий Андреевич недавно получил орден «За заслуги перед Отечеством». Путин сам навесил ему орден своими давно бестрепетными руками. Поделом!

Помните, сволочи!

Происходят важные события. Наконец-то «Правда» и «Советская Россия» устами иркутских коммунистов, возмущенных телевизионной травлей по указке Кремля своего лидера и губернатора Сергея Левченко, на всю страну возгласили: «Долой президента Путина! Долой правительство Медведева!». Надо бы добавить: «На мыло!».

Геннадий Зюганов вернулся из поездки в Китай. Там он подписал Меморандум о сотрудничестве с компартией Китая. А 14 декабря 2019 года на митинге народно-патриотических сил в Москве Зюганов произнес большую блестящую речь, которая опубликована в «Правде» и «Советской России».

Это речь «не мальчика, но мужа». Наконец-то Геннадий Андреевич заговорил языком, которого давно требуют время, Россия, народ: «Космополитическая свора в кремлевский кабинетах и в правительстве», «200 упырей-олигархов», «мерзавцы», «сволочи», «подлецы», «шайка», «банда», «дикий вой», «грязные и отвратительные сюжеты»…

Наконец-то он сказал волшебные пушкинские слова «русский дух» и обратился к главной силе страны – к русским: «Должны же вы наконец очнуться!». И напомнил, что за годы американских реформ не кто-нибудь, а все эти чубайсы, гайдары и нынешняя «либеральная свора, сидящая в правительстве, угробили 20 миллионов русских». И очень кстати Зюганов тут скала этой своре: «Помните, вам придется отвечать перед народом!».

Однако удивляет то, что Г. Зюганов сказал лично о Путине. Оказывается, когда тот явился из преисподней, он ему поверил и «под его первым президентским посланием готов подписаться и сегодня». Да как может многоопытный политик-коммунист верить тому, кого слепили и вывели на сцену карьерный антисоветчик Собчак и государственный преступник Ельцин! Это все равно, что верить Жириновскому, спасшему Ельцина от импичмента, или покойной Новодворской, выражавшей радостную готовность встретить с цветами войска НАТО на нашей земле. У Путина совершенно болезненная патологическая, на грани эпилептического припадка ненависть к советской эпохе, к Ленину, Сталину, к коммунистам. А ведь отец его, как и он сам, был не рядовым членом партии, а парторгом.

Только излишней добротой и неуместной деликатностью можно объяснить и такие слова: «На телевидении работают способные, опытные люди – Эрнст, Добродеев». Из чего это видно? Они сидят там с пионерского возраста, но так и не научились даже подбирать дикторов и

ведущих программ. Вы посмотрите хотя бы, как шпарят по воскресеньям выпуски новостей за неделю русскоязычный, но англоподданный Брилев и Ирада Зейналова: длинные пулеметные очереди, в которых с трудом можно ухватить два-три словечка. А ведь так просто вернуться к нормальной речи: надо просто сократить количество новостей, среди которых много совершенно лишних, никому не нужных и неинтересных: в Лиссабоне обвалилась крыша публичного дома…. В Бразилии автобус сбил пешехода… В Австралии кенгуру провалилась в болото…

А вот еще этот опытный Эрнст посадил на вечерний самый важный выпуск новостей Кирилла Клейменова. Он заявил: «Я филолог!». Какое мне дело, кто ты по образованию. Ты – диктор, твое дело – ясно, внятно, точно сообщить новости. А он и не филолог вовсе, а затейник, массовик. Каждую новость он подает в виде самодеятельной сценки со своими пошловатыми пояснениями. И этот Эрнст ничего не видит, что посадил на важное место не диктора, а болтливого затейника.

Тут же Геннадий Андреевич добавил: «Я понимаю, журналисты люди подневольные…». Ни к чему тут понимание, они знали, куда идут работать. Да тут же сам и назвал журналистку, которая отказалась участвовать в травле. Впрочем, дальше сказано хорошо: «Но какой надо быть политической сволочью, чтобы отдать приказ вести эту грязную работу!». Приказ этот Эрнсту поступил из Кремля, но он и не нуждается в приказе, он и так может отдать такой приказ Клейменову и кому угодно из своих дикторов или ведущих.

Излишний оптимизм, избыточная мягкость сказались и в том, что Геннадий Андреевич обращался к Путину с просьбой пустить в прокат фильмы о Грудинине и Левченко, об их работе, делах, успехах. Да он скорее согласится пустить фильм о своих похоронах!..

В ряду досадных оговорок можно отнести и слова о том, что «Сталин вместе с Рузвельтом и Черчиллем поднял знамя мира». Рузвельт после трагедии Перл-Харбора в декабре 1941-го, когда немцы были под Москвой, настаивал, чтобы мы начали войну против Японии. А уж о Черчилле и говорить нечего: трижды обманул с открытием Второго фронта, а в 1945 году и вовсе планировал операцию «Немыслимое» – совместный с недобитыми немцами удар по изможденной Красной Армии, взявшей Берлин. Наконец, не прошло и года после окончания войны, как он вылез со своей поджигательской речью в Фултоне. Забывать о таких делах мы не имеем права.

А вот это к месту и во время сказано: «Сергей Левченко – готовый премьер! А Павел Грудинин был бы прекрасным президентом!». Почему? Да потому, что «Ленин был гением!», а они – его ученики и духовные наследники.